

ОГОНЁК
№ 13 МАРТ 1972
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», МОСКВА
ИСМ

РАДОСТИ

ЗА ЧТО УВАЖАЮТ ЧЕЛОВЕКА...

Мария АНГАРСКАЯ
Фото В. САЛЬМРЕ.

Приглядитесь к фотографиям! Эта милая девушка показалась мне чем-то похожей на Наташу Ростову. Однако не только внешним обликом она напомнила мне героиню Толстого, но и своей очаровательной непосредственностью, милым девичьим смущением, какой-то особой Наташиной порывистостью, огромной жаждой жизни.

У девятнадцатилетней Лены Карпызы жизнь началась так. Окончила школу и решила стать самостоятельной. Куда поступить работать! Ну, конечно, туда, где интересней всего, где много таких же девушек, как она, среди которых ей наверняка будет весело!

А на Таллинском ордена Трудового Красного Знамени электротехническом заводе имени М. И. Калинина как раз создавали новый цех и набирали в него главным образом молодежь. И верно, кому же как не ей выпускать самую что ни на есть современную продукцию, которая не так уж давно существовала лишь в замыслах ученых! Теперь все это обрело конкретность, превратившись в диоды и тиристоры. Приборы, преобразующие ток из переменного в постоянный и наоборот, стала изготовлять Лена Карпыза.

Сегодня без таких приборов не может обойтись почти ни одна отрасль народного хозяйства. А производство их очень тонкое, состоящее из сотен сложных операций и требующее условий самых стерильных. Вот почему Лена Карпыза, встретив меня в вестибюле цеха, прежде всего предложила надеть белоснежный халат и шапочку. Цех коммунистического труда, где работает Лена, занимает четыре этажа. Это огромные, светлые галереи. Лифт поднимает нас на четвертый этаж — царство фотолитографии.

ЛЕНЫ КАРПЫЗЫ

Обсуждаются дела комсомолии.

Вечером, как обычно, разговор с матерью.

В вихре вальса.

Продолжение см. на стр. 6—7.

Л. И. БРЕЖНЕВ:

Советские профсоюзы пришли к своему XV съезду как всеми признанная, закаленная в борьбе за социализм, большая и влиятельная сила советского общества. Своими практическими делами профсоюзы доказали, что они были, есть и будут надежной опорой партии, признанными и авторитетными организаторами масс в строительстве коммунизма.

Из речи на XV съезде профессиональных союзов СССР.

АКТИВНЫЕ ПО

В зале заседания.

Москва. Кремлевский Дворец съездов. В президиуме XV съезда профсоюзов СССР. На трибуне — Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев.
Фото Дм. БАЛЬТЕРМАНЦА.

МОЩНИКИ ПАРТИИ

20 марта в Кремлевском Дворце съездов открылся XV съезд профессиональных союзов СССР. Делегаты 98-миллионной армии членов профсоюзов — рабочего класса, сельских тружеников и народной интеллигенции приступили к обсуждению итогов четырехлетней деятельности профсоюзов, определению дальнейших задач в коммунистическом строительстве.

На съезде присутствуют делегация Всемирной федерации профсоюзов в составе председателя ВФП Энрике Пасторино, генерального секретаря Пьера Жансуса и других, делегации международных организаций, профсоюзов братских социалистических и многих других стран мира.

10 часов утра. Бурными, продолжительными аплодисментами делегаты и гости встречают появление в президиуме товарищей Л. И. Брежнева, Г. И. Воронова, А. Н. Косыгина, Ф. Д. Кулакова, Д. С. Полянского, М. А. Суслова, А. Н. Шелепина, Ю. В. Андропова, П. Н. Демичева, М. С. Соломенцева, И. В. Капитонова, К. Ф. Катушева.

Председатель ВЦСПС А. Н. Шелепин объявляет XV съезд профсоюзов СССР открытым.

На нашем съезде, сказал он, присутствуют руководители Коммунистической партии Советского Союза и Советского правительства. Все они единодушно избраны делегатами XV съезда. Это сообщение делегаты и гости встречают бурными, продолжительными аплодисментами.

Председатель ВЦСПС сообщил, что на съезд прибыли 137 профсоюзных и рабочих делегаций из 103 стран мира и 9 международных организаций.

Под бурные аплодисменты единодушно избирается почетный президиум в составе Политбюро ЦК КПСС.

На рассмотрение XV съезда профсоюзов СССР внесены следующие вопросы:

1. Отчет Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов.
2. Отчет Центральной ревизионной комиссии.
3. Выборы Всесоюзного Центрального Совета Профессиональных Союзов и Центральной ревизионной комиссии.

Слово предоставляется Генеральному секретарю ЦК КПСС товарищу Леониду Ильичу Брежневу. Делегаты и гости съезда встречают товарища Л. И. Брежнева стоя, бурной, долго не смолкающей овацией.

Глубокосодержательную, яркую речь Леонида Ильича Брежнева с огромным, неослабным вниманием слушали делегаты и гости съезда, десятки миллионов радиослушателей и телезрителей в нашей стране и за рубежом. В зале съезда неоднократно вспыхивали горячие аплодисменты.

Бурными, продолжительными аплодисментами встретили делегаты съезда сообщение товарища Л. И. Брежнева о награждении профсоюзов СССР орденом Ленина.

Товарищ Л. И. Брежнев вручил президиуму съезда приветствие Центрального Комитета партии.

Заключительные слова речи товарища Л. И. Брежнева делегаты и гости встретили бурной, долго не смолкающей овацией. Все встают. Зал скандирует: «Ура!», «Слава КПСС!», «Ленинскому Центральному Комитету — слава!».

С Отчетным докладом ВЦСПС выступил председатель ВЦСПС товарищ А. Н. Шелепин.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!
ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ
№ 13 (2334)
Основан 1 апреля 1923 года
25 МАРТА 1972

15 марта Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев принял Премьер-Министра Афганистана Абдул Захира.

Во время беседы, проходившей в теплой, дружественной обстановке, были затронуты вопросы дальнейшего развития и укрепления отношений дружбы и сотрудничества между СССР и Афганистаном, а также некоторые актуальные международные проблемы, представляющие взаимный интерес, в том числе касающиеся Южной Азии.

15 марта в Кремле были завершены переговоры Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина с Премьер-Министром Афганистана Абдул Захиром.

На снимке: Л. И. Брежнев обменивается рукопожатием с Абдул Захиром перед началом встречи.

Фото В. Мусаэльяна (ТАСС).

СЪЕЗД БРАТСКОЙ ПАРТИИ

17 марта в обстановке большого политического подъема и боевого единства завершил свою работу XIII съезд Итальянской коммунистической партии. Съезд обсудил задачи партии в борьбе за народное и рабочее единство, создание правительства демократического сдвига, обновление Италии на пути к социализму. На совместном заседании ЦК и Центральной контрольной комиссии ИКП нового состава Председателем партии был избран Л. Лонго, а ее Генеральным секретарем Э. Берлингуэр.

На XIII съезде ИКП выступил с речью глава делегации КПСС член Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь Московского городского комитета партии В. В. Гришин. Делегаты съезда стоя приветствовали делегацию КПСС. Бурной овацией встретили они провозглашенную В. В. Гришиным здравицу в честь Итальянской коммунистической партии, пролетарского интернационализма, марксизма-ленинизма. В. В. Гришин передал президиуму съезда текст приветствия ЦК КПСС XIII съезду ИКП и памятный подарок — картину художника П. Т. Мальцева «В. И. Ленин на коммунистическом субботнике».

На снимке: выступление на XIII съезде ИКП главы делегации КПСС члена Политбюро ЦК КПСС, первого секретаря Московского городского комитета партии В. В. Гришина.

Телефото Ю. Лопатина (ТАСС).

Фото ТАСС, ЮПИ и из журнала «Пари-матч».

ПРЕЗИДЕНТ ПАКИСТАНА В МОСКВЕ

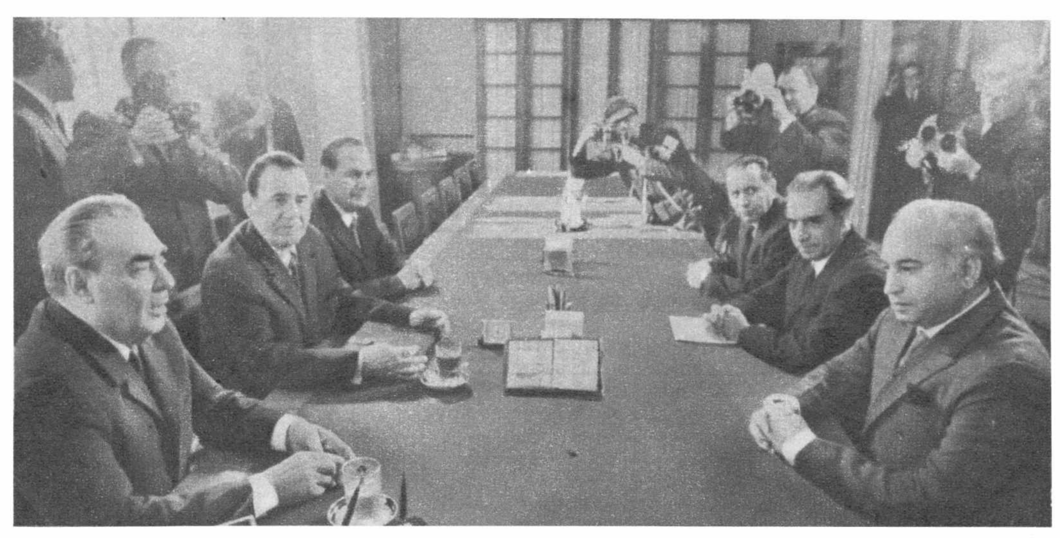
В Москве с официальным визитом с 16 по 18 марта находился Президент Исламской Республики Пакистан Зульфикар Али Бхутто.

В день приезда в Кремле начались переговоры между Председателем Совета Министров СССР А. Н. Косыгиным и Президентом Пакистана Зульфикаром Али Бхутто.

17 марта Президента Пакистана З. А. Бхутто принял Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев.

Во время беседы, которая носила дружественный характер, состоялся обмен мнениями по вопросам советско-пакистанских отношений, положения на Индостанском полуострове и возможных путей политического урегулирования возникших в этом районе проблем. Был также обсужден ряд международных вопросов.

По окончании официальных переговоров было принято совместное советско-пакистанское коммюнике, в котором отмечается, что развитие добрососедских отношений между Советским Союзом и Пакистаном соответствует интересам народов двух стран, делу упрочения мира в Азии и во всем мире.

Во время беседы Л. И. Брежнева с З. А. Бхутто.

Фото В. Будана и В. Мусаэльяна (ТАСС).

Переговоры между А. Н. Косыгиным и З. А. Бхутто.

В Индии состоялись выборы Законодательных собраний штатов. Правящая партия Индийский национальный конгресс снова одержала внушительную победу, обеспечив себе более 70 процентов депутатских мест. Серьезное поражение получили правые партии, такие, как Сватантра и Джан Сангх, а также отколовшийся от правящей партии «синдикат». Закрепили свои позиции представители Коммунистической партии Индии. На этом снимке вы видите момент голосования в Дели. Премьер-министр Индира Ганди опускает бюллетень в урну.

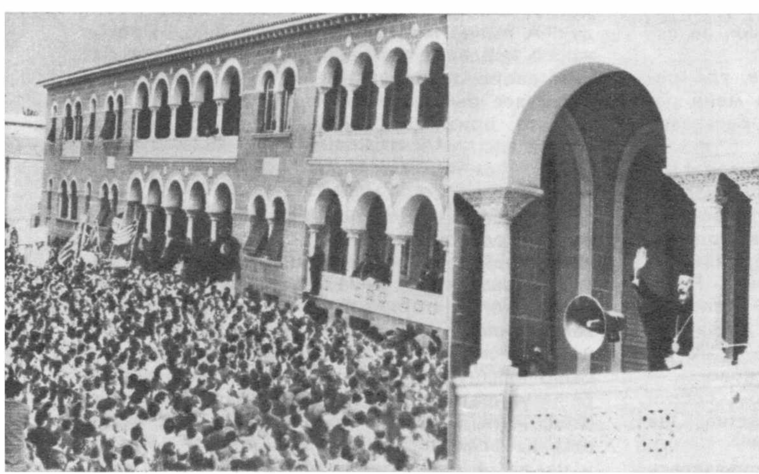
Происки афинской хунты против правительства Республики Кипр и ее президента архиепископа Макариоса встречают решительное сопротивление всех слоев населения острова. Кипрский вопрос, заявил недавно генеральный секретарь Прогрессивной партии трудового народа Кипра (АКЭЛ) Э. Папаиоанну, может быть решен только путем переговоров, мирными демократическими средствами. В Республике Кипр ежедневно проходят массовые манифестации в поддержку правительства и президента архиепископа Макариоса. Участники этой демонстрации несут основной лозунг: «Народ обезвредит заговорщиков!».

ПАНОРАМА МИРА ПАНОРАМА

Во всем мире, в самих Соединенных Штатах ширится движение в защиту мужественной американской коммунистки Анджелы Дэвис. Под давлением общественности власти были вынуждены выпустить Анджелу Дэвис под залог в 102 тысячи 500 долларов, которые собрали многочисленные друзья и сторонники молодой патриотки. Мы уже рассказывали о фермере Р. Макэфи, который под обеспечение требуемой суммы предложил организации Компартии США в Калифорнии свой участок земли, чем вызвал лютую ненависть реакционеров и расистов. Недавно в Сан-Хосе состоялась встреча Анджелы Дэвис с Р. Макэфи и его тремя сыновьями.

ЛЮДИ, ГОВОРЯЩИЕ «НЕТ»

Спартак БЕГЛОВ

В середине марта один из руководителей Христианско-демократического союза в Федеративной Республике Германии заявил, что «оппозиция готова взять на себя ответственность». Ответственность за что? За угрозу блокирования договоров, заключенных ФРГ с Советским Союзом и Польшей? Людям, чья политика зашла в тупик, свойственно хвататься за крайности и провозглашать: «Чем хуже, тем лучше!»

Хуже — для дела мира в Европе. Лучше — для неизлечимых сторонников реванша. Во имя возврата к «холодной войне» эти люди развязывают «войну нервов».

Их первая мишень — договоры, нормализующие отношения между ФРГ и социалистическими странами. Но за этими договорами — все достигнутое на пути разрядки напряженности в Европе общими усилиями миролюбивых народов, многих правительств и широких кругов общественности.

Процедура ратификации договоров началась в бундестаге ФРГ в январе этого года. Сейчас договоры находятся на рассмотрении парламентских комиссий. Окончательное голосование ожидается в начале мая.

Договор между СССР и ФРГ был подписан в августе 1970 года. С тех пор в центре Европы, в отношениях ФРГ с Советским Союзом, в обстановке на всем европейском континенте произошло немало добрых перемен. Таким образом, договоры, подписанные ФРГ с Советским Союзом и Польшей, не вступив еще в силу, уже успели оказать благотворное влияние на климат Европы.

Те, кто поднимает руку на эти договоры, не имеют сказать что-либо против по существу. Им нечего предложить взамен, кроме идей, прямо или косвенно протаскивающих реваншистские поползновения и претензии. «У них нет никакой реальной альтернативы»,— подчеркивает влиятельная западногерманская газета «Франкфуртер альгемайне».

И тем не менее противники договоров пытаются разжечь «войну нервов» распространением всякого рода домыслов о каких-то «односторонних выгодах» для Советского Союза и Польши. Это миф, которым хотят заслонить реальность.

Народ ФРГ выигрывает от договоров в такой же степени, как и советские люди и поляки, ибо в момент вступления их в силу перед ФРГ открываются равные со всеми европейскими странами возможности сотрудничества, расширения экономических связей, весомого вклада в политику мира, как подобает государству такого калибра, каким является Федеративная Республика Германии.

Эти договоры опускают занавес над целой эпохой в жизни нашего континента, эпохой войн, многомиллионных жертв и напряженности, вызванных неуемными притязаниями охотников до перекройки карты Европы. Они открывают перспективу совместных шагов правительств и народов на пути к коллективной безопасности и равноправному сотрудничеству через созыв общеевропейского совещания.

Западногерманские противники договоров, по существу, желают того, чтобы Федеративная Республика Германии пошла вспять. И не только Федеративная республика.

Приведу ряд международных откликов на маневры западногерманской оппозиции.

Западный Берлин. «Люди, говорящие в Бонне «нет», должны были бы в эти дни почувствовать настроение жителей Западного Берлина»,— пишет западноберлинская газета «Телеграф», усматривая в поведении западногерманской оппозиции угрозу четырехсторонним соглашениям, ведущим к нормализации статуса Западного Берлина в интересах его населения.

Вашингтон. «Высказывания американской стороны не только свидетельствуют о первостепенном значении, придаваемом Западом восточным договорам и зависящему от них соглашению по Берлину, но и подчеркивают связь с дальнейшими европейскими и всемирными усилиями по обеспечению мира. Без восточных договоров созыв общеевропейского совещания так же немыслим, как и соглашение об уравновешенном и одновременном сокращении численности войск» (сообщение газеты «Вестфелише рундшау»).

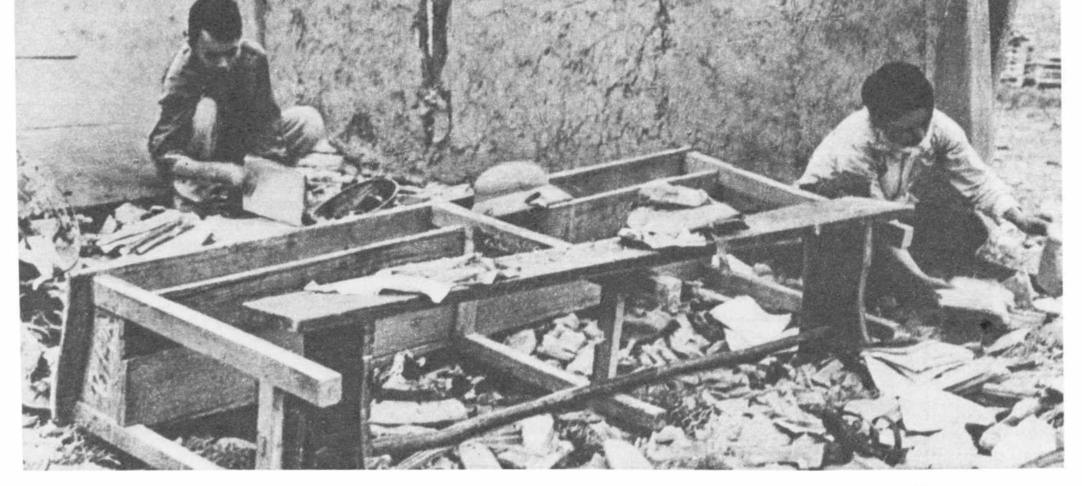
Лондон. Заключение договоров ФРГ с СССР и Польшей «ослабило напряженность между Востоком и Западом. Повернуть все это вспять было бы прискорбной ошибкой» (газета «Гардиан»).

Эти отклики говорят сами за себя.

Сообщения из ФРГ свидетельствуют о том, что демократические круги страны мобилизуют широкую общественность в поддержку дела нормализации отношений между ФРГ и социалистическими странами. На днях в Бонне был создан комитет гражданской инициативы «за безотлагательную ратификацию договоров».

Народ Западной Германии не может не сознавать всей опасности того пути, на который его толкают противники договоров. Сейчас решаются судьбы мира и безопасности Европы на многие и многие годы вперед. У миролюбивых сил нашего континента есть конкретная программа действий. Неотложное проведение ее в жизнь настоятельно диктуется интересами всех народов Европы.

Жертвой недавней варварской бомбардировки авиации США в провинции Куангбинь (ДРВ) стала школа. Бомбы были сброшены в тот момент, когда в классах шли занятия. В результате бомбардировки убито 23 человека и полностью разрушены два класса.
Фото ВИА — ТАСС.

СПЕЦИАЛЬНО ДЛЯ «ОГОНЬКА»

ВЬЕТНАМ, БОЛЬ ЧЕЛОВЕЧЕСТВА

Моника ВАРНЕНСКА, польская писательница

14, 15 и 16 марта американские агрессоры подвергли бомбардировкам густонаселенные районы Демократической Республики Вьетнам. 16 марта американские тяжелые бомбардировщики «В-52» провели серию налетов на северные провинции и ряд районов Центрального плато Южного Вьетнама. Летающие крепости бомбили районы вблизи камбоджийского города Кампонгтрать... Интервенты вторглись более чем на 40 километров в глубь территории Камбоджи. В феврале вдвое больше стало самолетов «В-52» на базах Таиланда и острова Гуам. Впервые за три последних года в Тонкинском заливе курсировало сразу четыре американских авианосца. Личный состав 7-го флота, находящегося в Тонкинском заливе, вырос с 13 до 20 тысяч человек...

Я вновь и вновь перечитываю строки из газетных сообщений в дни, когда весь мир отмечает Неделю солидарности с народами Индокитая. В ней участвуют сто национальных комитетов сторонников мира, многие международные организации. Во всех странах неделя проходит как боевой смотр сил, выступающих за скорейшую ликвидацию агрессии США в этом районе.

«США должны прекратить войну против народа Вьетнама!» — под таким лозунгом прошел массовый митинг в Хельсинки. В эти же дни австрийские женщины направили в адрес президента США телеграмму с требованием немедленно вывести все американские войска из Индокитая. Исполком Компартии Великобритании также направил телеграмму президенту США, требуя немедленно прекратить все бомбардировки, безоговорочно вывести из Вьетнама все войска агрессоров и ликвидировать базы. В Советском Союзе, в других социалистических странах участники многочисленных митингов солидарности подтвердили свою полную поддержку борцам за свободу и независимость вьетнамского, лаосского, кхмерского народов. На разных языках звучит сегодня во всех уголках планеты призыв: «Вместе с народами Индокитая — до их окончательной победы!»

Я вспоминаю, как звучали эти слова на проходившей недавно в Версале Всемирной ассамблее за мир и независимость народов Индокитая. Вот где была подлинная демонстрация солидарности!

...В Версаль я летела из ДРВ, ханойские друзья сказали мне: «Ну, вот, опять ты улетаешь и не хочешь побыть с нами в дни праздника «Тет» (Новый год по вьетнамскому календарю). А мы-то надеялись!» Но когда в моем ответе прозвучали слова «Париж» и «Версаль», они перестали меня уговаривать.

Ситуация во Вьетнаме обострилась. Снова в массовых количествах на территорию Юга и Севера обрушивается град бомб и других средств массового уничтожения людей, «усовершенствованных» и «улучшенных» по сравнению с прежними образцами. Снова гибнут люди, в первую очередь дети, женщины и старики. Снова горят и рушатся жилые дома, школы, больницы, пагоды. Поездки журналистов на юг, в знаменитую «четвертую зону», стали чрезвычайно редкими: товарищи в Ханое не хотят рисковать жизнью друзей. Обстановка и повседневная жизнь населения зоны опять напоминает 1967 и 1968 годы: бомбежки и обстрелы не прекращаются днем и ночью. И вот перед поездкой в Версаль мне удалось побывать там. Крестьяне, рабочие, солдаты Народной армии и члены групп территориальной обороны, узнав, что я еду прямо в Версаль, просили меня: «Сестра, расскажи всему миру, что творят здесь американские империалисты. Расскажи, что это не война, а злодейское истребление всего живого, что есть на нашей земле...»

Помимо «перфорирующих» бомб, проникающих в убежища и взрывающихся там, американцы применяют бомбы-«пауки». Это — страшное оружие! Оно представляет собой контейнер с 8 зарядами и множеством рубленных из стали квадратов. При ударе о землю контейнер раскрывается, и особое устройство выбрасывает на расстояние 30 метров в окружности зеленые капроновые нити с петлями. Если человек зацепит за петлю, бомба взрывается, убивая или калеча все живое в радиусе 40—50 метров. В последнее время, особенно в феврале, в особой зоне Виньлинь насчитываются сотни жертв этого нового оружия США.

В советском самолете я летела в Париж вместе с представителями Вьетнама — Северного и Южного. А перед моими глазами стояли руины и пепелища мирных сел, огромные воронки от полуторатонных бомб и сотни свежих могил, на которых еще не успела вырасти трава... Листая страницы

РАДОСТИ ЛЕНЫ КАРПЫЗЫ

Начало см. на 2-й стр. обл.

Лена и ее подруги наносят на тоненький, круглый кремниевый диск величиной с трехкопеечную монету специальный рисунок, фиксируют его, затем диск сушат и передают дальше. Диск этот не что иное, как сердце прибора, а кому же еще вверить сердце, как не девушкам? Кто-кто, а они знают, как обращаться с сердцами, да еще с такими чувствительными. Тут ведь лишние микроны — и уже брак. Но этого никто не допускает, завод дает бездефектную продукцию, принимаемую с первого предъявления.

Лена подводит меня к боксу, садится на табуретку, просовывает руки в резиновые отверстия и своими тонкими, ловкими пальцами начинает наносить на диск капельки, которые сначала расплываются по всей поверхности, а потом подсыхают. А Лена так увлеченно, словно сама только что об этом узнала, рассказывает мне о сложных превращениях диска, прежде чем он окажется на сборке:

— Наша Люда Кричевцева предложила обрабатывать диски не на центрифугах, а на особых плитках. И теперь вместо шести обрабатываем их сразу восемьдесят. Мы хотим за семь часов успевать делать то, на что прежде уходило восемь. А это еще десятки дисков за каждую смену! Продукция-то наша нарасхват. Да и экономия большая. Производительность повысится почти на пятнадцать процентов.

Лена подводит меня к стенду и показывает почетную грамоту ЛКСМ Эстонии. Елене Карпызе, комсоргу участка, вручил ее на районном торжественном вечере секретарь райкома комсомола. И дана эта грамота участку за успехи в труде и в общественной жизни, за активное участие в Ленинском зачете.

Недавно я снова побывала в цехе, где работает Лена Карпыза. Встретила она меня радостная, сияющая и тут же начала рассказывать о делах своего коллектива:

— В последние месяцы прошлого года мы много занимались улучшением организации социалистического соревнования. И кое-чего добились: годовые обязательства выполнили досрочно, к 25 декабря. Подняли производительность труда еще на три процента. Наши девушки вызвали на соревнование коллектив участка, возглавляемого мастером Моржаковой.

Есть у Лены еще одна большая новость — на отчетно-выборном комсомольском собрании ее снова избрали комсоргом участка. Она сообщает об этом с гордостью.

За два года работы Лена крепко привязалась к заводу, к цеху, к приборам, которые так интересно делать, и к девушкам. А они привязались к ней. И еще было Лене приятно потому, что ей нравится комсомольская работа.

— Иногда бывает трудно,— говорит комсорг.— У многих семьи, маленькие дети. Да и усталость после смены сказывается. А хочется помочь... Поэтому я комсомольскую работу рассматриваю и как помощь друг другу, как разумную организацию отдыха. Прошлая зима была снежная, мы на выходные дни ездили на лыжную базу в Нелиярве. Это было чудесно, там ведь такие леса, снега, чистый воздух! А нынче морозно, но бесснежно. И вот я узнаю недавно, что наши девушки сами в одном дворе залили каток, и меня пригласили, когда все было готово. Я обрадовалась, потому что, признаться, коньки люблю больше, чем лыжи...

После смены мы вышли с завода вместе с Леной.

— Люблю танцевать,— говорила она дорогой,— и особенно вальс.

Проходя по узким, древним улочкам таллинского Вышгорода, Лена рассказывала о своем городе, его истории, легендах, а потом вдруг заговорила о завтрашнем дне. И не в смысле историческом, а в самом конкретном — это было накануне субботы. С утра Лена должна была убирать квартиру. Они живут вчетвером: отец, мать, младший брат и Лена. Она старается во всем помогать маме, любит порядок и цветы. А еще поет в хоре. Хочет поступить

своего блокнота, я повторяла десятки имен и названия населенных пунктов, где матери горько оплакивали погибших детей, а уцелевшие дети — убитых родителей, где в подземных больницах лежат сотни искалеченных людей — жертв нового, «усовершенствованного» оружия «цивилизованной» Америки...

Я беседовала со многими делегатами после своего выступления на заседании Комиссии по разоблачению преступлений США в Индокитае. В частности, с сестрой американского пилота Эверетта Альвареса — Дельмой Альварес, с актрисой Джейн Фонда и другими американцами. Они сказали, что в США почти никто не знает и не видел тех страшных экспонатов, которые я продемонстрировала участникам конференции. «Если бы наш народ увидел их, а также ваши фото о результатах действия этого оружия, — это вызвало бы новые демонстрации. Увы, наша пресса замалчивает эти потрясающие факты...» — заявили мои собеседники.

В Париже я слышала и такие высказывания: мол, заявления, декларации, осуждение и самые гневные резолюции не смогут удержать США от дальнейшего развития военной авантюры. Но движение в поддержку Индокитая оперирует не только словами, но и конкретными **делами**! Я за эти два года побывала в разных странах мира и собственными глазами видела, что люди переходят от слов к действиям. Тут и сбор средств в пользу борющихся народов Индокитая, транспорты с продовольствием, медикаментами, одеждой, школьными принадлежностями, и посылки — тысячи посылок! — и гневные многотысячные демонстрации, и запросы в парламентах, и многое, многое другое.

Мне, представителю социалистического государства, не раз приходилось слышать, как высоко оценивают патриоты Индокитая поддержку их борьбы Советским Союзом и другими братскими странами.

Участники Варшавского Договора на совещании Политического консультативного комитета в Праге заявили, что они и впредь будут оказывать Демократической Республике Вьетнам, патриотическим силам Южного Вьетнама, Лаоса и Камбоджи необходимую помощь и поддержку для отражения посягательств агрессора. «Эта поддержка является мощным стимулом, вдохновляющим соотечественников и бойцов всей нашей страны на новые, еще более крупные победы»,— заявил Первый секретарь ЦК Партии трудящихся Вьетнама товарищ Ле Зуан.

Единство, солидарность — вот оружие армии борцов за мир.

Варшава, март

в Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта и никогда не расставаться с заводом, потому что его приборы обслуживают железнодорожный транспорт, потому что ей здесь нравится, потому что в Таллине есть отделение института.

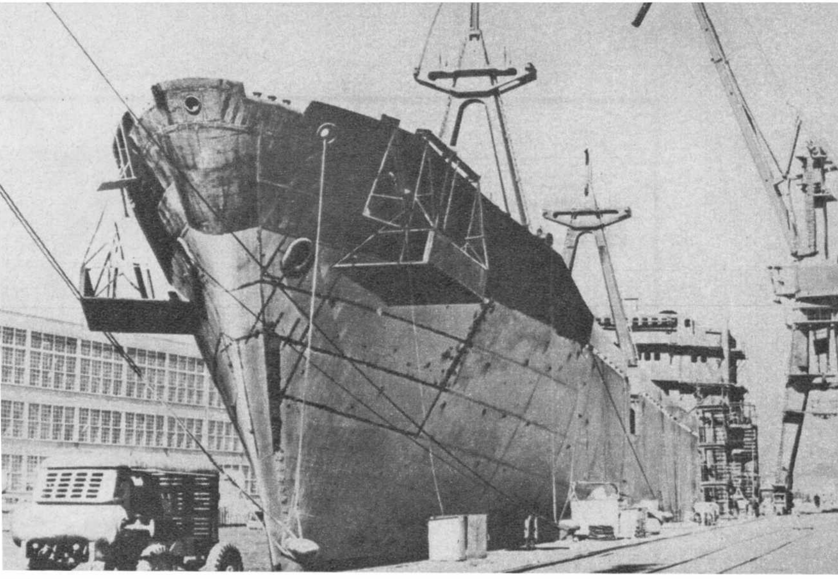
А завод ее знаменитый. Прославлен он и своими революционными традициями. В начале века здесь работал токарем Михаил Иванович Калинин. Правда, тогда на месте завода были железнодорожные мастерские. Недавно Таллинский электротехнический завод имени М. И. Калинина отпраздновал свое столетие. В этот день он был награжден орденом Трудового Красного Знамени. И несмотря на то, что предприятию пошел второй век, оно очень молодо и по праву считается правофланговым в электротехнической промышленности нашей страны.

...Мы вышли на площадь Победы. Наша прогулка близилась к концу, и я спросила Лену, какие качества она считает самыми главными для молодого специалиста. Лена задумалась, посерьезнела.

— Мне кажется, основное не быть равнодушным к тому, что ты делаешь, ничего не выполнять механически и всегда искать новое. Если очень захочешь, то новое всегда можно разглядеть, а это так интересно! И, конечно же, любить людей и свое дело. По-моему, в этом и есть настоящее счастье...

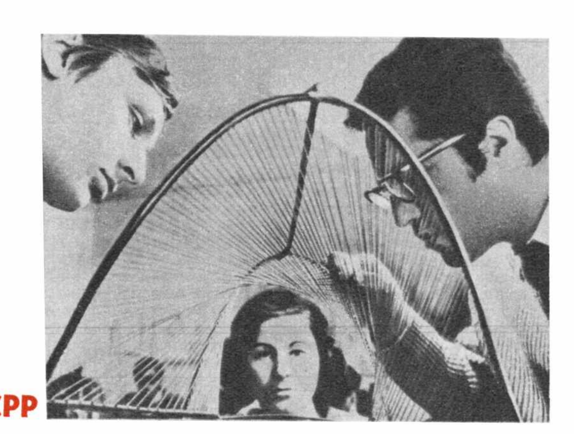
...Недавно Лене Карпызе было присвоено звание ударника коммунистического труда.

В ОБЪЕКТИВЕ — НРБ • СРР • МНР • ЧССР • ВНР

НРБ

Пройдет немного времени, и традиционная бутылка шампанского, разбитая о борт этого судна, возвестит о рождении очередного корабля на Варненском судостроительном заводе имени Георгия Димитрова. Советский Союз — его постоянный заказчик. Для советского флота болгарские корабелы строят танкеры, углерудовозы, сухогрузы, воплощая в жизнь строки заключенного 24 года назад Договора о дружбе, сотрудничестве и взаимной помощи между СССР и Народной Республикой Болгарией.

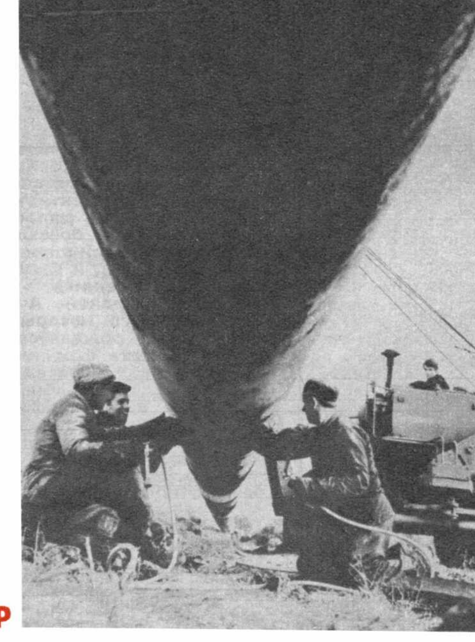
СРР

Идут занятия в лаборатории Бухарестского политехнического института. Этот год знаменателен для студентов республики: вместе со всей страной они отметили 19 марта 50-летие Союза коммунистической молодежи Румынии. В его рядах два с половиной миллиона рабочих, крестьян, учащихся, военнослужащих.

МНР

П. Шуренчимэг работает на Улан-Баторском хлебокомбинате, построенном при содействии Советского Союза. Это одно из крупнейших предприятий монгольской столицы. С помощью СССР и других братских стран в столице народной Монголии построены также мясокомбинат, авторемонтный завод, мельничный комбинат, молочный завод.

ЧССР

Успешно сооружается чехословацкий участок международного газопровода «СССР — Западная Европа». Промышленное оборудование поставили сюда заводы ЧССР, СССР и ГДР. Главное внимание строителей сосредоточено на возведении семи компрессорных станций.

ВНР

Эту сценку фотограф подсмотрел в одном из детских садов Будапешта.

Проблемам материнства, семьи в республике уделяется серьезное внимание. Венгрия — небольшая страна. Ее население — десять с лишним миллионов человек. Государство много делает для того, чтобы цифра эта росла. Матерям и семьям с детьми предоставляются существенные материальные льготы.

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ ЛАКТИОНОВ

Советское искусство понесло тяжелую утрату. Ушел из жизни Александр Иванович Лактионов, народный художник РСФСР, действительный член Академии художеств СССР, лауреат Государственных премий СССР и РСФСР, профессор.

Более сорока лет отдал Александр Иванович высокому и трудному счастью творчества. Для него это было действительно счастье. Художник говорил: «Пока светит солнце, озаряя мастерскую, пока есть силы держать в руках палитру и кисти, я не могу оторваться от любимого дела. Писать, рисовать с натуры, творить — нет для меня высшего наслаждения. Работать до седьмого пота, изо всех сил служить делу советского народа — вот смысл всей моей жизни. Работать не мудря, не мудрствуя лукаво, бесконечно учась у природы, черпая из этого чистого родника вечную свежесть познания бытия,— вот истинное счастье...»

Искусство А. И. Лактионова было обращено к людям, воодушевлено стремлением одарить их теплом и радостью.

В 1947 году на Всесоюзной художественной выставке появилась картина «Письмо с фронта», пронизанная солнцем, согретая радостью возвращения к миру. И все, кто увидел тогда это полотно, почувствовали, как яркий луч лактионовского искусства словно бы согрел сердца людей, только что перенесших тяжелые испытания войны. Художнику удалось выразить в своем творении душевные переживания советского народа, выстоявшего в схватке с фашизмом. Удивительная достоверность и человечность картины «Письмо с фронта» сделали ее широко популярной и любимой самыми широкими кругами наших зрителей.

Жизнь народа, чудесная природа Родины были постоянными источниками творческого вдохновения для Александра Лактионова. Он с чистой душой и открытым сердцем принимался за каждую свою новую работу, ставя перед собой задачу как можно более полного и точного воспроизведения реального мира. И все его работы отличало пристальное внимание к образу современника, высокое художественное мастерство.

Большой путь, пройденный художником Лактионовым в искусстве, начался в Ростове, в художественной школе. Сын кузнеца и прачки, Саша Лактионов с раннего детства увлекся рисованием, которое было для мальчика единственной радостью. Первыми его рисунками были боевые революционные тачанки, которые ему часто и много пришлось видеть на улицах родного города.

Прошли годы, и Саша Лактионов, одолев многочисленные трудности, не убоявшись лишений, добился того, что стал студентом Ленинградской Академии художеств, любимым учеником И. И. Бродского, который говорил о своем даровитом ученике, что такой талант рождается раз в сто лет. Лактионов окончил Академию художеств с отличием. Начались плодотворные подвижнические годы самостоятельного творчества. С поразительной убедительностью умел Александр Лактионов передавать полновесность и сочность предметного мира. Цельный в освоении лучших традиций реалистической школы русской и советской живописи, убежденный в своей правоте — таким был этот мастер. Лучшие качества дарования А. И. Лактионова ярко проявились уже в первом его большом полотне — «Герой Советского Союза М. В. Юдин в гостях у комсомольцев-танкистов».

Талант художника набирал силы от картины к картине: «С. М. Киров в Астрахани», «Подвиг ученого», «Тишина». С особой яркостью редкое мастерство А. И. Лактионова проявилось в портретах. Живописец создал целую галерею образов замечательных людей Родины: артисты В. И. Качалов, О. Л. Книппер-Чехова, Н. П. Хмелев, архитектор А. Н. Душкин, Герой Советского Союза летчик М. В. Водопьянов, академики И. П. Бардин и И. В. Курчатов, старейшие большевики П. И. Воеводин и Ф. Н. Петров, космонавты — дважды Герой Советского Союза В. М. Комаров, Герой Советского Союза П. И. Беляев...

Александр Иванович Лактионов был очень скромным человеком. Никто никогда не слышал, чтобы он повысил голос. Хотя вокруг его искусства всегда было много споров, как всегда бывает с тем, что волнует и интересует людей. Но на все эти споры художник реагировал лишь доброй улыбкой и продолжал самозабвенно творить, последовательно отстаивая в своих лучших полотнах принципы социалистического реализма. Александр Лактионов шел до конца жизни этой своей прямой и ясной дорогой.

Когда от нас уходит художник, людям остаются его работы. Лучшие полотна Александра Ивановича Лактионова вошли в сокровищницу многонационального советского искусства, стали достоянием народа, для которого творил мастер.

В сердце советских людей навсегда сохранится память о замечательном художнике, душевном, обаятельном и скромном человеке.

Н. ТОМСКИЙ, Е. ВУЧЕТИЧ, Н. ПОНОМАРЕВ, В. КЕМЕНОВ, Е. КИБРИК, Д. ШМАРИНОВ, Ю. ПИМЕНОВ, А. ГРИЦАЙ, А. КИБАЛЬНИКОВ, Н. РОМАДИН, Ф. РЕШЕТНИКОВ, Д. НАЛБАНДЯН, П. СЫСОЕВ, В. ЦИГАЛЬ

СОБИРАТЕЛЬ ТАЛАНТОВ

К 50-ЛЕТИЮ ЖУРНАЛА «СИБИРСКИЕ ОГНИ»

Замечательная советская писательница Лидия Николаевна Сейфуллина в своих воспоминаниях рассказывает о том памятном дне, когда один из сотрудников нового журнала привез «из типографии бережно завернутые первые отпечатанные книжки «Сибирских огней». В маленьком помещении на Потанинской, во всех отделах Сибгосиздата, началась невообразимая сумятица. Все повскакали с мест бросили работать. Каждому хотелось посмотреть, тронуть свежие, чистенькие книжки...».

Появление в Новосибирске (тогда Новониколаевск) крупного литературно-художественного и общественно-политического журнала стало важным культурным событием для всей страны. На него немедленно откликнулся А. В. Луначарский. Его теплое приветствие журналу было напечатано 22 апреля 1922 года в газете «Советская Сибирь». Заботливо и внимательно следил за журналом Алексей Максимович Горький. Через шесть лет после выхода в свет первого номера в письме В. Я. Зазубрину он выражал надежду, «что отличная культурная работа «Огней» разожжет духовную жизнь грандиозной Сибири».

На страницах «Сибирских огней» начинали свой творческий путь Иосиф Уткин и Леонид Мартынов, Лидия Сейфуллина и Анна Караваева, Сергей Сартаков и Александр Волошин, Салчак Тока и Юрий Рытхэу. Заметным вкладом в Лениниану стали опубликованные в журнале романы Афанасия Коптелова «Большой зачин» и «Возгорится пламя». Впервые появились в нем такие широко известные произведения русской советской прозы, как повесть Георгия Маркова «Солдат пехоты», романы Анатолия Иванова «Повитель» и «Тени исчезают в полдень», как «Капкан» Ефима Пермитина, «Созвездие Стрельца» Дмитрия Нагишкина, «Горькие травы» Петра Проскурина.

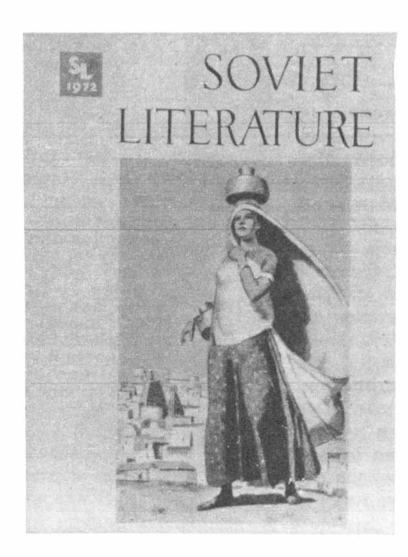
Огромное значение имеют «Сибирские огни» и как трибуна для выступлений писателей народов Сибири и Крайнего Севера — алтайцев, бурят, хакасов, якутов. Недаром считают этот журнал своим тувинские литераторы: их стихи и рассказы постоянно представляются в нем русскому читателю.

Двадцать пять лет тому назад старейший писатель-сибиряк Всеволод Иванов писал: «Журнал «Сибирские огни» терпеливо, с настоящим искусством выполняет свой долг собирателя талантов, воспитывает их, показывает таланты перед новым, прекрасным читателем Сибири».

По-прежнему, как птенцы из родного гнезда, отправляются в полет, в большую литературу бережно растимые «Сибирскими огнями» молодые прозаики и поэты.

И теперь, через полвека после своего рождения, журнал продолжает начатое им с первых дней прекрасное дело — знакомит читателя с жизнью Советской Сибири, с ее историей и литературой, искусством и экономикой, с ее богатой природой и удивительными людьми.

Н. ДАВЫДОВ

ПОСВЯЩАЕТСЯ ИНДИИ

Вышел в свет третий номер журнала «Советская литература», издающегося на иностранных языках. Он целиком посвящен Республике Индия. На обложке журнала репродукция картины художника С. Чуйкова, символизирующая независимую Индию.

В номере выступают видные советские писатели, поэты, ученые, деятели культуры, журналисты. Каждый из них нашел добрые слова о дружественной стране, с которой мы связаны многогранными узами сотрудничества во имя мира и прогресса человечества.

Народный поэт Таджикистана, видный общественный деятель Мирзо Турсун-заде открывает этот номер лирическим очерком «От Москвы до Ганга». Ануар Алимжанов рассказывает читателям об интернационализме советских людей, о глубоком уважении, которое снискала Индия в его родной республике — Казахстане. Ануар Алимжанов публикует в журнале свой рассказ «Сувенир из Отрара», написанный на основе его впечатлений о поездках в Индию.

Поэты Алексей Сурков, Евгений Винокуров, Расул Гамзатов, Мирдза Кемпе, Эдуардас Межелайтис, Роберт Рождественский публикуют на страницах журнала взволнованные стихи, обращенные к дружественной стране, ее талантливым людям, ее светлому будущему. В этом номере также выступают писатель Алим Кешоков, ученый-индолог Евгений Челышев, помещаются рассказы индийских писателей, рассказывается о том, как в Советском Союзе изучается многоязыковая литература Индии, ее драматургия, история.

Несомненно, третий номер журнала «Советская литература» вызовет большой интерес в кругах индийской и международной общественности. Его выход является большим вкладом в дальнейшее развитие советско-индийского культурного сотрудничества, взаимное духовное обогащение наших народов.

Н. ПАСТУХОВ

Н. Сурин (Челябинск). ВЕСНА. ТРАКТОРИСТ Ф. И. ЖИГАЛЕВ.

Выставка произведений художников Урала, Сибири и Дальнего Востока.

И. Юшков (Иркутск). В ГОРАХ АШАН.

Е. Гудин (Свердловск). НА ТАЙМЫРЕ.

Выставка произведений художников Урала, Сибири и Дальнего Востока.

Б. Белоусов (Чебоксары). ЛЕДОХОД НА ВОЛГЕ.

Выставка произведений художников автономных республик РСФСР.

СКВОЗЬ ГОДЫ

Вячеслав КУЗНЕЦОВ

* * *

Какие луга под Лугой,
какие за Лугой леса!..
Ромашки —
солнечной вьюгой,
а птицы —
на все голоса!
Просторы захлестнуты синью
в зеленом свечении гроз.
А золото сосен,
осинник —
в серебряных бликах берез.
И, захлебнувшись,
как с другом,
обнимешься с ветром тугим!..

...Как скромно мерцают под Лугой
созвездия братских могил.

* * *

Я снова брожу над Волгою
в синей дымке костров.
Дышу пеленою волглою
притопленных островов.

Русский,
российский край ты мой!..
Туманные берега...
Стала неузнаваемой
родная моя река.

Ширью своей неистовой
заполонила глаза.
...Вот-вот над грядой лесистою
заполыхает гроза.

Я стану слова выкатывать
на «о», а потом на «а»,
сквозь дымку былое угадывать,
припоминать имена.

Не успокоюсь и затемно,
и в сны забредут друзья...

...Все помнить
не обязательно,
но это забыть нельзя.

НОВАЯ ВСТРЕЧА

Сразила не речь оратора,
не этот просторный зал.
Я глянул в лицо Саратова —
Саратова не узнал.

Разросся,
в плечах раздался —
ни хлипкости,
ни худобы.
Как будто бы новым галсом —
на поиск новой судьбы.

В сравнении этом неброском
хожу, признавая:
ты ль?..
Все помнил тебя подростком,
а ты —
богатырь!

* * *

Была б моя лодка ладною —
чайкою на волне!..
А латанный-перелатанный
парус
надежней вдвойне.

Значит, с ветрами шальными
он не только знаком.
Гордиться своими шрамами —
суровых времен закон.

Если лодка у пристани,
она нетерпенья полна.
Ей грезятся дали мглистые,
неистовая волна.

И тучи в четыре яруса,
глухого прибоя пальба...
Ведь если лодка под парусом —
это уже судьба.

Ленинград.

ТРОПОЙ ВЕСЕННИХ ЖУРАВЛЕЙ

Владислав ШОШИН

* * *

Февральский ветер хмурит брови,
Мир позабыл о синеве,
Ты улыбнись мне на Нарове,
Чтоб отозвалось на Неве.

Ты улыбнись мне издалека,
Ты улыбнись наверняка,
Чтобы весна пришла до срока,
Лишь легендарная пока.

Чтобы в лесной зеленой пене
Как кубок искрилась земля,
Чтоб сумрак рухнул на колени,
Напрасно милости моля.

Чтобы Нева от сна очнулась,
Проснулась всей душой своей,
Чтоб в сердце молодость вернулась
Тропой весенних журавлей.

* * *

Вы, лодки, дремлете на сходнях,
Вы, сосны, спите, как в гробу,
Но я почувствовал сегодня
Всю вашу новую судьбу.

Февраль метет как ошалелый,
Чтобы ни солнца, ни зари,
Но из метели плотно белой
Зарю выносят снегири.

Они летят, они в ударе,
И не напрасен их полет,
Синица клювиком ударит —
И разойдется зимний лед.

И сказка былью обернется,
И хватит сил поверить ей,
И солнце юности вернется
Тропой весенних журавлей!

* * *

Весенняя распутица и грязь,
Спокойным сердцем не могу смотреть я,
Как ветлы задыхаются, давясь
Тревогою, как в пору лихолетья.

Но синий лом по-мартовски поет
На нежилой нехоженой пустыне,
И школьники сбивают серый лед,
Чтобы земля взглянула в небо сине.

В глазах от золотистых луж рябит,
И небо прояснилось наконец-то!
Так здравствуй, солнце,
Истинное средство
От роковых сомнений и обид!

И тают запыленные снега,
И дышит невозделанная нива,
И сосенки бегут на берега
Раскованного Финского залива.

ВЕЙМАРУ

Два дня нас дружба принимала,
Раскинув синь над головой,
Но, Веймар, жизни даже мало,
Чтоб познакомиться с тобой.

Здесь Ильм струился Иппокреной,
Здесь Шиллер дерзостно творил,
Здесь мудрый Гете со вселенной,
Как с близким другом, говорил.

Какие здесь рождались вздохи,
Какой оазис цвел в глуши!
Кибернетической эпохе
Не заглушить твоей души.

Не позабыть нам и о грозном
Разгуле плети и свинца,
Когда в концлагере морозном
Давали трещину сердца.

Но, неподвластные измене,
Антифашисты в трудный час
В плену не встали на колени,
И факел славы не погас.

Так пусть, стремительный на взлете,
Достигнет сказочных высот
Родивший Шиллера и Гете,
Родивший Тельмана народ!

Ленинград.

Николай САПФИРОВ

ВЕРНОСТЬ

IV

Как и обещал замполит Соколов, Пронина вскоре забрали из госпиталя и на самолете отправили в Москву. Здесь друзья устроили его в одну из лучших глазных клиник.

С первого же дня он почувствовал особое внимание медицинского персонала. Врачи и медсестры были с ним предупредительны, всячески старались рассеять мрачные мысли.

Не забывали и однополчане. Не проходило дня, чтобы Митрофана не навестил кто-нибудь. Приходили даже летчики, которых он совсем не знал. И каждый старался как мог утешить слепого, помочь ему обрести уверенность. Никогда не думал Митрофан, что у него так много добрых и искренних друзей!

За последнее время он очень изменился. Живое участие однополчан, чуткость врачей, теплые письма Нины помогли ему выйти из тяжелого душевного кризиса. Черная мгла слепоты уже не казалась такой зловещей, как раньше. Митрофан старался вообще не думать о том, что слеп. Его занимало другое: заново научиться ходить, на ощупь различать предметы, а главное — одолеть азбуку Брайля, чтобы уметь читать и писать.

И он принялся за учение с таким азартом, что уже через месяц мог свободно читать, водя пальцами по выпуклым точкам картонных страниц. Потом научился и писать, пользуясь специальным прибором.

«Теперь я смогу черкнуть несколько строк Нине,— подумал он, чувствуя, как забилось от волнения сердце.— Все опишу... и пусть сама решает, как ей поступить...»

Утром после завтрака Митрофан попросил дежурную сестру принести ему чистый лист бумаги.

— Хочу написать письмо,— сказал он.

— Девушке? — По голосу Пронин почувствовал, что сестра улыбнулась.

— Вы угадали...

Ему вдруг захотелось поделиться с сестрой, рассказать о Нине, о своей любви, о своих мыслях и сомнениях. Но он тут же подавил в себе это желание.

Митрофан сел за письменный стол, осторожно положил на бумагу свинцовую пластинку с продольными вырезами и принялся за дело. Но не успел дописать и первой строчки, как медсестра пришла снова и сказала:

— А вам письмо...

Митрофан жадно схватил руками маленький тетрадочный треугольник, быстро встал из-за стола и направился к соседу по койке.

— Прочти, друг,— попросил Митрофан.

«Мой дорогой,— писала Нина,— я все знаю и люблю тебя еще больше. Я ведь понимаю, что ты потерял зрение, оберегая Родину, меня и всех нас. Стало быть, твоя беда — моя беда, твоя радость — моя радость. Будем делить все пополам. Мы всегда должны быть вместе. Это — мое твердое решение. Надеюсь, ты разделяешь его...»

— Молодец! — воскликнул восхищенный сосед, бережно складывая письмо и передавая его Митрофану.— Вот это я понимаю! Сразу видно: доброе сердце и верность до гроба. Скажи, красивая?

— Очень! — вырвалось у Пронина.

— В таком случае поздравляю! — И добавил уже деловым тоном: — Срочно пиши ответ. Да поласковее, чтобы она почувствовала твою благодарность. Нет, подумать только, какая девушка!..

Митрофан промолчал, он был занят другим. «Ну вот,— размышлял он.— Мне уже и не нужно ничего объяснять. Нина все знает. И по-прежнему любит... Стоп! А верно ли это? Не написала ли она из жалости? А вдруг Пятницкий просто-напросто упросил ее?!»

Снова сомнения, бессонные ночи... Не раз Пронин ругал себя за чрезмерную подозрительность, но избавиться от нее никак не мог.

Неделю спустя Митрофан получил телеграмму. Она была всего из двух слов: «Выезжаю Нина».

Пронин разволновался. Он знал, что от этой встречи зависит все его будущее, и, честно говоря, боялся ее. Голос сомнения все время нашептывал: «Нина может отказаться от своего решения, увидев твое изуродованное лицо. Она любит не нынешнего, а прежнего Пронина — красивого, голубоглазого парня...»

Так размышлял он, с каждой минутой ощущая, как нарастает тревога.

На следующий день, когда до приезда Нины оставались считанные часы, Пронин не находил места. Все раздумывал, как ему вести себя, что сказать при встрече... Вдруг чьи-то мягкие руки коснулись его лица. Послышался тихий шепот:

— Здравствуй, дорогой... Это я!

Митрофан вскочил. В голове помутилось. Заколотилось сердце. Брякнул неожиданно для себя:

— Зачем приехала? Кто тебя просил?

Девушка растерялась.

— Я же писала тебе...

— Это из сострадания.

— Неправда! Ты сам отлично понимаешь, что это неправда!

«Я веду себя как дурак,— подумал Митрофан.— Она ко мне всем сердцем, а я...»

— Извини, Нинок,— прошептал он.— Я неправ, погорячился. Нервы подводят...

— Я понимаю,— примирительно сказала Нина. И перевела разговор на другое.

Они проговорили до самого вечера, а потом Нина отправилась в гостиницу, где заботливый старший лейтенант Пятницкий забронировал для нее номер.

Рано утром снова пришла в клинику и снова весь день провела с Митрофаном.

А для Пронина это были счастливейшие дни! Хотя он и не видел Нину, зато слышал ее голос, такой родной, близкий. Ощущал прикосновение ее рук. И этого было достаточно, чтобы забыть о своей беде и почувствовать себя счастливым.

Вскоре они стали собираться в дорогу.

— Загостился я тут у вас,— сказал Пронин лечащему врачу.— Пора и честь знать...

На вокзале молодоженов провожали однополчане Пронина и работники госпиталя. Принесли много подарков — едва уместились в купе. А еще больше дружеских напутствий.

— Ну, друг,— сказал Пятницкий, обнимая на прощание стрелка-радиста,— будь счастлив. Ежели что, пиши, не стесняйся. Всегда поможем!

Потом старший лейтенант подошел к Нине, крепко сжал ее руку и с чувством произнес:

— Завидую родителям, у которых такая дочь. Вы даже не представляете, какая вы замечательная девушка!..

Он еще что-то сказал, но Нина не расслышала: раздался свисток, лязгнули буфера. Поезд тронулся.

V

Вопреки желаниям Митрофана, его новая жизнь началась праздно.

— Ты должен окрепнуть, набраться сил,— говорила Нина.

Пришлось подчиниться.

Пронин много спал, прогуливался вокруг студенческого общежития, где им отвели комнату, сидел на скамейке у ветвистого клена под окном. Вынужденное безделье тяготило больше, нежели слепота.

Однажды сказал жене:

— Не могу так. Надо чем-то заняться.

— А не поступить ли тебе в наш институт? Митрофан удивленно вскинул брови.

— Я? В институт?

— А что? У тебя же среднее образование. Подготовишься и сдашь.

Митрофан усмехнулся:

— Ты говоришь со мной, как со зрячим. Ну, как же я могу подготовиться?

— Очень просто: с моей помощью. Да и подружки мои охотно тебе помогут...

На следующий день Нина принесла ему учебники и книги. Те, что были отпечатаны по методу Брайля, Пронин читал сам, а напечатанные обычным шрифтом ему читала жена. В часы, когда Нина была занята по хозяйству, это делали ее институтские подруги, которые поочередно навещали Прониных.

В начале августа Нина повела его в институт. В вестибюле было многолюдно и шумно.

Прошло около часа, пока Пронина наконец пригласили в аудиторию, где шли приемные экзамены по литературе. Прикрыв за собою дверь, он нерешительно остановился.

На него сразу обратили внимание. Кто-то осторожно взял под руку, подвел к столу.

— Фронтовик?

Пронин кивнул.

Ему подали пачку экзаменационных билетов.

Окончание. Начало см. в № 12.

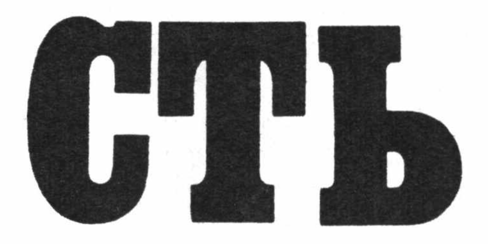
Взял тот, что лежал сверху. И когда председатель зачитал вопрос, Митрофан понял, что ему здорово повезло. Павка Корчагин! Ну, надо же... Да ведь он знает каждую черточку в характере героя, помнит все, что говорил он, что делал.

— Мы слушаем вас,— негромко сказал председатель экзаменационной комиссии.

Митрофана охватило волнение, и это мешало сосредоточиться, найти нужные слова. Он не мог говорить о Павке хладнокровно, равнодушно. Павка был для него не просто литературный образ, а единомышленник, друг, советчик. Пронин говорил о нем с вдохновением, которое передалось всем, кто находился в аудитории.

Будь он зрячим, наверняка заметил бы, как потеплели лица членов комиссии, как приветливо улыбнулся председатель, увидел бы одобрительные взгляды парней и девушек.

За дверью его ждали.

— Ну, как?

— Кажется, сдал...

VI

Закончились экзамены. Лекции и семинары поглотили все внимание. Но иногда — такое случалось обычно во сне — Пронин видел полные ярких красок картины той жизни, из которой его вырвала слепота. И, проснувшись, ощущал неодолимое желание прозреть, сбросить с себя черное покрывало. И углублялся в книги, стараясь заглушить внезапно ожившую боль.

А война еще шла, и жизнь была нелегкой. Спасибо однополчанам: крепко выручали. Раз в месяц присылали продовольственные посылки, собранные за счет отчислений от своих пайков. Иногда почтальон приносил даже денежные переводы. Без этой помощи Митрофану и Нине было бы очень туго.

В институте у Митрофана тоже появилось много хороших друзей, с которыми он мог поделиться горем и радостью, получить нужный совет и помощь.

Особенно по душе пришелся Илья Фомин. Илья тоже был слепой — лишился зрения от контузии, полученной во время бомбежки. Это сблизило их.

Однажды Пронин повстречал Илью мрачного, чем-то удрученного и подавленного.

— Что с тобой? — встревоженно спросил Митрофан.

Илья ответил не сразу. Долго молчал, потом сказал сдавленным голосом:

— Понимаешь, жена ушла... Был тут один... Ну, и... Увез он ее, одним словом. А я с ума схожу — люблю ее. Плохи, брат, мои дела.

— Да уж куда хуже.

Илья распрощался, а Митрофан еще долго думал о нем. «Нескладно получилось у парня. Как могла эта женщина оставить такого хорошего человека? Это же предательство!» Ему было искренне жаль своего друга.

И тут неожиданно его охватила тревога: а что, если и с ним когда-нибудь произойдет то же самое? Полюбит Нина другого человека. Не слепого, а зрячего, и уйдет с ним. Что тогда?

Ему стало не по себе, к горлу подступил тугой ком, сдавило дыхание.

Митрофан поспешил домой, чтобы рассказать Нине о своих сомнениях.

Нина звонко рассмеялась в ответ:

— Ах, дурачок ты, дурачок. Ну как могу я бросить тебя, если ты для меня самый красивый, самый умный, самый дорогой. А потом...— Она порывисто схватила его руку, положила себе на живот и, притаив дыхание, спросила: — Чувствуешь, как бьется? Скоро у нас будет ребенок. Сын будет, Митроша!..

Обхватив жену сильными руками, Митрофан поднял ее и хотел было закружиться, но она в испуге закричала:

— Сумасшедший, ты уронишь меня!..

Тогда он осторожно опустил ее на кушетку, сел рядом и долго молчал, не зная, что сказать.

Но Нина и так видела, как он взволнован и обрадован, и не нуждалась ни в каких словах.

VII

Сына назвали Владимиром — в честь командира звена Пятницкого. Так пожелал отец.

— Понимаешь,— говорил Пронин жене,— он мне не только командир, но и верный друг. Ему я обязан жизнью. Пусть мой сын носит имя этого храброго офицера и будет его крестником.

Когда об этом сообщили Пятницкому, он незамедлительно прибыл в Тулу, чтобы лично поздравить бывшего стрелка-радиста с прибавлением семейства, а заодно и вручить подарки для крестника от летчиков.

С появлением малыша жить стало труднее. Особенно Нине, на плечи которой тяжелой ношей легла главная часть забот о ребенке. Ей пришлось временно оставить институт.

— Через год вернусь,— сказала она в деканате.— Сынишка подрастет, устроим его в ясли.

Но через год у них родился второй сын — возвращение пришлось снова отложить.

Лишь два года спустя Нина смогла продолжить занятия.

А Пронин продолжал учиться, переходя с курса на курс и вызывая своим упорством, настойчивостью восхищение студентов и преподавателей.

За эти годы он отлично освоился со своим положением. На занятия ходил без сопровождающего. Слух и ощущения, развитые до невероятной тонкости, заменяли ему глаза, служили тем незримым мостиком, который связывал с реальным миром.

Если бы раньше, когда он был зрячим, ему сказали, что его организм обладает такой удивительной приспособленностью, он ни за что не поверил бы.

Поскольку уход за детьми и заботы по дому отнимали у Нины много времени и для помощи мужу не оставалось ни минуты, а ее институтские подруги были заняты подготовкой к выпускным экзаменам, отделение Общества слепых наняло для Митрофана специального человека, который читал ему учебники с обычным текстом. А городская библиотека для слепых обеспечивала его литературой, напечатанной по системе Брайля, и магнитофонными записями для прослушивания. Государство и общество делали все, чтобы слепой студент получил высшее образование.

...И вот наступил день, когда он в сопровождении жены, возобновившей наконец прерванную учебу, направился в институт сдавать последний государственный экзамен.

Митрофан был одет в солдатскую шинель, а Нина — в поношенную телогрейку. Свернув в переулок, они оказались перед зданием пединститута.

— Ты волнуешься?— спросила Нина и, получив утвердительный ответ, принялась успокаивать:— Главное, не спеши... Подумай, а потом отвечай. Я верю, ты отлично сдашь...

Пронин хорошо подготовился и чувствовал себя уверенно. Но очень волновался. Не меньше переживала и Нина, ожидая мужа. Но когда он показался в коридоре, поняла по уверенному шагу, что экзамен сдан.

...Успешно окончив институт, Митрофан Иванович первое время преподавал в средней школе, потом стал работать в областном отделении Общества слепых. Был старшим инструктором правления, помощником директора учебно-производственного предприятия, потом директором. На очередной областной конференции общества его единодушно избрали председателем правления, и с тех пор он бессменно занимает этот пост.

Дел по горло: надо позаботиться о расширении производства, ускорить строительство жилья для рабочих. Четыре благоустроенных пятиэтажных дома уже давно заселены, сдан еще один дом. Мало, надо больше, чтобы каждая семья имела отдельную квартиру.

С наступлением лета забот прибавляется: необходимо обеспечить нуждающихся путевками в дома отдыха и санатории, организовать выезд детей в лагеря. А художественная самодеятельность? Она тоже требует внимания. Это хорошо, что большинство незрячих участвует в различных кружках, увлекается музыкой, пением. Но неплохо бы создать свой театральный коллектив, пригласить опытного руководителя. Слепые должны жить нормальной, культурной жизнью!

Два дня в неделю у него приемные. Каждого посетителя надо выслушать, посоветовать, как выйти из затруднения, оказать, если надо, материальную помощь.

Часто к нему приходят и по вопросам сугубо личным, интимным. Вроде бы не дело председателя заниматься, скажем, семейными конфликтами. Супруги повздорили, сами пусть и разбираются. Разве мало других, более серьезных дел? А Митрофан Иванович занимается. Потому что нельзя отказать в дружеском совете. Иногда одно умное, доброе слово может круто изменить жизнь человека, вовремя предостеречь от непоправимого.

Вечером, усталый, но довольный (день прожит не зря), Митрофан Иванович садится в свою бежевую «Волгу» и возвращается домой, в светлую трехкомнатную квартиру, которую он получил в новом доме.

VIII

По широкому центральному проспекту Тулы, вызолоченному летним солнцем, шли двое: высокий, худощавый мужчина со шрамом на щеке и женщина с приятным загорелым лицом. Это супруги Пронины. Свернув вправо, они направились к зданию политехнического института.

— Ты волнуешься, дорогой?— спросила Нина.

Митрофан Иванович молча кивнул.

— Я тоже...

На этот раз причиной волнений были сыновья. Старший, Владимир, защищал диплом в политехническом, а младший, Геннадий, сдавал зачеты за четвертый курс педагогического.

— Как быстро летит время!— Митрофан Иванович вздохнул.— Давно ли мы с тобой последний раз шли этой же дорогой? А теперь пришла очередь наших детей. Вот окончат институты, поженятся. Там, глядишь, и внучата появятся...

— Да, годы текут быстро,— согласилась жена, задумчиво качнув головой.— Все вокруг меняется: жизнь, город и мы с тобой. Не знаю, как ты, а я довольна судьбой.

— Да, ты права, Нинок.— Пронин повернулся к жене, дотронулся до ее плеча.— И знаешь, я очень благодарен тебе, друзьям и вообще всем людям, которые не оставили меня в трудный час. Вчера я получил два письма: от полковника Пятницкого и нашего бывшего замполита Соколова. Пятницкий и сейчас служит в армии, преподает в авиационном училище, а Соколов работает в Аэрофлоте. Так вот, они собираются навестить нас.

— Что ж, очень рада. Встретим их как самых дорогих гостей!

Некоторое время супруги шли молча, потом Митрофан Иванович чему-то улыбнулся про себя и неожиданно сказал:

— А ведь я, Нинок, в более выгодном положении, чем ты.

— Ты о чем?

— Да все о том же — о годах. Ты вот смотришь на меня и видишь, как время с неумолимой неизбежностью делает свое дело. Я же перемен в тебе никогда не увижу. Для меня ты все такая же, как и четверть века назад,— молодая, в цветастом платье, с румяными щечками и веселыми глазами... Пытаюсь представить тебя иной и не могу.

— И не надо представлять иной,— добродушно рассмеялась Нина, поглаживая руку мужа.— Пусть будет все, как в молодости!

Сан-Франциско: расправа с теми, кто борется против расовой дискриминации.

Фото ЮПИ, из журналов «Франс нувель» и «Тайм».

Более двух лет известные американские писатели Эрл и Мириам Селби путешествовали по «черной Америке», как иногда называют в американской печати районы, где живут преимущественно негры и «цветные». Во время своей «одиссеи» в 46 500 миль они побывали в крупнейших негритянских гетто, разговаривали с представителями почти всех социальных групп негритянского населения Соединенных Штатов. Результатом этой поездки стала книга «Одиссея: путешествие по «черной Америке», написанная в виде серии интервью и репортажей, отрывки из которой мы публикуем ниже.

«КОГДА-НИБУДЬ СТ

ДЖЕЙМС АЛЛЕН, ДИРЕКТОР «ГАРЛЕМСКОГО МЕДИЦИНСКОГО ЦЕНТРА ПО ЛЕЧЕНИЮ НАРКОМАНОВ» В НЬЮ-ЙОРКЕ, РАССКАЗЫВАЛ НАМ:

«В течение многих лет я сам жил на наркотиках, и вся моя жизнь, как и жизнь любого наркомана, состояла из трех частей: достать деньги, достать «дозу» и «полететь». Но потом я понял, почему мне так трудно избавиться от вредной привычки: при помощи наркотиков я забывал, что я негр. Поэтому лучше уж быть наркоманом, чем человеком с темной кожей...»

ФЕРД АЛЛЕН, ЧЛЕН МУНИЦИПАЛЬНОГО СОВЕТА В ГОРОДЕ ФЕИЕТТ (ШТАТ МИССИСИПИ):

«Это случилось во второй половине дня недалеко от здания муниципалитета, на заднем дворе одной забегаловки, где продавали пиво для черных. Ну, вы сами знаете, как иногда бывает: люди немного выпили, произошла маленькая ссора. Немедленно появился полицейский и попытался арестовать какого-то молодого негра, который оказался замешанным в стычке. Тот стал сопротивляться. Полицейский выхватил револьвер, но парень удержал его за руку.

Собралась толпа. Подошла также и мать молодого человека и сквозь слезы начала уговаривать «копа»: «Не стреляйте в моего мальчика. Не стреляйте в него...» Вдруг стоящий около меня белый сказал другому: «По-моему, его стоит прикончить...» Тот вместо ответа вытащил пистолет и выстрелил в парня, который сразу же осел. Полицейский вырвал руку и, в свою очередь, начал стрелять в лежащего перед ним негра... Вот как все это было...»

РОЗА ПАРКС, НЕГРИТЯНКА ИЗ МОНТГОМЕРИ (ШТАТ АЛАБАМА):

«Однажды я ехала с работы домой. Мне немного нездоровилось, поэтому, войдя в автобус, я села на освободившееся место в отделении «для цветных». На одной остановке все места «для белых» оказались занятыми, и одному из них пришлось стоять. Но водитель остановил автобус и потребовал, чтобы мы, негры, освободили один ряд в нашем отделении. Я не пошевелилась. «Ты собираешься вставать!» — спросил меня шофер. Я сказала, что нет. Тогда он пригрозил позвать полицию... Мне было все равно. Я не испугалась и не разозлилась. Всю жизнь нам приходится делать так, чтобы белому человеку было легко и удобно жить. А тебе вместо этого отказывают в элементарных правах... И мы должны еще принимать это как должное!

Прибыл полицейский автомобиль с двумя «копами». Меня посадили на заднее сиденье... Когда мы подъезжали к полицейскому участку, я захотела пить... Но они даже не позволили мне напиться из фонтана. Он был тоже «для белых». Единственную милость, которую мне оказали, это разрешили позвонить домой и сказать, что я в тюрьме...»

ФАННИ ЛУ ХАМЕР, ЛИДЕР ДЕМОКРАТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ СВОБОДЫ В МИССИСИПИ, ИЗВЕСТНЫЙ БОРЕЦ ЗА ГРАЖДАНСКИЕ ПРАВА НЕГРОВ:

«Один раз мне нужно было попасть в Чарлстон (штат Южная Каролина) на встречу с негритянскими избирателями. Возвращаясь оттуда, я и мои товарищи остановились в Уинтоне. Некоторые из них вышли из машины и направились на «белую» автобусную станцию помыться и купить немного еды. Вдруг миссис Эннел Пондер стремительно выбежала на улицу.

— Что случилось? — спросила я.

— Там полицейский бьет всех дубинкой и приказывает нам убираться...

Выглянув в окно, я увидела полицейского патрульного, который заталкивал людей в машину. Когда я вышла из автобуса, он закричал своим людям, показывая на меня:

— И эту тоже!

...В тюрьме нас обвинили в «нарушении порядка и неповиновении властям». Никогда в жизни не забуду криков, которые неслись из соседней комнаты...

— Ты что же, негритянская сука, не можешь сказать «Да, сэр»! — вдруг услышала я.

— Да, я могу сказать...— раздался голос миссис Пондер.

— Ну...

— Но я не знаю, кто вы...

Мимо меня пронесли 15-летнюю девочку. В голове у нее зияла огромная рана, из которой хлестала кровь... Потом ко мне подошли трое белых, и один из них спросил, откуда я. Я ответила. Когда они позвонили в Рулвилл, там сказали, что я одна из тех «ниггеров», которые агитируют за голосование.

— Ну, детка, сейчас ты пожалеешь, что родилась на свет,— сказал мне полицейский.

Меня отвели в камеру, где сидели два негра. Полицейский приказал мне лечь на пол лицом вниз. Одному из заключенных он дал кожаную дубинку с чем-то металлическим внутри.

— Я должен бить ее этим? — спросил негр.

— Если ты откажешься, ты знаешь, что тебя ждет,— ответил тот.

Заключенный начал избивать меня. Я пыталась закрыть голову руками. Мое тело немело все больше и больше. Он бил меня до изнеможения. Потом, когда заключенный уже не мог поднять руки, полицейский передал дубинку другому, а первому приказал сесть мне на ноги. От страшной боли я начала кричать...

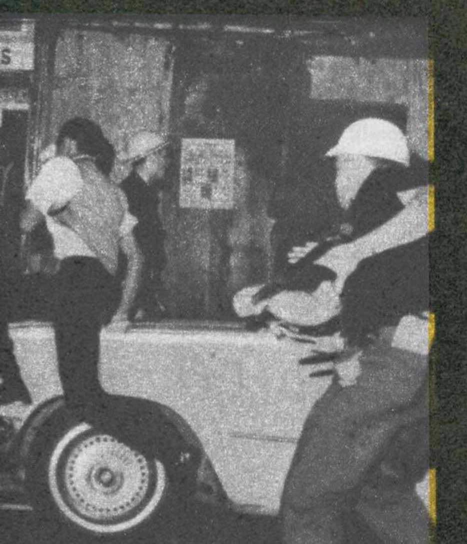
Сколько все это продолжалось, не помню.

Когда я очнулась, полицейский приказал мне встать. Я едва могла согнуть колени. Все мои руки были в огромных кровавых синяках. Он приказал мне идти в другую камеру, но так как я не могла пошевельнуться, они потащили меня волоком... Никто из них, разумеется, не был привлечен к суду...»

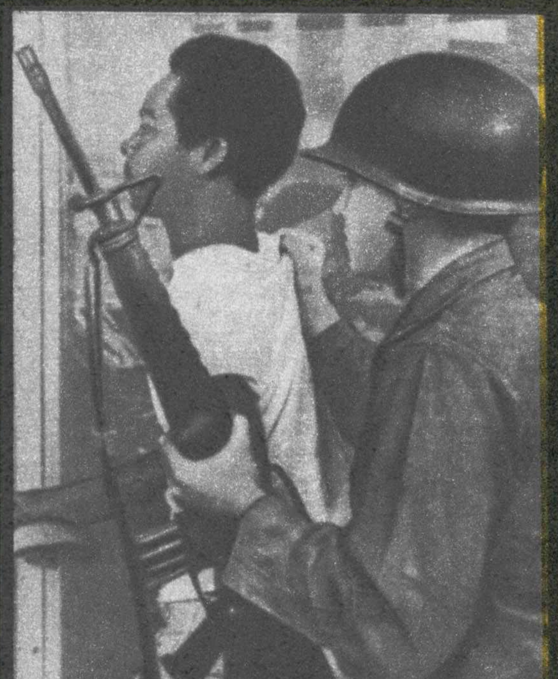

Такие сцены можно часто увидеть в Гарлеме — негритянском гетто Нью-Йорка.

АТЬ СВОБОДНЫМИ...»

Этот юноша арестован за то, что требовал равноправия для негров.

Расисты подвергают издевательствам борцов за равные права негров.

ПОЗИЦИ КРИТИ

Юрий ЗУБКОВ

Как и любой род литературы, театральная критика требует призвания. И притом совершенно особого призвания, связанного с огромной влюбленностью человека в театр, с неодолимой потребностью жить и умереть в нем, о чем говорил Белинский.

Рассматривая критику как «движущуюся эстетику», Белинский писал: «Ошибаются те люди, которые почитают ремесло критика легким и более или менее всякому доступным: талант критика редок, путь его скользок и опасен. И в самом деле, с одной стороны, сколько условий сходится в этом таланте: и глубокое чувство, и пламенная любовь к искусству, и строгое многостороннее изучение и объективность ума, которая есть источник беспристрастия, способность не поддаваться увлечению; с другой стороны, какова высокость принимаемой им на себя обязанности! На ошибки подсудимого смотрят как на что-то обыкновенное; ошибка судьи наказывается двойным посмеянием».

Среди прочих видов критики театральная критика, пожалуй, наитруднейшая. Она требует способностей и навыков в анализе не только произведений литературы (а драматургия, как известно, столь же полноправный род литературы, как проза и поэзия), но и творчества режиссера, актера, театрального художника и композитора; в анализе творческого процесса, в котором произведение литературы обретает новое качество и становится произведением сцены.

В силу этого меня особенно огорчило то обстоятельство, что на содержательном пленуме правления Союза писателей СССР, рассмотревшем проблемы развития литературно-художественной критики, почти не было уделено внимания критике театральной. А ведь справедливо однажды сказал Мустай Карим: «На зависть всем другим видам искусства и литературы, театр окружен большим и более пристальным вниманием критики. Это очень хорошо. Повседневная жизнь театра, тенденции его развития, его трудности постоянно привлекают внимание критиков и искусствоведов. Встречается в этой области немало обстоятельных, серьезных, вдумчивых исследований и статей, объективно и трезво оценивающих явления и события в театральной жизни. В то же время для этой сферы также характерны поразительное разночтение, крайняя категоричность в суждениях, нетерпимость по отношению к оппоненту, легкость отрицания, словом, тут больше скрещиваются шпаги, и нередко шпаги бутафорские».

Очень хотелось бы мне поспорить по поводу «бутафорских шпаг», однако иные из шпаг действительно оказываются довольно-таки частенько бутафорскими, а не боевыми... Именно поэтому в Постановлении Центрального Комитета партии «О литературно-художественной критике» и подчеркнуто, что состояние критики не отвечает в полной мере требованиям, которые определяются возрастающей ролью культуры в коммунистическом строительстве; процессы развития литературы и искусства анализируются недостаточно глубоко, проявляется примиренческое отношение к идейному и художественному браку, субъективизм, приятельские и групповые пристрастия; критика недостаточно активна и последовательна в утверждении революционных, гуманистических идеалов искусства социалистического реализма.

Полностью относится оценка состояния критики, данная в Постановлении ЦК КПСС, и к критике театральной. Мы пока давали явно недостаточный отпор всевозможным порочным идеям и идейкам, экспортируемым к нам буржуазной пропагандой, и нередко занимали вместо наступательной позиции оборонительную... Далеко не всегда наша театральная критика умела раскрывать идейную несостоятельность таких ложных, надуманных концепций, как «всеобщий художественный стиль двадцатого века», «критическое направление ума» (которое подчас оказывалось критическим по отношению к нашей действительности), так называемая «окопная правда»... Не выступала против попыток «деидеологизации» и «дегероизации» действительности, не оспаривала стремление выдать отказ от перевоплощения актера в образ, косноязыкий шепоток со сцены за некий «современный стиль актерской игры» и т. п. ...Мы, к сожалению, не всегда умели давать отпор этим, с позволения сказать, теориям и теорийкам, а иные из нас даже пускали их в обиход...

Не всегда умела наша театральная критика рассматривать как отдельные произведения драматургии и сцены, так и общие проблемы искусства с точки зрения их классового, социального содержания, связывать между собою такие понятия, как талант художника и идейная направленность его творчества.

Касаясь пьес и спектаклей, где изображение теневых сторон действительности закрывало от читателей и зрителей созидательный размах наших будней, некоторые театральные критики ошибочно полагали, что авторы пьес и театры «лечат» таким путем наше общество!..

Справедливо пишет о тенденциях подобного рода в литературно-художественной критике, в том числе и театральной, в своих полемических заметках «О партийности искусства», выпущенных издательством «Изобразительное искусство», доктор философии В. Разумный. Анализируя отдельные работы В. Кардина, И. Виноградова, Г. Гачева, автор убедительно раскрывает их идейную несостоятельность и делает вывод, чрезвычайно важный для сегодняшнего развития нашей критической мысли. «Камуфляж «новаторства», «интеллигентности», эстетической «тонкости», «элитарности», умело используемый, производит определенное впечатление на некоторых, наименее устойчивых в идейном отношении художников».

Отмечая, что и сегодня влияние эстетических идей подобного толка (о «едином современном стиле», о «дегероизации» и «дедраматизации» как его проявлениях, о существовании «элитарного искусства» и т. д.), к сожалению, отнюдь еще не прекратилось, В. Разумный говорит, что способствует тому и позиция «отмалчивания», которую избрали некоторые теоретики и критики: ведь ни один из них даже не попытался подвергнуть свои выступления научной самокритике!.. Наоборот, некоторые из них пытаются найти «новые» аргументы для защиты ошибочных «концепций», которые, кстати, приобретают теперь значение разработанных «теорий», определенным образом влияющих на художественную критику, а через нее и на практику некоторых художников, на направленность дальнейшего их творчества...

Как не вспомнить в связи с этими соображениями статью А. Свободина «Да» и «нет» театра и критика», опубликованную в начале года на страницах «Комсомольской правды»!

Статья эта посвящена взаимоотношениям театра и критики. Может показаться, что главное в ней — забота автора о повышении уровня взыскательности критики, воспитании непримиримости к идейному и художественному браку, создании обстановки верного отношения к критике в театрах... На протяжении всей статьи А. Свободин сражается с неким безликим, вернее, неким необозначенным критиком, приписывая ему множество пороков и недостатков. Среди них и «речь, похожая на строительство из стандартных деталей, употребляемых из статьи в статью», и «образование на уровне портативного саквояжа цитат», и «неприятие нового, непохожего на вчерашнее», и т. д. и т. п.

Чего же ради занимается всем этим автор? Да ради следующего умозаключения: «Критический талант... столь же явствен, как любой художественный талант. Однако при условии, что понятия «влиятельный критик» и «талантливый критик» — синонимы и что в этом правиле нет исключений!»

Вот, оказывается, если до конца расшифровать пафос статьи А. Свободина, в чем вся загвоздка — в несовпадении понятий «влиятельный критик» и «талантливый критик»... Лишь ради этого сомнительного противопоставления и выстраивает автор свою концепцию под прикрытием непременных «интеллектуальности» и «элитарности».

Об одном только умалчивает А. Свободин: о том, как же этот критик, столь примитивный в его изображении, стал критиком «влиятельным» и почему другие критики, талантливые, как он утверждает, не обрели этой «влиятельности»...

В своем стремлении развенчать во что бы то ни стало этого «влиятельного критика» А. Свободин договаривается до того, что не

Я
КА

он, этот раздражающий его критик, избрал поприще деятельности, а оно «его избрало»!.. Так ведь тут хула оборачивается хвалою, и никак не иначе!

Имен «влиятельных критиков» А. Свободин не называет. В отношении же «талантливых критиков» он несколько более конкретен. В частности, это критики, которые, по утверждению А. Свободина, помогли театру «Современник» в первые годы жизни коллектива «выстоять, познать себя и остаться собой; убедили зрителей, объяснили им эстетику нового театра, общественное его значение»... Так, может быть, именно эти же талантливые критики и несут значительную долю ответственности за то, что талантливая труппа «Современника» так и не создала пока — за все годы своей жизни — ни одного спектакля, где был бы показан наш современник во весь рост — человек труда, идейный боец партии... И не эти ли «талантливые критики», уговаривая «остаться собой», скажем, А. Эфроса, возглавлявшего тогда Московский театр имени Ленинского комсомола, дезориентировали его; путь режиссера к такой сегодняшней постановке, как «Человек со стороны» в театре на Малой Бронной, оказался намного длиннее, чем мог быть...

Вынося свои «да» и «нет» в заглавие статьи, А. Свободин делает упор на такую оценку произведения, которую-де ждут сами создатели этого произведения и которая является якобы исходной для критика еще до написания статьи. Но если говорить серьезно и непредвзято, то разве о заданных «самому себе» оценках следует вести речь, а не о **позиции критика** — общественной и эстетической позиции, представляющей результат всего опыта жизни, кругозора, вкуса, партийной убежденности...

Касаясь работы критика, А. Свободин говорит обо всем, кроме позиции критика. А ведь именно она — и только она — способна указать путь к верному анализу произведения.

Как бы ни был этот анализ интересен и талантлив, но если позиция критика сбивчива или неверна, то будет сбивчива и неверна самая оценка, добытая в результате этого анализа.

К примеру, обратимся к напечатанной в свое время в журнале «Наука и религия» статье К. Икрамова «Хвала Галилею или осуждение его?» по поводу спектакля Театра на Таганке «Жизнь Галилея».

Разве предвзятые, ложные умозаключения К. Икрамова в состоянии компенсировать своеобразный ход авторских рассуждений? «Человек, осуждающий того, кто устрашился зверских пыток,— пишет автор,— одним только этим оправдывает палачей. Ведь есть такие способы принуждения, такие пытки, которые любого человека могут заставить говорить все, что нужно палачам».

Оправдывая предателей, автор статьи таким путем неизбежно подвергает сомнению и подвиги героев, более того, подвергает сомнению самый смысл героизма. И не спасут здесь ни «тонкость», ни «интеллектуальность» его критических рассуждений...

В нынешнем сезоне впервые поставлена театрами пьеса М. Рощина «Валентин и Валентина». Пьеса о том, как молодое чувство перерастает в глубокую, сильную любовь. Однако любовь любви рознь, и не всегда влюбленные оказываются зодчими новых отношений. Серьезнейшим недостатком пьесы М. Рощина является общественный и гражданский инфантилизм ее героев. И только соотношение смысла пьесы с жизнью, серьезный и беспристрастный разбор ее достоинств и недостатков могут помочь молодому автору, дать верную ориентировку зрителям.

Но вот передо мной рецензии на спектакль, опубликованные московскими газетами. По словам Ю. Смелкова, герои спектакля — это восемнадцатилетние «Ромео и Джульетта нынешнего дня». Но если есть Ромео и Джульетта, то должны быть Монтекки и Капулетти. И в самом деле, по мнению рецензента, на пути молодых встает «непонимание окружающих», «мир, в котором еще немало и душевной грубости, и мещанства, и пошлости». Критик не поднимается над кругом житейских наблюдений драматурга, не умеет соотнести частный случай, изображенный М. Рощиным, с духовной, нравственной жизнью нашего общества.

Мать Валентины, вырастившая дочку одна, без мужа, хочет видеть девушку чистой. Это — благородное материнское стремление. Что же за ним усматривает другой рецензент, О. Кучкина? Она тоже согласна с М. Рощиным: «Любовь? Да это только кажется, что любовь, а как пойдут кастрюли да пеленки — куда и любовь подевалась!» — вот, мол, как рассуждает мать...

Между тем беспокойство о судьбах любви, с одной стороны, и отрицание любви, меркантильный, пошлый взгляд на брак — с другой, ни в коем случае не тождественны между собою. Но вот вывод, который делает О. Кучкина: «Сколько веков прошло, а человеческая пошлость живуча, и живуче непонимание одних людей другими — и двое, как и давно, как и всегда, должны страдать...»

Одним словом, ничто не изменилось в мире со времен Ромео и Джульетты!.. Вывод, мягко говоря, надуманный, ложный.

Гораздо серьезнее и объективнее рецензия А. Демидова, справедливо возражающего против схем, которыми иные «рецензенты меряют» поиски автора и театров, поставивших пьесу. Однако А. Демидов тоже не замечает общественного инфантилизма, странной беспомощности героев пьесы и спектакля театра «Современник». Интерес же театров к пьесе М. Рощина, на взгляд А. Демидова, объясняется «естественной тягой к произведениям, решающим отнюдь не только грандиозных масштабов проблемы».

А разве проблема любви не одна из самых грандиозных человеческих проблем?!.

Нет, суть вопроса, хочет или не хочет того А. Свободин, именно в позиции критика как исходном, определяющем моменте и для анализа художественного произведения и для выводов, проистекающих из этого анализа. Именно широта и зрелость позиции определяют точность и глубину, объективность и справедливость критических выводов...

Не возрождает ли искусственное деление критиков на «влиятельных» и «талантливых» небезызвестное противопоставление критики эстетической критике публицистической, которое покойный А. Фадеев справедливо назвал пошлым... В этой связи поневоле вспоминается выступление Ю. Волчека на зональном семинаре театральных критиков в Горьком, как раз и погрешившего подобным противопоставлением. «Настоящая художественная критика,— говорил А. Фадеев,— понимает, что сила идейного воздействия произведения тем больше, чем оно художественно сильнее. Но она понимает, что художественный образ может быть сильным только на почве знания народной жизни; он тем сильнее, чем полнее и шире владеет художник большими вопросами жизни. Поэтому эстетический анализ произведения является частью или одной из сторон анализа политического».

Справедливость этих слов ярко подтверждает хотя бы краткое рассмотрение двух точек зрения на пьесу А. Володина «Дульсинея Тобосская» — Н. Велеховой и Ю. Скворцова, позволяющее заметить, что именно от зрелости общественной позиции критика зависят глубина и объективность эстетического анализа.

В умной и острой статье «О Фаусте, Мефистофилях и Дон Кихотах XX века», опубликованной еженедельником «Литературная Россия», Н. Велехова убедительно раскрывает бедность нравственного содержания пьесы А. Володина.

Ошибка Володина, замечает критик, «в утилитаризме, которым он оспаривает широкую философию Дон Кихота. Автору она кажется погоней за призрачными идеалами. Но, даже соглашаясь с тем, что такие идеалы не могут требовать во имя своего утверждения ни подвигов, ни жертв, мы никак не можем привести этот тезис до отказа от идеалов вообще и ввиду такой неожиданной крайности развенчать и уничтожить Дон Кихота.

Кто-нибудь захочет возразить: длинному рыцарю из Ламанчи пора понять наконец, что призвание человека ограничено его личным счастьем, что надо искать естественного человека, а не болтать о духовных ценностях.

Но, сняв необходимость проблем и гипотез в спорах о смысле жизни человека, занизив разговор о нем до степени простейшего утилитаризма и житейской обывательской «мудрости», писатель изменит тем самым гуманистическому взгляду на человека».

Только потому я привел столь пространную выдержку из статьи Н. Велеховой, что этого «простейшего утилитаризма» (Дон Кихот любит Дульсинею бескорыстно и идеально, а его восприемник Луис де Карраскиль смеется над Дон Кихотом, его философией, его непрактичностью; он проводит ночь с Дульсинеей, а точнее, просто с Альдонсой!) как раз и «не заметил» Ю. Скворцов, рецензировавший мхатовскую постановку володинской пьесы.

Говоря, что «память о благородном рыцаре» приобрела, мол, «силу цепной реакции», он пишет о превращении Луиса в Дон Кихота, а Альдонсы — в Дульсинею, пропуская при этом в пьесе главное — ее основную мысль о естественном человеке и его личном земном счастье.

И этот изъян в анализе произведения Ю. Скворцов не в состоянии компенсировать никакими ссылками на то, что, мол, веселый анекдот — это лишь «оболочка повествования», настолько «плотная», что и «заглянуть под нее иному зрителю трудно», что «получился спектакль трудный, смотреть который нужно в постоянном напряжении, медленно входя в круг его концепций и выводов...».

Сочетание взыскательности с бережностью и тактом — обязательное условие работы критика. Однако вряд ли можно признать справедливыми и закономерными попытки некоторых критиков под флагом высокой требовательности не замечать все то интересное и ценное, что плодотворно развивает реалистические традиции русского и советского сценического реализма в сегодняшней практике многих театров, работающих в разных концах страны. Именно в силу этого во многом вызывает у нас несогласие разговор о гастролях в Москве на страницах последнего номера журнала «Театр» за прошлый год...

Один из самых трудных и боевых участков нашего литературно-художественного фронта — театральная критика — требует к себе особого внимания; оно необходимо должно быть повышено союзами писателей и журналистов, театральными обществами, министерствами культуры.

Без этого невозможна координация усилий большого отряда театральных критиков, действующих в разных городах страны, невозможна целенаправленность их действий, которая вовсе не исключает ни разных мнений, ни дискуссий, имеющих своей прочной основой принципы социалистического реализма.

Главная цель — определение единой позиции театральной критики. Позиции, дающей критике возможность наиболее успешно, принципиально и последовательно проводить в искусстве линию партии, с исчерпывающей четкостью и ясностью определенную XXIV съездом КПСС, Постановлением Центрального Комитета партии.

Приступил к работе новый собственный корреспондент «Огонька» по Украине Станислав КАЛИНИЧЕВ. Сегодня мы публикуем его первый материал.

АЛМАЗ, КОТОРЫЙ КРЕПЧЕ АЛМАЗА

На своем веку Джос Бонруа видел бриллиантов, пожалуй, не меньше, чем людей. Один из авторитетнейших ювелиров мира, он с первого взгляда мог разглядеть то, чего иной не увидит даже при тщательном изучении. И деды его и прадеды занимались обработкой алмазов. От них он унаследовал и профессию, и умение оценить заказчика, и эту мастерскую в ювелирной столице мира — Антверпене.

В тот памятный осенний день 1967 года порог его конторы переступил внешне ничем не примечательный человек. Был он лет пятидесяти, явно иностранец, одет элегантно, но просто. Щеточка усов и добрые живые глаза за стеклами очков наводили на мысль о любящем отце, решившем купить дочери модное колечко с крохотным бриллиантиком.

И поэтому Бонруа был прямо-таки потрясен, когда «папаша», небрежно похлопав себя по карманам, высыпал перед ним горсть алмазов! Теперь знаменитому ювелиру оставалось только блеснуть в ответ знанием драгоценных камней.

— Прекрасный подбор! — воскликнул он.— И, конечно же, из Сьерра-Леоне. Из них получатся великолепные бриллианты.

— Да, это из Сьерра-Леоне,— ответил иностранец.

— Оставьте,— предложил хозяин,— я их посмотрю, и завтра договоримся об обработке.

На следующий день, встречая гостя, хозяин был немало смущен.

— Какая ирония судьбы: я жестоко ошибся! Ваши камни не из Сьерра-Леоне. Скажите правду, они... нет, даже не верится, они что, действительно синтетические?

— Да, теперь вы не ошибаетесь — это синтетические алмазы.

Познакомились. Гость назвал себя: Валентин Николаевич Бакуль, доктор наук, директор Института сверхтвердых материалов из Киева, где выращены столь крупные кристаллы алмаза.

* * *

— Синтез алмазов, пригодных для изготовления бриллиантов, пока может рассматриваться только как научное достижение. Это настолько трудно и дорого, что в ближайшем будущем рукотворный бриллиант не сможет конкурировать с природным. Зато в промышленности синтетические алмазы вне всякой конкуренции. Меньше всего меня интересуют бриллианты,— рассказывает Валентин Николаевич Бакуль.— В конце концов это просто баснословно дорогие безделушки. Непревзойденная дороговизна алмаза — всего-навсего лишь одна из его уникальных, никем и ничем не оспариваемых особенностей. Да, алмаз весом в 50—60 граммов может стоить столько, сколько стоит тонна золота. Но меня привлекают другие его свойства: непревзойденная твердость, износоустойчивость, поразительная теплопроводность...

Валентин Николаевич может рассказать об алмазах многое. Здесь, в украинском Институте сверхтвердых материалов, их делают. И сколько! Если в 1961 году для изготовления двух тысяч каратов понадобилось девять месяцев, то ныне такое же количество алмазов — 400 граммов — на одной установке в течение одного дня может изготовить один оператор!

Огромные, широко раскинувшиеся корпуса института и его опытного завода издали радуют глаз праздничной современностью форм, свободой планировки. По утрам сюда на работу, в десятки лабораторий и цехов, приходит около трех тысяч человек. Есть среди них и пожилые, но больше молодежь. Я стою у проходной и пытаюсь определить, кто из них станет у пульта управления установкой синтеза. Неужели тот, с модной бородкой? А возможно, одна из этих увлеченных разговором подружек? Не столь важно, впрочем, кто нажимает кнопку в цехе синтеза. Важно, что и кнопки, а главное, сами установки, огромный парк совершеннейших станков, приспособлений, автоматики задуманы и сделаны руками этих людей.

В истории техники найдется немного примеров, когда деятельность одного коллектива оказала бы столь значительное, даже решающее влияние на развитие целых отраслей промышленности. Именно таков коллектив Института сверхтвердых материалов.

Одно крыло главного здания института — все его девять этажей — отведено под своего рода пропагандистский центр. Здесь музей истории института, его трудовой славы, выставочные залы алмазного инструмента и действующего оборудования для его применения, комнаты, где проходят семинарские занятия.

В зале первого этажа гостей встречает робот, который обращается к ним со словами: «Я робот, мои челюсти развивают усилие в сто тысяч килограммов. Сейчас в вашем присутствии я превращу обычный графит в алмаз». С этими словами он берет небольшой контейнер с графитом, сует его в рот, со страшной силой сжимает челюсти, и... желающие могут убедиться, что в контейнере синтезировалось несколько зерен алмаза.

Робот, конечно, реклама, но реклама убедительная, впечатляющая...

Стремительно проходя по залу, Валентин Николаевич останавливается у некоторых экспонатов.

— Вот это идеальное зеркало, дающее глубокое, мягкое и почти осязаемое изображение, представляет собой стальную пластину, обработанную алмазной пастой,— говорит он.

Наше внимание привлекают тонкие серо-голубые пластины с включением коричневых и зеркальных пятен. Они похожи на облицовочные плитки. Но, как оказалось, это дольки железобетонной шпалы, нарезанные, как ломтики зельца, алмазной пилой.

— Вот, кстати, и эта пила,— говорит Валентин Николаевич,— настоящая. Возьмитесь за нее, погладьте ее режущую часть ладонью. Ну, смелее! Она не режет мягкие материалы. Даже обычная сталь для нее слишком мягка.

— А это для чего здесь? — спросили мы, увидав посреди зала груду точильных кругов.

Их не менее тонны. Большие и маленькие, с крупным зерном и мелким. Когда на таком круге затачивают крепчайшие токарные резцы, они вихрем рассыпают снопы искр.

— Груду точильных кругов вы заметили,— улыбнулся Валентин Николаевич,— а маленькую чашечку с ободком, которая лежит на самом верху,— нет. Черный ободок — это тонкий слой алмазных зерен, скрепленных специальной связкой. Так мы ведем «наглядную агитацию». Маленькая чашечка — алмазный круг. На нем можно заточить столько твердосплавного инструмента, сколько с помощью всей этой груды абразивных кругов, если их использовать до полного износа.

Применение алмазного инструмента повышает чистоту обработки деталей на два-три класса, производительность труда — на 30—50 процентов, а то и вдвое. Каждый карат использованного инструмента приносит экономию 3—6, а на отдельных операциях — и до 200 рублей.

— Как вы представляете себе путь научного открытия, изобретения от его рождения в сознании ученого и до массового внедрения в производство? — спрашивает меня Валентин Николаевич.

— Ну... после завершения работы — отчетная статья в научном журнале.

— Средний срок публикации такой статьи?—быстро переспросил он.

— Полтора года...

— Заявка на материалы, «выбивание» ассигнований, опытные образцы, снова заявки, которые надо подать задолго до начала года. Так?

Директор Института сверхтвердых материалов, доктор технических наук, заслуженный деятель науки и техники Украинской ССР, Герой Социалистического Труда Валентин Николаевич Бакуль.

Больше трехсот авторских свидетельств на изобретения и около тридцати зарубежных патентных грамот получено сотрудниками института. На этом снимке — лишь часть из них.

Только с помощью алмазов можно изготовить такой высокопроизводительный твердосплавный инструмент.

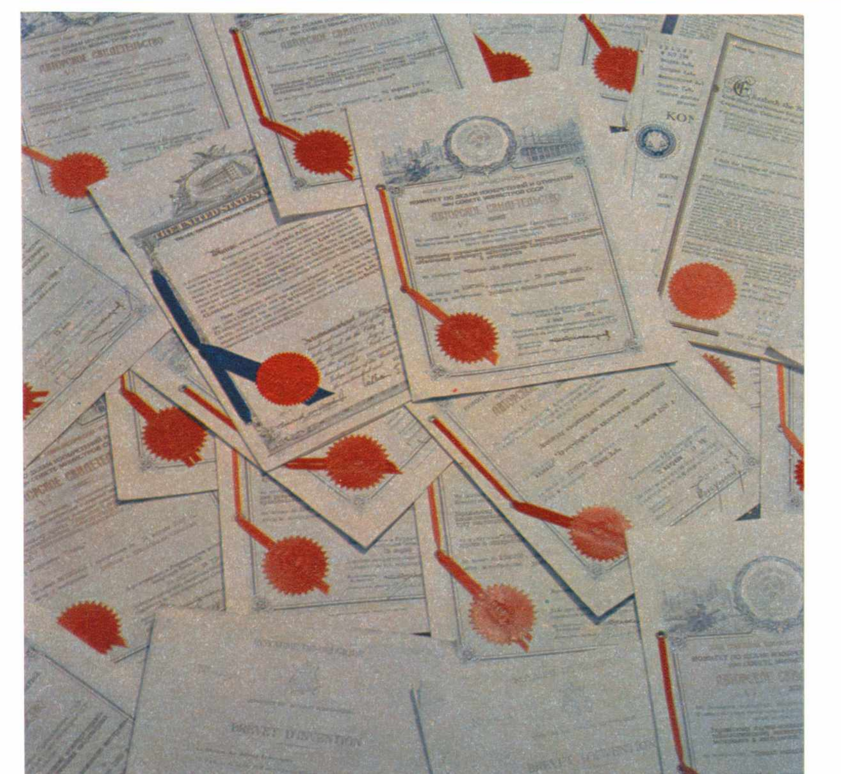
На развороте вкладки:

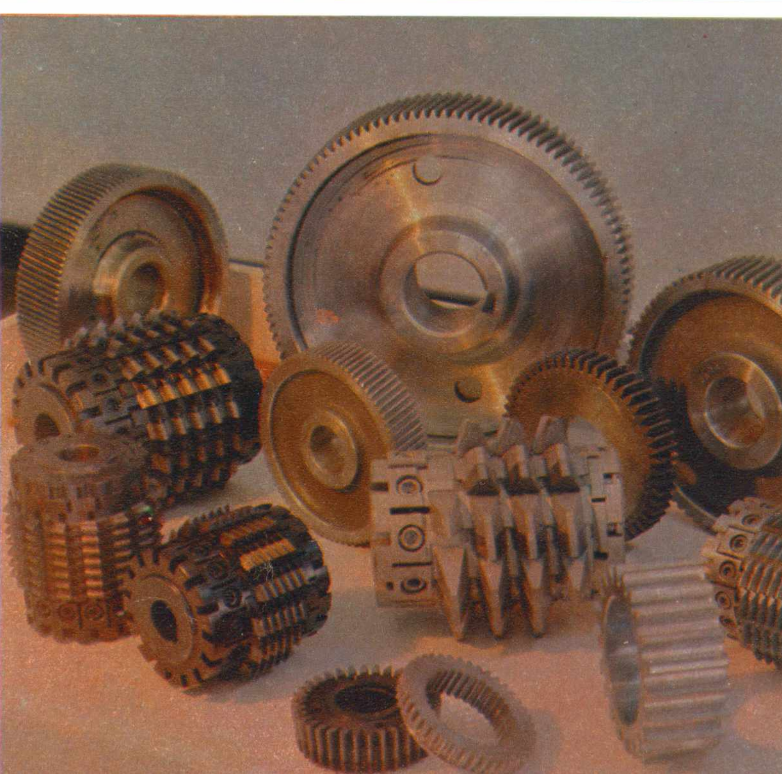
Вот они, кристаллы алмаза, созданные рукой человека.

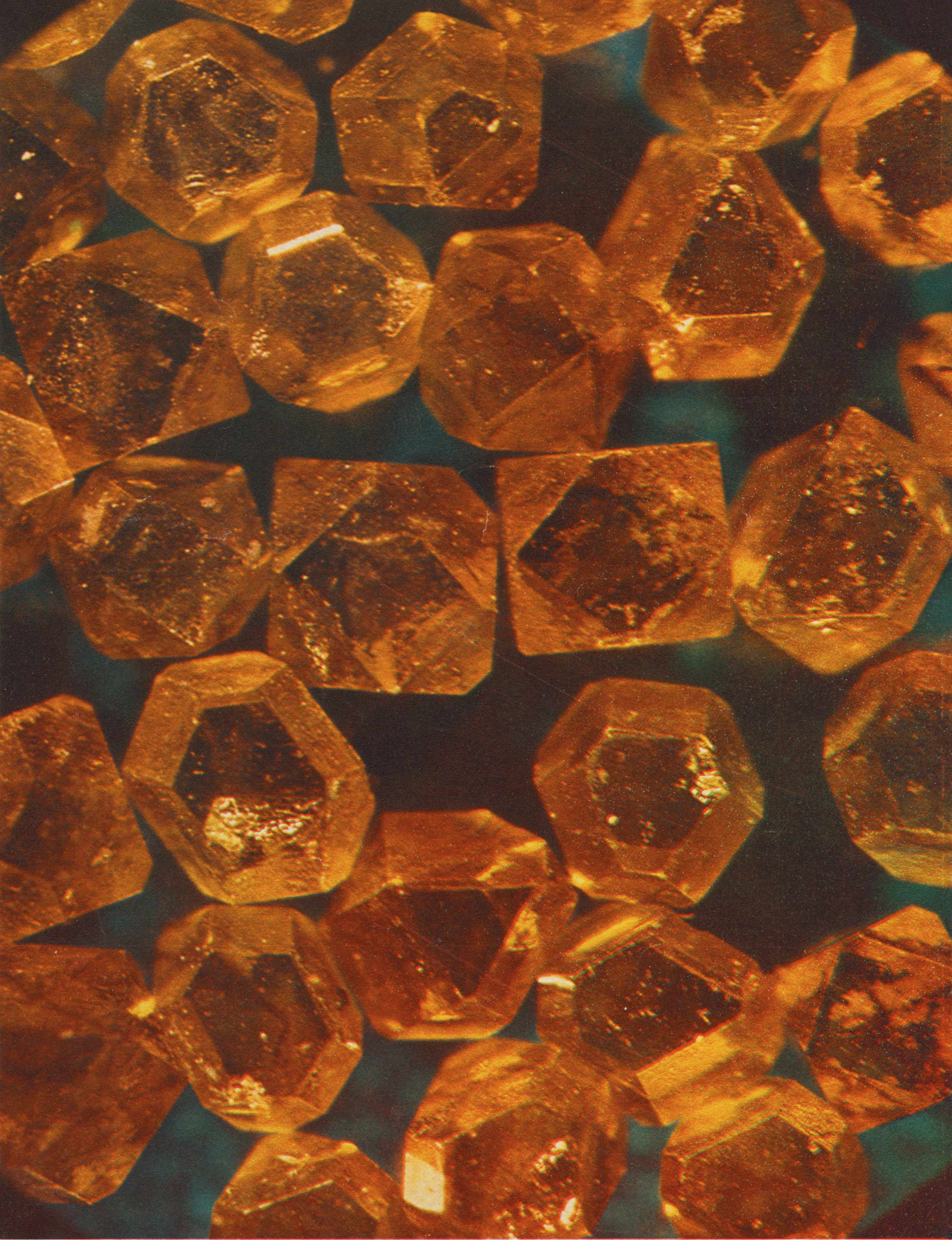
Оператор Раиса Каштелян у пульта управления испытательной станции.

Фото Н. КОЗЛОВСКОГО.

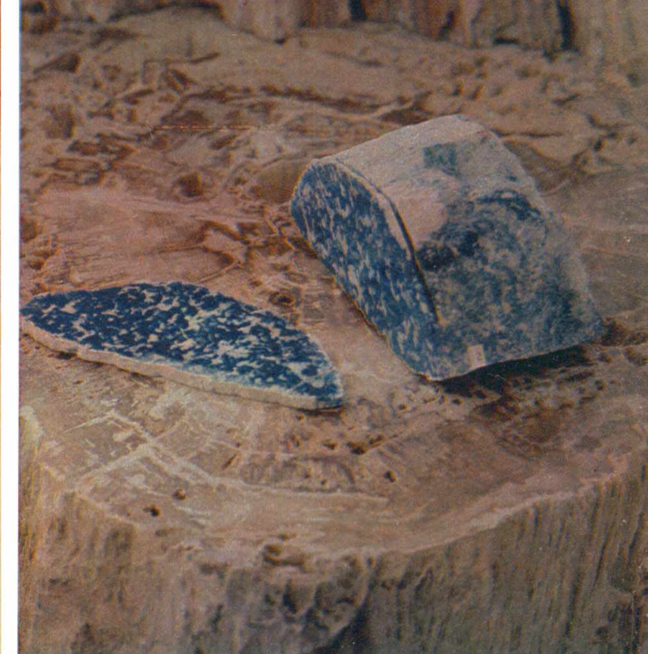

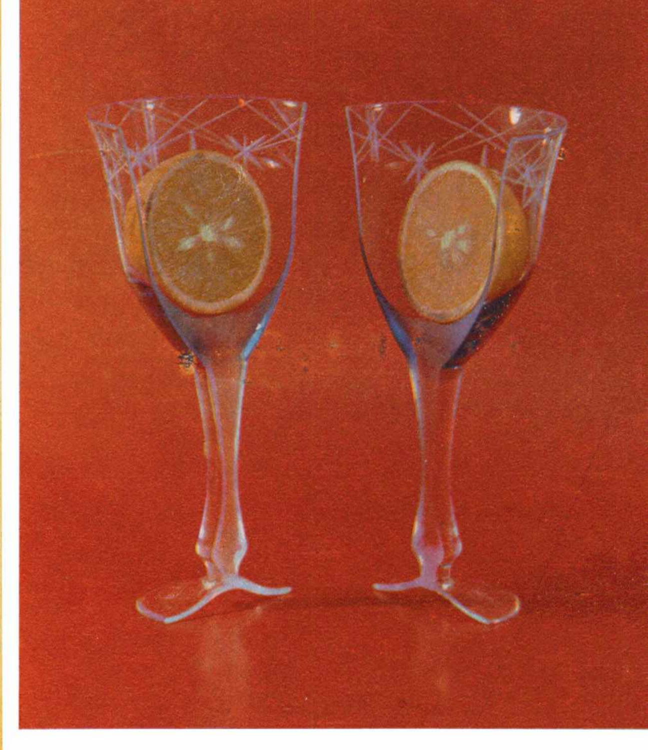

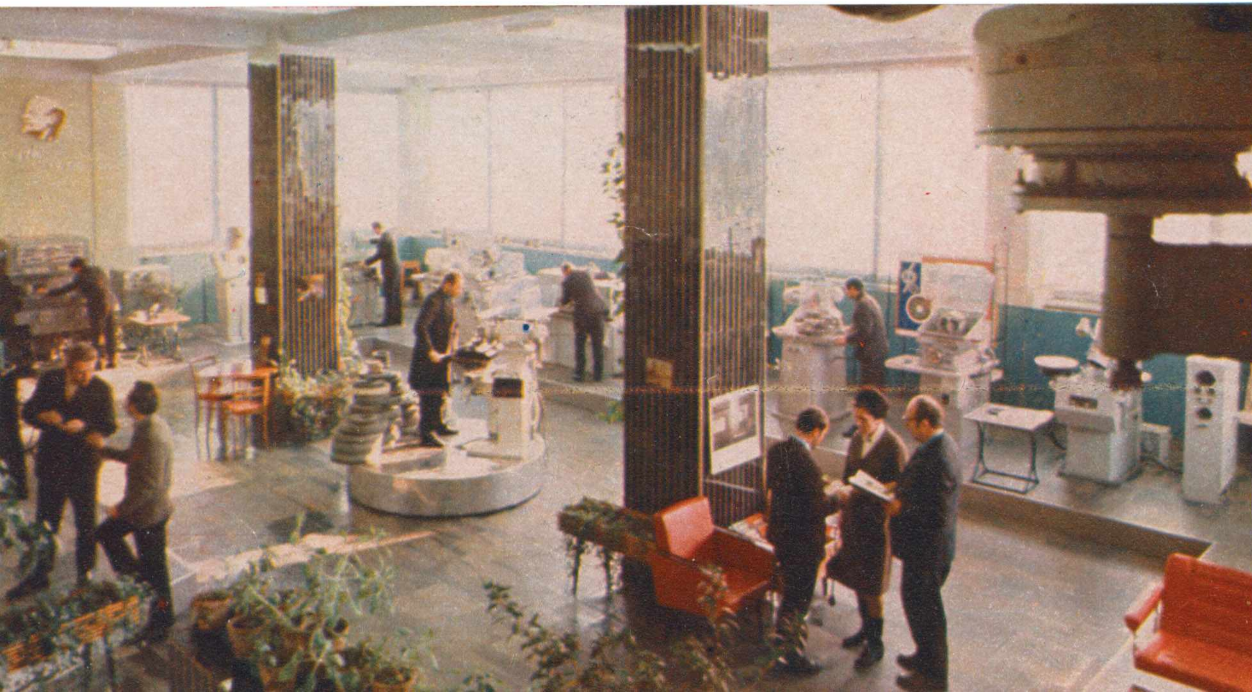

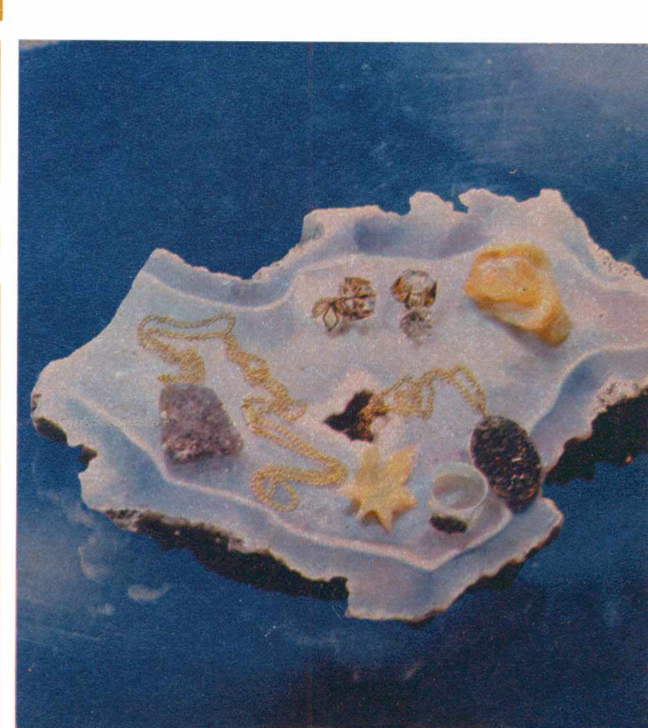

— Так.

— Получается в итоге?..

— В лучшем случае — три года.

— А нам этот срок удалось сократить до нескольких месяцев. Как только в лабораторных условиях получен положительный результат, мы немедленно, не ожидая полного завершения работы, рассылаем приглашения на заводы, фабрики, карьеры — всем заинтересованным производственникам. Люди приезжают к нам в институт, слушают лекции ученых, знакомятся с эффектом новшества, вносят свои замечания в конструкцию. Ряд недостатков «дотягивают» тут же, в ходе работы семинара.

...Когда мы поднялись на третий этаж, Валентин Николаевич сделал широкий жест и неожиданно сказал:

— В этом зале нет ничего нашего. Только достижения зарубежных фирм. Лучшее из лучшего.

Однажды В. Н. Бакуль попросил своих сотрудников подобрать адреса всех зарубежных фирм, занимающихся изготовлением синтетических алмазов и инструмента для их применения. Адресов оказалось более семисот. И в каждый из них он послал письмо такого примерно содержания. У нас, мол, создана постоянно действующая выставка алмазного инструмента. Мы согласны выставить на ней и лучшие образцы вашей фирмы. Бесплатно. С одним условием: экспозицию обновлять ежегодно.

И большинство адресатов охотно откликнулись. Прислали свои новинки. Все они выставлены здесь, в этом залитом солнцем зале,— в натуре, в чертежах, фотоснимках и описаниях. Теперь каждого гостя, знакомя с выставкой, приглашают и в этот зал. Смотрите, мы не боимся сравнения с лучшими работами авторитетнейших фирм мира, таких, как американская «Дженерал электрик», шведская «Де Бирс», бельгийская «Диаманд Борд»...

Ни одна фирма в мире не решилась бы рекламировать достижения своих конкурентов. А тут решились.

— Я считаю,— говорит Валентин Николаевич,— что наилучшим образом заниматься внедрением научных достижений в производство могут только сами их авторы. У нас в институте одно время было создано бюро по внедрению. Казалось бы, наше дитя. И все же, чуть что не заладилось, говорят: недоработка авторов, внедрять рано. Сам автор такого не скажет, он не станет терять времени на выяснение, по чьей вине допущена ошибка. Он прежде всего подумает над тем, как вместе с производственниками исправить ее. А ведь задача и заключается в том, чтобы выкристаллизовать новшество, отбрасывая в процессе его внедрения недостаточно удачные решения. У нас каждая лаборатория держит связь с производством, широко пользуется богатыми возможностями опытного завода.

На этом заводе бывать всегда интересно. Когда бы ни пришел, обязательно увидишь что-то новое.

В одном из цехов-лабораторий отбирают самые крупные зерна алмазов. Подрагивают наклонные поддоны, бесконечной струйкой сыплются по ним, разбегаясь в разные ячейки, молочно-белые, желтоватые, прозрачные зерна. Самые крупные из синтезированных в институте алмазов имеют вес около одного карата. Для сравнения скажем, что 31 бриллиант «Маршальской Звезды» Маршала Советского Союза имеют общий вес около 7 каратов, самые же крупные из них весят по 0,612 карата.

В других цехах идет разделение алмазного порошка по размеру зерен — от нескольких сот микронов до одного. Это шлифпорошки. Кстати сказать, Государственные стандарты на них разработаны здесь, в институте. Перед каждой работницей, больше похожей на операционную медсестру,— наборы латунных сит, вибраторы, весы. Столы с трех сторон огорожены плексигласовыми фонарями, чтобы движение воздуха не разносило порошок и чтобы на него не садились пылинки.

Но еще более сложное производство — отделение субмикропорошков, особенно дорогих, где размер зерен от микрона и меньше.

— Как представить себе алмазное зернышко размером в микрон?— спросили мы у заместителя директора завода Леонида Евгеньевича Мельника.

— Очень просто,— ответил он,— если уронить его с высоты одного метра над полом, то оно будет падать на пол около... двух недель. Конечно, при условии, если не будет колебаний воздуха.

Трудно определить, где тут кончается наука и начинается производство. Здесь есть ученые, которые при необходимости становятся за станок, и есть рабочие, которые готовятся к защите научных диссертаций. И результат: в институте создано более 400 форм и больше двух тысяч типоразмеров алмазного инструмента, которые внедрены в промышленность.

А ведь институт не так давно отпраздновал свое десятилетие. Первое. В 1961 году на основе лабораторного метода Института физики высоких давлений АН СССР здесь была разработана промышленная технология производства синтетических алмазов, получены первые сотни каратов драгоценных зерен. В то время наша страна по использованию алмазов в промышленности занимала одно из последних мест в мире. Например, для всех предприятий Украины в 1958 году было выделено 12,5 тысячи каратов технических алмазов. Для сравнения скажем, что нынче один крупный завод, например, ЗИЛ или Новокраматорский, потребляет такого инструмента в сотни раз больше.

Сейчас развитие современной промышленности без широкого применения алмазов вообще немыслимо. В США, например, неприкосновенный стратегический запас алмазов составляет около 60 миллионов каратов. В одной из докладных записок президенту группа специалистов указывала, что, если лишить Америку алмазов, ее промышленный и военный потенциал снизится вдвое!

А когда в Киеве была выпущена первая в стране промышленная партия алмазов (коллектив института преподнес ее в подарок XXII съезду КПСС), специалисты подсчитали, что для проектирования и строительства завода, изготовления и монтажа оборудования, обучения кадров понадобится самое малое пять лет. Это означало, что массовое внедрение алмазов в промышленность нашей страны стало бы осуществляться только с 1967 года. Но в институте рассудили иначе. Было решено создать на своей опытной базе производство, которое в кратчайший срок смогло бы полностью удовлетворить запросы нашей промышленности в алмазном инструменте. Началась реконструкция завода. Руководители лабораторий, научные сотрудники на это время стали мастерами и прорабами. Первоначальное задание вместо пяти лет было выполнено менее чем за два года. За этот подвиг коллектив института награжден орденом Трудового Красного Знамени, а Валентину Николаевичу Бакулю присвоено звание Героя Социалистического Труда. Шестьдесят два сотрудника института отмечены орденами и медалями.

С одним из них, Георгием Петровичем Гаврильчуком, нас познакомил Л. Е. Мельник.

— Только затрудняюсь назвать вам его профессию,— сказал он.

В цехе работало всего человек шесть, хотя станков стояло десятка два. Георгий Петрович, как и многие его товарищи, свободно управляет любым из них. Он и токарь, и фрезеровщик, и слесарь... Ученый приносит сюда, как правило, идею. То самое произведение, которое, как говорят писатели, «еще в чернильнице». И идею эту они сообща «вытаскивают из чернильницы». Только не на бумагу, а сразу в металл. Тут как-то неуместно говорить о связи науки с производством: они слились воедино.

— Вот в этом цехе,— показывает Леонид Евгеньевич,— стоят заточные станки всех типов, которые применяются на заводах нашей страны и стран СЭВ. Продавая предприятию партию инструмента, мы одновременно обучаем обращению с ним рабочих и инструкторов этого предприятия, независимо от того, советский это партнер или зарубежный. В этом цехе как раз и ведутся такие практические занятия. Между прочим, во время занятий учатся не только производственники. Очень ценные знания в общении с ними получают и ученые.

Это, образно говоря, пример обратной связи. А прямая связь — заявки, которые время от времени кладут на стол В. Н. Бакулю начальники лабораторий. То один, то другой просит разрешения провести в институте семинар для того, чтобы ознакомить специалистов предприятий с новой разработкой их лаборатории. Таких семинаров в институте каждый месяц бывает пять-шесть. Для них даже построено специальное здание с просторным конференц-залом, красивыми фойе, комнатами для секционных занятий и т. п. Специально для приезжающих на семинары выстроена гостиница на сто мест. Институт и его опытный завод поставляют продукцию в 30 стран мира, в их стенах прошли обучение 18 тысяч человек с восьми тысяч заводов и фабрик нашей страны.

Сейчас алмазные инструменты, разработанные и созданные в Институте сверхтвердых материалов, приносят в различных отраслях нашей промышленности до 200 миллионов рублей прибыли в год. В самом институте каждый рубль, истраченный на науку, дает шесть с половиной рублей отдачи. Только за последнюю пятилетку себестоимость синтетических алмазов здесь снижена в три раза. Советский Союз по уровню их потребления в промышленности давно занял ведущее место в мире, оставив далеко позади многие технически развитые страны.

Не случайно первая в истории международная конференция по внедрению синтетических алмазов в производство проводилась здесь, в Киеве, на базе Института сверхтвердых материалов. В качестве руководителя бельгийской делегации побывал на конференции и старый знакомый В. Н. Бакуля Джос Бонруа. Вспомнил он и об алмазах «из Сьерра-Леоне», которые вдруг оказались намного прочнее природных. В своем выступлении он говорил, насколько быстрее и выгоднее обрабатывать природные алмазы именно синтетическими.

На этой же конференции очень хорошо о работах института сказал заместитель министра внешней торговли СССР Н. Н. Смеляков, известный советскому читателю как автор книги «Деловая Америка».

— Заслуга не только в том, чтобы сделать открытие, изобретение,— говорил он,— нужно еще организовать его использование, применение в жизни для всех людей Земли. С этой точки зрения весьма ценен опыт украинских ученых и специалистов, которые в короткий срок организовали супермассовое производство синтетических алмазов и продолжают научные изыскания.

Благодаря хорошо организованному массовому производству синтетических алмазов в Советском Союзе, их низкой себестоимости цены на них вполне доступны, качество гарантировано, а сроки поставки минимальны. У нас всегда есть запас готовых изделий на складе.

...Твердость характера синтетического алмаза не требует рекламы, он обладает также важным свойством, которое не всегда принимается во внимание: он помогает делать труд человека не только более производительным, но и более красивым.

Как-то Валентин Николаевич Бакуль выступал перед членами одной из госплановских комиссий. Обосновывал необходимость ассигнований на новый метод синтеза крупных алмазов. Слушали его с интересом. Но вдруг один из присутствующих спросил:

— А сколько времени надо, чтобы вырастить крупное зерно?

— Год,— ответил Валентин Николаевич.

И членов комиссии как подменили. Их лица поскучнели, интерес к докладу пропал. Тогда докладчик, в свою очередь, спросил:

— А сколько надо, чтобы вырастить пшеничное зерно?

И на лицах снова появился интерес.

Действительно, труд надо приложить немалый. Но здесь умеют трудиться: с большим размахом и с не меньшим терпением, зато собирают не просто зерна, а зерна алмазные, крепче которых не создала и сама природа.

Передовик производства шлифовщик Валентин Чекмарев.

В одном из залов выставки «Синтетический алмаз в работе».

Окаменевшему дубу полтора миллиона лет, а камню еще больше. И тот и другой легко разрезала алмазная пила.

Этот бокал вместе с апельсином тоже разрезала алмазная пила.

Алмазные инструменты и шлифовальные порошки в десятки раз облегчают обработку самоцветов.

Уйти без покупки из «Ленинграда» невозможно.

ПРИХОДИТЕ

Б. СОПЕЛЬНЯК

Фото А. БОЧИНИНА и А. НАГРАЛЬЯНА.

Директор «Ленинграда» И. П. Степанчиков убежден, что магазин может работать еще лучше.

Этот день хорошо помнят все жители Ленинградского района столицы. А счастливчики, получившие квартиры в новых кварталах недалеко от Химкинского водохранилища, облегченно вздохнули: ведь до 27 ноября 1967 года все продукты им приходилось покупать чуть ли не в центре города. Теперь же совсем рядом гастроном «Ленинград».

Первый раз я попал в магазин случайно, а потом начал ездить сюда регулярно. Наконец встретился с директором «Ленинграда» И. П. Степанчиковым и попросил поделиться секретом притягательной силы гастронома.

— Никакого секрета нет,— улыбнулся Иван Павлович.— Просто мы внимательно изучаем покупательский спрос, обслуживаем быстро и четко и дорожим постоянным покупателем. Ведь если человек идет в наш магазин, а не в соседний, значит, что-то у нас лучше. А если учесть, что наш гастроном — один из первых крупных магазинов самообслуживания, нетрудно представить, сколько пришлось покорпеть, пока мы не нашли свой стиль торговли. Впрочем, походите по магазину. Сами все увидите...

Прежде всего я заглянул в бакалейно-кондитерский отдел, где работает Мария Николаевна Юдина — победительница конкурса на звание лучшего продавца-кондитера Москвы. У открытой витрины обосновался щекастый мальчуган. Он явно не мог решить, на чем остановиться. Потом уверенно заявил матери:

— Вот эти!

И тут вмешалась Мария Николаевна.

— Ты что, любишь лимоны? — спросила она мальчика.

— Не-е...

— А конфеты-то эти с лимонной начинкой!

— Зато красивые! — стоял на своем малыш.

— Разве это красивые?! Знаешь, какие фантики собирал Карлсон, который живет на крыше?

— А он собирал? — загорелся мальчуган.

У входа в отдел заказов.

В «ЛЕНИНГРАД»

— Еще бы! У него были лучшие в мире фантики. Но больше всего — «Мишка на севере».

Ну, конечно же, малыш захотел иметь лучшие в мире фантики. А Мария Николаевна, насыпая конфеты в красивый прозрачный пакетик, говорила:

— Карамель да еще с лимоном не для детских зубов. А вообще-то лучше приучать малыша к мармеладу: делают его из яблок, и витаминов в нем много.

...Вот и самый многолюдный отдел — молочно-гастрономический. Иван Павлович рассказывал мне, что раньше прилавки с колбасой, молоком, сыром и маслом были у самых касс, поэтому в глубь магазина люди не заглядывали и, естественно, не замечали появления новых видов продуктов. Теперь этот отдел — в центре зала, а остальные — ближе к входу-выходу. За пять лет работы магазина продавцы убедились, что если человеку надо только двести граммов колбасы, по пути он купит еще что-нибудь...

У одного прилавка люди перебирают пакеты с ветчиной и никак не могут выбрать нужный: ветчина нарублена толстыми, бесформенными кусками, в одних свертках раскрошилась, в других — сплошной жир. А у соседнего прилавка никакой толчеи, я тоже взял аккуратный пакетик с ломтиками тонко нарезанной, аппетитной ветчины.

Значит, толчея возникает там, где плохой товар, где труднее выбрать то, что тебе по душе. Каза-

Семейственность в гастрономе поощряется. Рядом с О. Л. Горшковой работает ее дочь Надя.

Горки всегда полны товаров.

лось бы, чего проще: красиво нарезать окорок, аккуратно упаковать, памятуя о том, что одни любят попостнее, а другие — пожирнее.

— Чего проще?! — всплеснула руками Ольга Леонидовна Горшкова, когда я заговорил об этом в «подсобке».— Тридцать лет работаю в торговле и все время учусь резать ветчину. Когда-то на разделку окорока я тратила тридцать минут, а теперь — десять. К тому же не остается никаких отходов, и, что очень важно, мои пакеты не залеживаются.

— Мама, помоги,— раздается девичий голос.

— Что случилось? — откликается Ольга Леонидовна.

— Крошится почему-то...

— Это ваша дочь?

— А то кто же! — улыбается Ольга Леонидовна.— Надя здесь уже шестой месяц. Не все пока получается, но старается изо всех сил. Смотри,— обернулась она к дочери,— кладешь окорок на бок... О господи, опять ножи тупые! Позови отца.

— Пап, тебя мама зовет,— вышла Надя в коридор.

— У вас что, вся семья тут работает?

— Не вся! — смеется Ольга Леонидовна.— Старшая дочь — в гастрономе ГУМа. А мы здесь: я, Надя и муж.

Продолжая обход магазина, оказываюсь в кафетерии. За стойкой хозяйничает немолодая, статная женщина с удивительно знакомой улыбкой. Где я мог ее видеть?.. Замечаю табличку: «Вас обслуживает М. А. Власова». Мария Алексеевна? Ну, конечно же, это она! Только почему не во фруктовом отделе? И халат был голубой. А берет надет все так же лихо. «Познакомился» я с ней год назад, в Манеже, на выставке «Творческие союзы Москвы — XXIV съезду КПСС». Помню, что тогда я обратил внимание на картину К. М. Максимова «Мария Алексеевна Власова — кавалер ордена Трудового Красного Знамени».

— Здравствуйте, Мария Алексеевна! — сказал я, когда подошла очередь.

— Здрасте! — ответила она.— Кофе, конечно, двойной? Бутерброды с ветчиной или колбасой?

— Угадали! А почему вы не во фруктовом отделе? И вообще голубой халат вам больше к лицу...

— Значит, вы у нас не впервые. В кафетерий-то меня перевели временно, бросили, так сказать, на прорыв...

— Нет, здесь я впервые. А вас видел в Манеже. Тогда вы были... в рамке... Я еще тогда подумал: где эта женщина научилась так лихо носить берет?

— Фронтовая привычка,—улыбнулась Мария Алексеевна.— Всю войну была в артиллерии, защищала Пулковские высоты. А до войны работала продавщицей на Васильевском острове. Как только немцы подошли к Ленинграду, пошла добровольцем на фронт. И ранена была, и контужена, и до ефрейтора дослужилась, и награды имею. Но самая дорогая — медаль «За оборону Ленинграда». После войны поселилась в Москве. Двадцать лет работала в гастрономе ГУМа, а когда открылся «Ленинград», попросилась сюда. Я ведь помню Ленинград довоенный и успела кое-чему научиться у старых ленинградских продавцов. Вот и стараюсь передать их опыт.

«ПЕНЗЕНСКИЕ МЫ...»

К 80-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ А. Г. МАЛЫШКИНА

Судьба дала ему короткую жизнь: он умер в 1938 году, сорока шести лет, в возрасте, когда накоплен литературный опыт, когда развернуты творческие силы, когда созрело искусство видеть, наблюдать, обобщать, размышлять, когда утвердилось познание весомости слова и две стороны творчества — артистическая и нравственная — удивительно и прочно соединились в единстве. Беспощадная болезнь умертвила художника, но она не могла уничтожить то, что было сделано им: истинный талант бессмертен. До сих пор люди испытывают волнение и наслаждение, читая его «Падение Даира», «Севастополь», «Люди из захолустья», рассказы «Поезд на юг», «Комнаты», «Случай с комиссаром» да и все написанное Александром Малышкиным. Со страниц его книг встают не тени прошлого, а сама жизнь, какой она виделась писателю, лично участвовавшему в ломке старого, в строительстве нового, светлого. Его произведения верны исторически и вместе с тем романтически приподняты. Они рассказывают не только о фактах и событиях, но и доносят вкусы, запахи, цвета времени.

Александр Малышкин предстает перед нами художником смелым, зорким, правдивым. Михаил Светлов сказал о нем в свое время: «Малышкин — это чистота советской литературы». Сказано верно и сильно!

Какими путями пришел в литературу Александр Малышкин? Откуда он сам? Мне хотелось бы привести протокольно точный рассказ критика В. Ермилова:

«Помню, на террасе Дома творчества литфонда в Ялте мы, группа литераторов, принимали иностранных гостей. Малышкин отвечал по-французски с корректной внимательностью на вопросы одной дамы; все шло по лучшим правилам этикета. Но когда дама спросила Александра Георгиевича, откуда он родом, он неожиданно перешел на родной язык и так выразительно, с такой смиренной и хитроватой миной сказал: «Пензенские мы...»,— что и русские хозяева и гости дружно расхохотались. Интонация, мимика, национальный русский юмор дошли до всех». О своем происхождении сам Малышкин писал так: «Корни рода — из безземельных крестьян, бывших дворовых помещика Нарышкина, отпущенных на волю без надела. Ростки этого рода разнообразны: одни ушли в уезд — в мальчики, приказчики, пекаря, другие брали на откуп кабаки, третьи уходили на заработок в большие города — на «каменну» (строить церкви, дома), четвертые батрачили у богатых мужиков, пятые — орудовали на базарах и ярмарках с крапленой колодой и рулеткой. В такой обстановке прошло детство». Приказчик книжной лавки Егор Малышкин, отец писателя, сумел отдать сына в Пензенскую гимназию. А потом сын поступил в Петербургский университет на словесное отделение историко-филологического факультета, с восторгом, упоенно изучал «Слово о полку Игореве». Во время первой мировой войны был мобилизован, стал морским офицером, а после революции — командиром Красной Армии. Теперь можно понять, откуда взялась французская речь, сочетаемая с нарочитой простоватостью истинно российской фразы: «Пензенские мы...»

Когда вы читаете «Падение Даира», первое крупное произведение Малышкина, вы, наслаждаясь необычной, красочной ритмикой малышкинской прозы, невольно вспоминаете певца Древней Руси. Вслушайтесь в описание парада красных полков, готовящихся к неслыханному штурму Даира:

«Железные птицы гудели в зените. Закат из-за далеких рубежей дрожал в облаках и на крыльях птиц червонной дрожью. Как ветры, бесконечные, безликие провлекались ряды, в безвестье, в забвенные волны. И вдруг прекрасным стал вечер; или чудесным переход фанфар: будто уже нет тех, кому надо завтра умереть, будто прошли века, прошумели все бури, и стерлись все письмена, и в успокоительных прекрасных временах поют чудесные песни о них, полузабытых тенях...»

Александр Малышкин — участник штурма Перекопа и освобождения Крыма. Перед ним, начинающим писателем, открылись широкие горизонты для познания, изучения и наблюдения. Малышкин всегда оставался верен исторической правде, но свое повествование он окружал лирической дымкой взволнованной романтики.

В свое время некоторые критики упрекали А. Малышкина в излишней автобиографичности. Упрек этот напрасен. Каждый писатель привносит в свои произведения элементы собственной биографии — разумеется, не в хроникально-протокольной форме. В биографии художника укладываются и события, и факты, и восприятия жизненных явлений, соединенных с их творческим осмысливанием, с размышлениями, с обобщениями. В герое романа Малышкина «Севастополь» Шелехове узнаешь автора, но вместе с тем видишь в нем образ той части интеллигенции, которая, временами колеблясь, отшатываясь, спотыкаясь, ошибаясь и сомневаясь, пошла с народом, влилась в революцию. В «Людях из захолустья» в некоторых героях романа, который, к несчастью, так и остался неоконченным, отчетливо проступают черты авторской биографии, ясно заявляют о себе картины захолустного мокшанско-богородского бытия, пейзажи с детства знакомой пензенской стороны. Огромен, многолик поток людей, съехавшихся с разных концов страны на великую стройку первой пятилетки, идет неслыханный переплав людских характеров, ломаются привычные понятия, вчерашние сезонники, приехавшие «зашибить целковый», в огне переплава превращаются в сознательных рабочих. Вчерашний Тишка, нищеброд, кусочник, мечтавший только о том, чтобы когда-нибудь, хоть раз в жизни, досыта поесть, мечтает водить машину и посматривает на небо, на самолеты — может, и он полетит, все ему теперь доступно. Отметается в сторону человеческий сор, паутинные гнезда такие, как у спекулянтки Аграфены Ивановны, мощно вырастает фигура большевика Подопригоры, старого рабочего, умеющего подойти к человеку, возбудить в его душе лучшие чувства, стремление к счастью, которое вот оно, здесь, рядом, только умей добраться до него. «Люди из захолустья» — роман документальный и вместе с тем романтически возвышенный. Ось романа, его идейный стержень — движение вперед, порыв к счастью. Впрочем, это в полной мере относится и к «Севастополю» и, уж конечно, к «Падению Даира».

Очень хорошо сказал о Малышкине К. Паустовский:

«Если говорить о традициях большой литературы или, вернее, о традициях больших и простых, как сама земля, мыслей и чувств, то Малышкин был одним из немногих носителей этих традиций — носителем верным и непреклонным. Все его писательство, вся его личная жизнь были порывом к счастью, к счастью своей страны, своего народа».

Ник. КРУЖКОВ

ТРУДНАЯ ЛЮБОВЬ

Петр ПРОСКУРИН

Рисунок И. БЛИОХА.

В первые дни Захар думал, что боль от случившегося уже отошла от него и теперь он сам себе полный хозяин, не будет подхватываться опрометью по каждому шороху в ночь и за полночь; на людях он был весел, с постоянной усмешкой в глазах, дома же ни с кем не разговаривал, старался поесть от семьи отдельно. Что-то темное, дикое зрело в нем, и он успокаивался только возле Мани; теперь он открыто жил с Маней, чуть не каждую ночь уходил к ней, возвращаясь домой на рассвете, не таясь больше ни от жены, ни от соседей; Ефросинья пыталась раза два затеять разговор, он бледнел от близкого гнева, глаза у него становились бешеными, и она отступалась от него; где-то в глубине души слепо, по-животному она жалела его, чувствуя, что мужик дошел до крайности. Больше всего Ефросинья страдала от его безразличия, нежелания хотя бы попытаться скрыть свой и ее срам от людей; в хозяйстве все валилось, и если бы не упорство бабки Авдотьи, давно бы распались последние основы.

Работать Захар ходил по наряду, стараясь поменьше быть на виду у людей, а если и приходилось оказаться где-то в самой гуще, он большей частью молчал, и его, словно понимая, не задевали и не трогали. К концу августа управились с хлебами; на полях гудели молотилки, шла скирдовка. Захар любил подвозить снопы или стоять на скирде, пропуская через руки непрерывный поток золотистых, утяжеленных с одного конца зерном снопов; в сухую, знойную погоду подбрасываемые снизу на длинных вилах снопы, жгучие, брызгались зерном. Захар ловил их на лету, укладывая под ноги себе ровными рядами; скирды, несмотря на сравнительную молодость, он выкладывал и вершил мастерски, крытая остью крыша получалась ровная, словно вылитая или выкованная, и Захару удивлялись даже многомудрые старики: скирды Захара стояли, словно храмы в равнинах, полные скрытой и могущественной жизни, и никакая непогодь не могла пришибить их, они могли стоять и год, и два, и три в полной сохранности от непогоды, и только мыши под этой благополучной, непроницаемой для сырости крышей вели непрерывную разрушительную работу, размножаясь неимоверно в тепле и сытости.

В редкие минуты затишья Захар любил отдыхать, с высоты оглядывая далеко синеющие горизонты; в такие минуты он, оберегая свое одиночество, даже не спускался вниз покурить; какая-то беспричинная тоска в такие минуты рождалась и жила в нем, жестокая и радостная мука сердца делала его зорче к другим и беспощаднее к себе, но он по-прежнему не мог бы ясно определить и выразить свои неясные ощущения и чувства; он не знал, что они такое и зачем, и боялся. Спасением от жизни и от себя была для него Маня; оказываясь рядом с нею, он забывал все свои невзгоды и беды, он жил, ничего больше не замечая и не думая.

И как-то в самый разгар скирдовки (работа закончилась затемно, пала первая роса) Захар, возвращаясь полем домой с острым, томительным чувством желания быть сегодня с Маней, увидеть Илюшку, притронуться к его шелковистой головенке, разогревался шаг от шагу; натруженные за долгий день работы ладони привычно отяжелели, и он чувствовал их гудящую, усталую силу. Идти было почти от самого Соловьиного лога, версты четыре. Теплая, душная, темная, хоть глаз коли, ночь еще не остыла от летнего зноя; порывы августовского ветра наносили запахи то ли уже усыхающего жнивья, то ли новой зелени, успевшей прорасти из осыпавшегося на землю во время жатвы зерна. Захар шел один, тяжело шурша жнивьем, и раза два в темноте из-под ног у него с резким чуфырканьем срывались перепела, Захар вздрагивал, придерживая шаг, и пытался рассмотреть уносящихся во тьме птиц; скорая ходьба не остудила его, и приближение села лишь усиливало желание видеть Маню; он заметил ее сегодня утром в толпе баб, по-девичьи повязанную яркой, цветастой косынкой, и сразу же отвел глаза к переполненной мужиками телеге, нехотя покашлял. Он думал о ней весь день, и непривычная, расслабляющая жалость за ее изломанную жизнь мешала ему; не однажды в последнее время он предлагал ей бросить все, уехать, ее молчаливое сопротивление вызывало в нем досаду и недоумение; она говорила о детях: мол, на чужом горе счастье еще никто не сыскал; под бабьей покорностью и податливостью, словно кость, проступило упорство, и он впервые отметил ее твердость, злясь, садился на край кровати курить; одним прикосновением она опять поворачивала его к себе.

— Ни один черт не хочет меня понять,— сказал он ей, чувствуя, что только здесь он может обмякнуть и отдохнуть.— Душу скрутило в три погибели, каждый рожу показывает. А самой тебе какой прок? Мало ревела по углам? Там люди чужие, до нас им дела не будет, жизнь сызнова начнется.

— От живых-то детей, Захар...— слабо шевельнулась она рядом.

— Помогать буду, что я им здесь? Чужой как есть, нельзя мне больше так, Маня, совсем нечеловеком стану.

— Нескладный ты мой,— пожалела она и подумала вслух, выдавая свои сокровенные, смятенные мысли:— Хорошему человеку всегда так, одни обсевки достаются. Терпеть надо... Судьба от бога.

— Бабье твое рассуждение, Маня.— Он задавил вздох, хотелось опять курить.— Судьба, может, и от бога, только черт ею крутит.

Он шел сейчас безмолвным, ночным полем, с его скрытой жизнью и бесповоротно решал именно сегодня в ночь переломить судьбу, заставить Маню согласиться с ним и через две-три недели навсегда уехать из села; он пойдет на работу, хотя бы землекопом, потом и Маня устроится, Илюшка подрастет незаметно, пойдет в школу, пусть хоть этот человеком станет.

Захар еще больше разволновался и не заметил, как дошел до огородов; рыхлые неровности в межах картошки остановили его, и он, отступив назад, нащупав жнивье, устало двинулся вдоль огородов, угадывая, чью усадьбу проходит... Удар сзади по голове вырвал у него землю из-под ног, он еще успел услышать приглушенное, утробистое «а-ах!», словно кто всадил в неподатливый, суковатый пень колун; в короткое мгновение еще просветленно брезжущим в нем ясным сознанием он, кажется, уловил, кому принадлежало это хриплое, задавленное «а-ах!», и, падая в темень, к земле, нашел в себе силы рвануться назад, на новый взмах обломка решетки, выломанной из ближайшей изгороди, и тем спас себя; новый удар, предназначенный в голову, в затылок, не состоялся, решетка свистнула мимо, и Захар изо всей силы, дробя пальцы и зубы, ударил в светлевший в оскале рот и отскочил в сторону; теперь он по зверовато угнутой голове узнал старшего брата Мани — Кирьяна Поливанова; Кирьян был не один, с младшим братом Митреем, и ничего хорошего Захару ожидать не приходилось. Избы начинались недалеко, метрах в двухстах, но никакая сила не заставила бы Захара закричать и позвать на помощь; мертво стиснув зубы, перехватив у Кирьяна решетку, размахивая ею, он, отбиваясь от нападавших на него братьев, медленно пятился в глубь огородов, к садам и избам.

— А-а, шкура!— услышал он задавленный слепой ненавистью голос Кирьяна.— У нас не вывернешься, ори караул, ори, никто не выбежит. Не на председательстве тебе, живоглот!

Приладившись, Захар пнул ему решеткой в бок, Кирьян с низким воем согнулся, и Захар двинулся на Митрея; тот стоял, припав на полусогнутых ногах, выставив вперед руки со сжатыми кулаками; во всей его позе чувствовались уверенность и напряжение, готовность в любой момент прянуть вперед. Захар был оглушен неожиданным ударом по голове, и сейчас им руководила лишь горячая, тяжкая ярость, она, заставляя замирать сердце, в то же время словно давала ему видение; он теперь совершенно ясно различал во тьме своих противников и где-то в глубине поразился этому; ему нельзя было оглянуться, оторваться хоть на мгновение от происходящего, он не мог увидеть бледный полукруг луны, вылезший в небе, и заметить разительно переменившиеся поля кругом. Он шел к Митрею, уверенный, что старший брат Кирьян пока не оправится от жестокого удара в бок и нужное время покорежится; подняв кол, он сторожил каждое движение Митрея, тихо придвигаясь к нему, он сейчас ясно видел его лицо, блестевшие ему навстречу глаза. Митрей рванулся к нему и закричал, Захар успел опустить кол на выброшенную руку Митрея. Жалея бить колом вторично, теперь уже наверняка и по голове, выпустил кол и коротким движением подхватил корчившегося Митрея, выпрямив его, тычком ударил в лицо кулаком; сдавленно хрустнуло, Захар почувствовал боль в пальцах. Он забыл на мгновение о Кирьяне, но, как ему показалось, тотчас вспомнил и прянул в сторону, но

Глава из романа «Судьба». Полностью роман будет опубликован в журнале «Москва» в 1972 году.

было поздно. Вторичный удар сзади по голове чем-то тяжелым сшиб его с ног, и, падая, он уже знал, что не сможет встать, он скрючился, защищая живот и голову, и лишь глухо стонал от ударов ногами; его били в бока, в живот, били долго и беспощадно, и он глухо, почти в беспамятье стонал; он успел разобрать голос, говоривший, чтобы он бросил таскаться к Маньке, и уже больше ничего не слышал и не чувствовал.

— Стой, стой, Митрей!—тяжело ворочая разбитыми и распухшими губами, держал озверевшего брата Кирьян.— Стой, сволочь, засудят в Сибирь.

Отталкивая брата, пытавшегося еще раз дотянуться до бесчувственно распластавшегося по земле Захара, Кирьян матерился, затем одним коротким ударом сбоку свалил его на землю. Тот сразу же подхватился, неловко ткнувшись перебитой рукой в землю, застонал.

— Расходись,— тотчас сдавленно выдохнул Кирьян,— чтобы твово духу в селе до света не осталось. В Бродни лупи, к Калику, там отлеживайся. А этому хватит, не до баб ему теперь будет, суке. Пошли, ну?—прикрикнул он, и они, пригнувшись, вороватыми тенями шмыгнули в разные стороны.

Захар остался лежать с изуродованным лицом, нижняя губа у него лопнула, глаза запухли, кровь шла изо рта и из ушей, но все меньше. Привлеченный запахом крови, откуда-то выскочил пес Фомы Куделина, дыбил шерсть на загривке, рыча, метрах в пяти от Захара осел на задние лапы, настороженно вытянул острую морду; пес не решался подойти ближе, и по этому можно было определить, что Захар изредка шевелился; пес, переходя с места на место, подолгу сидел, иногда ложился, словно решившись караулить Захара, затем вставал и бегал помочиться к изгороди, из которой и был выломан кол, валявшийся тут же, недалеко от Захара. Пес дождался рассвета; половина луны еще висела, незаметно бледнея над горизонтом, когда в противоположной от нее стороне начала разгораться заря; за ночь пала обильная роса, и это помогло Захару, он стал приходить в себя. Он увидел светлевшее небо в какую-то крохотную щель; не в силах что-либо вспомнить, он пытался шевельнуть головою, в нем остро вспыхивала боль, опять бросая его в беспамятство, и все-таки еще через час, когда уже и солнце вышло, он смог сесть, тяжело поворачивая вздувшейся, чугунной головой, с трудом выталкивая языком изо рта сгустки запекшейся крови. Мир кругом был для него сейчас чужд и страшен, он словно остался в этом мире совершенно один, и его пугали отсыревшие за ночь от росы поля, поднимавшееся в огне солнце, село, темневшее со стороны мокрыми крышами. Словно познабливающим сквозняком, от всего тянуло ненавистью, и когда он поворачивал заплывшие глаза к солнцу, немыслимый яркокрасный огонь жег его, и он чувствовал, как рвется кожа. Встать и идти он не мог, он знал это, звать на помощь не хотел, он сейчас боролся не только со своей немощью и унижением. Против него разгорался этот ядовитый ярко-красный огонь, не оставалось больше ни отца, ни матери, ни детей; и он должен был встать и наконец с трудом, мыча от боли, взгромоздился на нетвердые, подламывающиеся ноги. Он должен был кому-то доказать свое право идти и сказать всем, что плюет на них, они должны были увидеть сделанное, сейчас он был выше всех норм и законов, и он встал и, путаясь ногами в земле, передвинулся на шаг, неловко держа голову. Он встал, и в сердце его стало еще яснее и радостнее; только так он мог отплатить, победить себя и все остальных; с каждым шагом Захар становился увереннее, и боль словно освобождала его, падающие, изломанные очертания выравнивались и утверждались на своих местах, не плясали больше в глазах; он одолел огороды, вышел на околицу и, осилив ее, еще больше укрепившись, пошел главной улицей Густищ, вбок светящему через крыши и утренние дымы солнцу; и в груди у него стонало и рвалось от победы. Ему казалось, что идет он свободно и легко, но со стороны он еле двигал ногами, волоча их по дороге, загребая пыль, и первая встретившаяся ему баба с полными ведрами на коромысле глухо охнула и попятилась с дороги на обочину; ее страх лишь подбавил ему радости; он шел, распространяя по пути, по всему селу тяжелые, притягивающие к нему волны, и скоро возле палисадников появились люди, негромко и испуганно переговариваясь, тянули вслед ему головы, а некоторые и перебегали вслед, но никто не решался подойти ближе или окликнуть; старухи шептались и крестились, мужики, встречаясь глазами, отворачивались друг от друга, бабы тянули фартуки к глазам, и только деревенская дурочка Феклуша, вывернувшись откуда-то, двигалась следом в небольшом отдалении от него, поребячьи быстро перебирая босыми грязными ногами. Происходило то, чего никто не мог понять и осмыслить, потом почти полгода об этом велись разговоры в Густищах, от избы к избе передавались старухами подробности и предположения; баба Володьки Рыжего Варечка, вспоминая, принималась плакаться о потрескавшихся в это время от недосмотра в печи двух новых чугунах, всякий раз добавляя о недоброй примете, не уставая при этом вздыхать о бесстыдстве. Скромно поджимая губы, она добавляла, что и другие грешат, да срам свой не выставляют напоказ всему свету, а уж тут и язык немеет.

По улице шел Захар Дерюгин, изуродованный, непохожий сам на себя, но все знали, что это именно он, Захар Дерюгин, нечто огромное и темное наполняло его и, каждый чувствовал, делало сейчас хорошо знакомого Захара Дерюгина непонятным, пугающим. Ему было плохо, все это знали, необъяснимая, особая сила его движения удерживала в отдалении; к нему сейчас никто не отважился подойти, остановить, чем-нибудь помочь. И еще одно поражало и словно приковало всех к месту: необычность. В селе, случалось, били безжалостным, звериным боем за девок, по иной вражде, но никто вот так не решился бы пойти посреди белого дня по улице изуродованный, с распухшим, перекошенным лицом. Битый, значит, опозоренный, неправый — старая деревенская истина отчасти говорила сейчас в глазевших на Захара людях, но то, что он шел по улице, ни на кого не обращая внимания, путало карты; происходившее сейчас напоминало похороны, хотя посередине улицы шел живой человек, шел, отделив себя от остальных невидимой, в то же время непреодолимой преградой.

Первым опомнился крестный Захара Игнат Кузьмич, двинулся было навстречу, стал что-то говорить; Захар прошел мимо тем же неверным, медленным шагом, не обращая внимания; Игнат Кузьмич растерянно остался стоять, выражая всей своей фигурой горестное недоумение. И вот в момент наивысшего любопытства, достигший у некоторых степеней потрясения и столбняка, навстречу Захару показалась Маня. Вначале она шла к нему как завороженная, замедленными, скованными движениями, затем со сбившимся на плечи платком, концы которого болтались у нее за спиной, бросилась к нему и, схватив за плечи, дрожа от страха, забыв обо всем на свете, прижалась к нему головой и тут же, отстранившись, во всей силе своей больной, неизбывной тоски, ничего не помня и ни о чем не думая, кроме него, и каким-то просветлением любви определив неотложный момент, чтобы остановить и привести его в себя, замерла перед ним, готовая скорее погибнуть, чем отступиться. Он не видел ее, просто перед ним встало чье-то лицо, залитое слезами; он лишь сразу почувствовал перегородившую ему дорогу силу, и она была не меньше распиравшей его изнутри; он удивился такому обстоятельству; он почувствовал близкий запах чего-то знакомого, волнующего и, словно выныривая из густого тумана, стал различать, кроме дороги, перед собой еще и людей у плетней и палисадников; его внимание сосредоточилось на Мане, на ее лице, в котором светились трепетной жизнью огромные, сейчас полные любви, боли и страха яркие синие глаза; и он словно опал, вернулся из какой-то неизвестности и снова стал обыкновенным Захаром Дерюгиным; он почувствовал боль и разлад во всем теле; Маня осторожно обняла его, все с тем же синим огнем в глазах медленно опустилась перед ним на колени и стала целовать распухшие, изуродованные руки, густо запекшуюся на пальцах кровь.

— Захар, родной,— выталкивала она из себя сквозь душившие ее слезы.— Кто же это, звери... господи!

— Братья твои, Маня,— неразборчиво вздохнул он откуда-то сверху (разбитые, распухшие губы не шевелились); никто бы не мог услышать, тем более понять его, но Маня поняла; мгновенная бледность залила ей лицо, и она лишь чаще и сильнее, причиняя ему боль, стала целовать ему руки, стоя по-прежнему на коленях, и все село с оцепенелым любопытством и обмиранием глядело на них.

— Дождались, волки,— шептала Маня, ни на мгновение не засомневавшись, что Захар перенесет свою обиду и на нее.— Выждали времечко, проклятые... Родной, родной... Ну, ужо отольется им!

— Люди кругом.— Захар пытался поднять ее с земли, но сил у него не было, и пальцы лишь скользили по ее плечам.— Поднимайся, Маня, поднимайся,— сказал он со злом.— Все село собралось... Стыдоба!

— Ты мне хоть какой искалеченный люб, Захар.— Он увидел в ее глазах тихую решимость и смертельную любовь к нему и иным, высшим, чем до сих пор, чувством понял ее: вынесенное им из-за Мани ничто по сравнению с ее мукой и счастьем, это прояснило его.

— Что теперь моей бесстыдной головушке?— горячо говорила между тем Маня.— Весь мир, смотри: ты моя мука, а коли бросишь, забудешь, ни слова не скажу. Только знай, Захар: разлюбишь — тут же и смерть моя, ходить буду и смеяться, а внутри труха одна да черви.

— Встань, Маня,— попросил он тихо, и она, подчиняясь этой тишине в его голосе, поднялась с колен и встала с ним рядом, и в тот же миг оба они увидели, что к ним наискосок через улицу бегут две тонкие фигуры. Маня тотчас признала старших детей Захара, Ивана и Аленку; они набежали на Захара с Маней, и Маня от неожиданности отшатнулась назад. Не увидев, скорее почувствовав в толпе застывшее лицо Ефросиньи, Маня молча, не говоря ни слова, с бледным, решительным лицом и все с теми же отблесками только что пережитого безумного счастья самоотречения (она не могла знать или думать об этом, просто испытывала какое-то чувство обессиливающей радости за свой поступок, и ей хотелось плакать), отодвинулась от Захара и ушла, люди молча расступились перед ней, и Ефросинья, провожая ее глазами и видя только ее, поняла Маню и поняла, что проиграла окончательно. Ей хотелось кинуться к Мане и вцепиться ей в волосы, хоть один раз выместить на ней все обиды, пусть бы набежали люди, стали их растаскивать; ей хотелось биться в чужих, сильных руках и так же, как Маня несколько минут назад, всенародно, на все село каяться и признаваться в своей проклятой, слепой бабьей любви к Захару, что-то кричать и кому-то грозить, но рядом были дети. И Захар косо, вторым зрением видел лицо Аленки, своей дочери, лицо, на котором в полудетской гримасе смешались страх, стыд, отвращение и жадное любопытство; и это оказалось лишней каплей, хлынуло через края; он облегченно вздохнул и рухнул в темень, податливо и готовно расступившуюся перед ним.

Маня, разбитая и оглушенная случившимся, никуда не выходила и весь день пролежала на своей половине лицом вниз в полубеспамятстве. Заглядывала Лукерья, бестолково ходила из угла в угол; робко просовывал в дверь голову Илюша; у нее недоставало сил поглядеть на него и успокоить; она немо и обреченно плакала и сама не замечала, как все больше обретает единственно возможное и правильное решение, а когда ясно осознала и осмыслила это решение, подумала, что ей больше нечем будет жить и теперь она мертвец, без тепла и радости в сердце.

К вечеру, не выдержав, Лукерья, повертевшись и повздыхав у большого, красиво окованного медным узорочьем сундука с Маниным приданым, так и лежавшим без толку, остановилась над дочкой, заплакала.

— Господи, непутевая!— простонала она в отчаянии.— За какие грехи свалилась ты на мою головушку? Стыдобушка, на люди не выйдешь... к чужому мужику выскочила всему селу на дивованье... Счас же подымайся!— потребовала Лукерья, меняя и голос и выра-

жение лица.— Пожри встань, в гроб себя вколотить хочешь? Ребенка на кого оставишь, кому он, круглая сирота, нужон? Дед с бабкой не век протянут...

Маня слушала мать, не находя силы шелохнуться; долго сдерживаемая, потаенная сила прорвалась в ней сегодня помимо ее воли и желания; при виде бредущего одиноко по селу Захара, отъединенного от всего мира какой-то особой силой, она забыла все на свете: стыд, суд людей. Любимый, единственно родной человек уходил — не останови, и он уже не вернется; она бросилась ему навстречу, спасая единственное свое счастье в жизни. Она не думала ни о чем, она спасала его и одним отчаянным порывом разрубила все установившиеся на селе законы и обычаи; теперь она не знала, что делать. Мать говорила о людях — Маня больше не боялась их; она могла встать и пойти по селу с тем же вызовом, как утром шел Захар, но она уже это сделала, а теперь ей нужно было побыть одной, и она лишь стискивала зубы и молчала в ответ на увещевания матери встать и поесть.

Вечером, в сумерках, к отцу пришел Кирьян, воровски проскользнул в избу. Лукерья как раз собирала на стол, дед Макар возился с Илюшей, а сам хозяин, ожидая ужина, сидел под окнами в непривычном для него сумрачном бездействии. Увидев старшего сына, Лукерья засуетилась еще больше.

— Садись, садись, Кирьян,— сказала она сыну.— Вечерять будем, а то ты и дорогу в батькин дом забыл.

— Работа, продохнуть неколи,— сказал Кирьян, здороваясь с отцом, затем с дедом Макаром и Илюшкой и осторожно, словно опасаясь повредить лавку, присаживаясь вбок от стола.— Вишь, вон какое диво вышло, кто-то, видать, по старой злобе бывшего председателя причастил.

Встретив зоркий, почти враждебный взгляд отца, Кирьян перекинул глаза на деда Макара, тот собирался что-то сказать, Поливанов перебил его.

— Где Митрей?— тяжело спросил он, ощупывая взглядом плотную, заматеревшую фигуру сына, и тот под отцовским взглядом постарался усесться посвободнее, развернул плечи.

— Не знаю,— сказал с деланным простодушием.— Митрей сказывал вчерась, у бригадира отпросился в Бродни сходить, к Калику. Дела у него какие-то объявились...

— Значит, дела,— в легкой раздумчивости, как бы сам с собой проговорил Поливанов.— Хорошо, коли дела. Калик — мужик с головой, присоветует по-хозяйски.

Лукерья стала опасливо ставить миски с жирными, перетомившимися щами на стол, и в это время, испугав деда Макара с Илюшей и Лукерью, Поливанов увесисто грохнул по тяжелому столу кулаком; из мисок заплескалось.

— Дурьи головы! — заорал Поливанов, тряся перед собой отшибленной рукой.— Сколько раз вам говорено: не трогать Захара! Кровь наша с ейной смешалась, теперь не расцепишь! — Поливанов сверкнул глазами на Илюшу; тот, спрятавшись за деда Макара, зажмурился от громового голоса, а Поливанов, вскочив, едва не опрокинул стол, закрутился по избе, затем выхватил из ступы в углу толкач и хрястнул им по деревянной бадье с водой у порога; та распалась враз, разлетелась на клепки, и по полу широкой лужей потекла вода.

— Ахти мне! — жалобно охнула Лукерья, волчком кружась вокруг мужа и не решаясь подсунуться ближе.— Батюшко, батюшко! — крестила она его издали.— С нами крестная сила! Батюшко! Хату развалишь, батюшко!

— Да ты что, батя! — подал наконец голос и Кирьян.— Нехристи мы или как? Неужто на нас подумал?

— Цыц, дурак! — проревел Поливанов, тыча дубовым вековым толкачом в трещавшие под ударами доски потолка.— Своего ума не нажил, у других бы пришел подзанять! Сестру опозорил на весь свет, отца!

Дед Макар, бесстрашно семеня через всю хату, приблизился к нему, взял толкач, и Поливанов непонимающе уставился сверху вниз в сухое лицо старика, словно впервые увидел его.

— Ты, Акимка, не того! — строго сказал дед Макар.— Не сигай козлом. А ну, пусти, нехристь!— Дернул он толкач к себе, и Поливанов неожиданно легко выпустил из рук увесистое оружие. Дед Макар пошел и поставил толкач назад, в ступу. Поливанов медленно повернулся, увидел в дверях Маню, вернее, он различил в первый момент белое пятно ее лица с неподвижными глазами и, чувствуя начало самого неприятного и тяжелого, решил немедля притушить готовый вспыхнуть взрыв, повернулся к Лукерье.

— Чего взъерошилась, ворона? Век прожила, а все у тебя бьется да валится. Подбирай свои черепки, давай вечерять, ночь на дворе!

— Господи, да я что ж,— изумленно охнула Лукерья, бросаясь наводить порядок в избе.— Садись, батюшко, счас, счас,— говорила она, подбирая тряпкой воду с пола.— С кем не бывает, грохнулось и расплылось... руки уж не держут, заморилась на работе... новую купим в городе, эта давно течь начала... Я все сказать хотела...

Медленно, не обращая внимания на мать, мимо отца и деда Макара Маня прошла к столу. Кирьян, сжимаясь под ее взглядом, словно становился меньше, а под конец, когда Маня была у самого стола, он с трудом удержал себя на месте, и в его глазах зажглась ответная ненависть.

— Выбрали, значит, свой час, братики,— сказала Маня, трудно и медленно шевеля губами.— За что ж вы его, душегубцы, он же вам теперь по крови родня, бог так судил, не вам пересуживать...

— Скажи скорее — черт! — заорал Кирьян, не выдержав ее тихой, бесконечной боли, и, вскочив на ноги, застонал от застарелой, густой, как деготь, злобы.— Молчать бы тебе, срам свой от людей подальше хоронить, а ты, как божья матерь, выставилась. Глядите! Вон какая у Поливановых! Не отстанет твой кобелина, до конца забьем, вот те крест свят!— Кирьян неумело и слепо обмахнул себе широкую, мосластую грудь крестом, пытаясь в то же время подчинить себе соответственно моменту передергивающееся лицо.

— Что ж он тебе, Кирьян, в горле поперек стал? — спросила Маня, из последних сил сдерживая разрывающую ее изнутри беду; она еще помнила, что где-то здесь, рядом, мог быть Илюша и мог слышать и видеть все происходящее, но тупая, темная злоба, вставшая перед нею в лице брата, вскоре стерла и эту последнюю грань.

— Забьешь, Кирька? Помнишь, как ты меня спьяну на паску лапал, еле отбилась? Может, ты за это забьешь, Кирька? Али в шутку было? Погляди матери с отцом в глаза, а на меня нечего белки пучить!— говорила, почти кричала она вздрагивающим от избытка стремительной силы голосом.— Знай, антихрист косоротый (она увидела, как брат побелел от детского прозвища «антихрист косоротый», и мстительная радость совсем захлестнула ее), тут и моему родству с тобой да с Митреем конец. Сама на плаху пойду и вам головы порублю. Я вам говорила: не троньте меня с Захаром! Давно подбирались. Дождались разбойного часа, прозвонил! А какой ты мне брат? Какой? — бросила она в глаза Кирьяну наболевшие давно и теперь словно само собой рождавшиеся слова.— Не брат ты мне, раз судьбу мою до конца изувечить решил. Так вот знай, плетью обуха не перешибешь, а судьбу руками не разведешь! Ладно, Кирьян! Ты на кровь пошел, и я ни на что не погляжу! — Маня стремительно отступила от онемевшего Кирьяна, легко поклонилась ему в пояс и бросилась к дверям. Здесь ее, растопырившись и расставив руки, с решительным и грозным лицом встретила Лукерья.

— Пусти, маменька! — прошипела Маня, намереваясь хоть силой прорваться в дверь.

Лукерья стояла, не шевелясь, охваченная тем редким приступом гнева, когда и сам глава семьи смирялся и благоразумно отходил от нее поскорее в сторону. Но именно в этот момент со стороны было особенно ясно видно, насколько схожи мать с дочерью, схожи той обычной, неприметной силой характера. Лукерья стояла медведицей у потревоженного гнезда, заслонив собой двери, она не знала, что будет дальше делать, но чувство беды, грозившей в один момент разметать и уничтожить ее привычный и налаженный мир, привело ее в редкостное состояние решимости, она была готова хотя бы и своим телом загасить вспыхнувший пожар.

— Куда это ты сбираешься, доченька, стерва бусурманская? — спросила она у тяжело дышавшей Мани, протягивая к ней руки и этим неловким жестом как бы приглашая к примирению. Маня не приняла ни ее руки, ни голоса.

— В город! В милицию! — кричала она.— Я вас на весь свет ославлю, а этих бандюг,— она метнулась лицом на Кирьяна,— за решетку. Нету такого закону — человека убивать по злобе! Пусть власть разберется! Пусти меня, старая, ты свое отлюбила, мне поперек дороги не становись!

В избе, казалось, была одна Маня, звучал один ее голос. Дед Макар ничего не мог понять, сам Поливанов в неподдельном изумлении, словно видел впервые, глядел на жену с дочерью, и так как вмешаться в их поединок не было возможности, он молчал, чувствуя тягостное, ненужное присутствие старшего сына. Он уважал Захара, втайне по-родственному привык к нему через внука, и случившееся никак не вязалось в его представлении с пользой. Раз сам черт связал, богу не рассудить; именно эта, в некоторой степени житейски мудрая мысль удерживала его в отношении дочери в спасительном равновесии, и самовольное вмешательство сыновей, Кирьяна и Митрея, было никак не на пользу и хозяйству, и дому, и фамилии. По новым временам он ничего не мог сделать сыну, разве попытаться побить его; тверезый, Кирьян бы стерпел от отца, а так тоже бугай, враз его не прошибешь.

Пока эти и множество других мыслей мелькали и путались в возбужденном, разгоряченном мозгу Поливанова, Маня попыталась прорваться мимо матери. Лукерья, обхватив ее короткими сильными руками за плечи, не подалась, и Поливанов совсем не к месту увидел кипящий тарарам в избе совершенно иными, чем до сих пор, глазами. «Эк их разбирают черти»,— думал он, оглядывая перекошенные, злые лица близких. По своему полувековому опыту он знал, что все людские дела и страсти — тлен, все проходит — ненасытность в бабе, богатство, красота, сила. Вроде бы без всякой на то причины ему захотелось захлопать себе по ляжкам,— не может быть, чтобы все его домашние посходили с ума, и даже дед Макар начал проявлять признаки возбуждения и время от времени звал сноху, выкрикивая резко и неприятно одно и то же: «Лукерья! Лукерья! Подь сюда, оглашенная!» Но Лукерья не обращала на него внимания: напуганная дочерью, она не слышала голоса свекра. Глаза у Мани лихорадочно горели, голос рвался. Она пошла было напролом, но не нашла в себе решимости сильно оттолкнуть мать.

— Руки на себя наложу, проклятые! — почти бессознательно выкрикивала она.— Все одно перед людьми ославлю! Мне теперь одна дорога — в петлю! А вы живите! Живите!

— Аким! — закричала в испуге Лукерья, напрасно пытаясь удержать сползавшую по стене на пол дочь.— Не стой гнилым пнем, беги за фельшаром. Ахти мне! Маня, доченька! Доченька!— кричала она, в то же время с трудом удерживая безжизненно обвисавшую в ее руках Маню.

— Давай сбегаю! — вызвался Кирьян, до сих пор державшийся незаметно и теперь запоздало и смутно пожалевший о случившемся. Выступая вперед и обращая на себя внимание, он больше всего хотел сейчас как-нибудь скрыться.

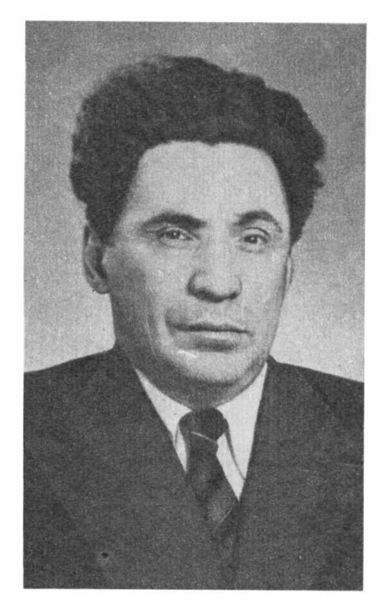
Увидев его перед собой и словно вспомнив о нем, Поливанов опять пришел в неистовство, затопал, и со стороны казалось, что он нечаянно ступил на горячее железо босыми подошвами.

— Вон!— орал он в сладком упоении, растягивая и срывая голос так, что конца слов нельзя было разобрать.— Во-он, бандитская рожа! Ноги твоей чтобы не было тут! Духу твово не хочу слышать!..

...Маня очнулась от черной, глубокой тишины, знакомый, волнующий голосок звенел над ней, и она всей душой потянулась, обеспокоенная и еще слепая, на этот голос. С трудом приоткрыв глаза, различила над собой мокрые, испуганные глаза Илюши, увидела его прыгающие в плаче губы.

— Мамочка! Мамочка! Подымайся! — просил Илюша, отталкивая от себя руки Лукерьи, пытавшейся оттащить его от матери, и по-детски беспомощно размазывая слезы по лицу.

Тугой, огненный жгут перекрутил сердце Мани, оно словно остановилось от ослепительно счастливой боли за эту рвущуюся к ней и зависимую только от нее во всем жизнь, доставшуюся в такой муке. Ее охватило чувство стыда, и она подняла слабую еще, словно ватную, руку, стараясь пригладить спутавшиеся волосы, по-прежнему не в силах оторваться от испуганных, вопрошающих глаз сына. Эти косоватые, диковатой красоты глаза (иногда она даже вздрагивала, встречая их, сам Захар в пугающей ощутимости проглядывал из глаз сына) не только прощали, но и оправдывали, и Маня, легко, свободно вздохнув, приподнялась, взяла податливую голову сына и прижала ее к груди. Было тепло, радостное потрясение не оставляло ее, и жить было можно, хотя в ней зрела и крепла одна неумолимая мысль, единственно правильная и холодящая сердце жестокостью.

БОЛЬШАЯ РЕКА ТВОРЧЕСТВА

Алексею Кузьмичу Югову исполнилось семьдесят лет. В кратком слове едва ли возможно охарактеризовать всю щедрую многогранность таланта Алексея Югова — эпического склада романиста и великолепного по своеобразию переводчика, скрупулезно документального очерка и оригинального литературоведа — тонкого знатока родной русской речи.

Казалось бы, человек всего себя посвятил литературе. Но ведь начал свою трудовую стезю Алексей Кузьмич отнюдь не с нее. По изначальному образованию он медик, по первому профессиональному опыту — участковый врач. И тут невольно напрашивается одна аналогия, довольно, впрочем, метафорическая. А. П. Чехов тоже в какую-то пору не мог поделить себя между профессиональным врачеванием и капризной возлюбленной — литературой.

Однако в данном случае суть аналогии не в какой-то внешней похожести писательских судеб. Главное в другом: видимо, изучая человека ради врачевания его недугов, одаренный специалист может, кроме всего прочего, обнаружить в нем — человеке — неисчерпаемый запас жизнестойкости и нераскрытые кладовые даров и возможностей. Всю жизнь искал Чехов эти дары и подспудные возможности в человеке. А не постарался ли раскрыть их в себе и в других людях — героях своих книг — Алексей Югов?

Таким человеком неиссякаемой даровитости и неисчерпаемых возможностей выглядит один из его первых литературных героев, знаменитый русский ученый Иван Петрович Павлов, о жизненном пути и научном труде которого Алексей Югов вдохновенно рассказал более тридцати лет тому назад.

После этого прошел сравнительно небольшой срок, и талант писателя сверкнул совсем иной гранью: появился завидного своеобразия юговский перевод уникального памятника древнерусской литературы — «Слова о полку Игореве». Много раз и до и после этого делались различные по стилю и приближенности к оригиналу переложения «Слова» на русский язык. Но перевод Алексея Югова, снабженный глубокими комментариями, занимал и будет занимать в их ряду одно из видных мест, ибо в нем есть элемент юговского самооткрытия, элемент находки.

Признаюсь, не раз и не у меня одного возникал удивленный вопрос: вся ли уже раскрылась или еще какой-то новой стороной обернется незаурядная одаренность Алексея Югова? Но вот он на пять долгих лет становится постоянным спецкором «Известий», привязывает себя к одному месту — строительству ГЭС. И в результате новое юговское открытие ложится перед нами, большая писательская пятилетка завершается романом «На большой реке».

Каждый из многочисленных почитателей этого щедрого таланта с уверенностью предугадывает его новые писательские откровения и открытия и внутренне обращается к нему:

«Так что там еще видится впереди, дорогой Алексей Кузьмич, с седой вершины вашего мудрого семидесятилетия?»

Олег ЗВЕРЕВ

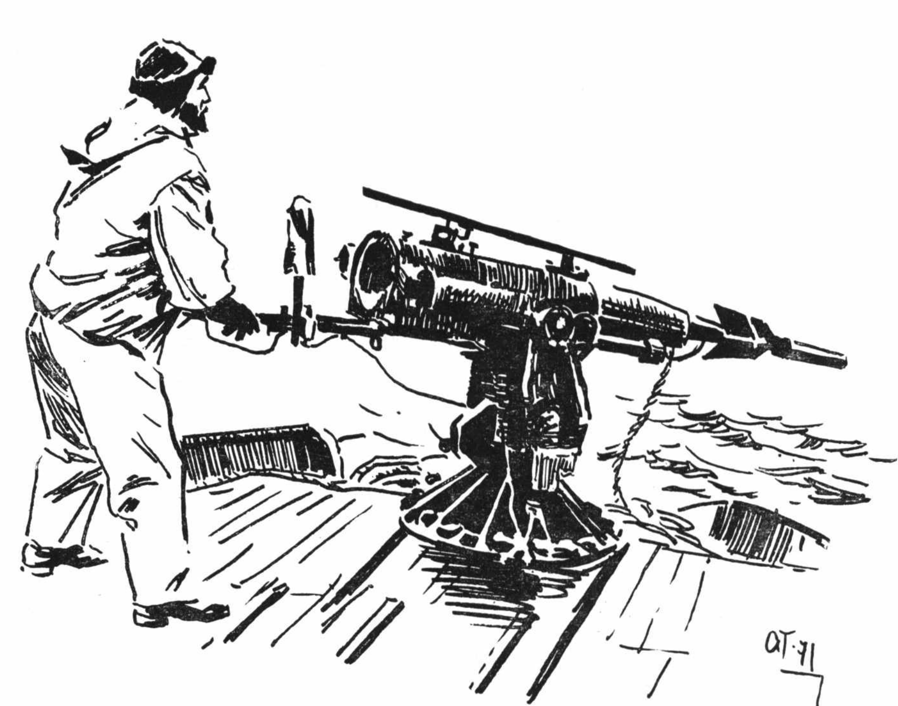
А. Осипов (Якутск). ТРУЖЕНИК. Левая часть триптиха «В КРАЮ ПРЕДКОВ».

Выставка произведений художников Урала, Сибири и Дальнего Востока.

К. Максимов (Казань). ЛЕС НОВОСТРОЙКАМ.

Выставка произведений художников автономных республик РСФСР.

А. Горпенко. КИТОБОЕЦ — ФЛАГМАН «СТЕРЕГУЩИЙ».

НАВОДЧИК-ГАРПУНЕР.

НАБЛЮДАТЕЛИ-РАЗВЕДЧИКИ.

СРЕДИ АЙСБЕРГОВ

Геннадий ГОНЧАРЕНКО

В двенадцатый раз китобойная флотилия «Юрий Долгорукий» пошла в Антарктику. Моряки охотятся на китов в трех океанах, где среди плавающих айсбергов и самый большой корабль выглядит ореховой скорлупкой, где солнце раскрашивает волны лучше любого художника.

В трудном, длительном плавании всех китобоев — от рядового матроса до самого главного на флотилии капитан-директора — роднит и объединяет большая ответственность, стремление не только выполнить, но и перевыполнить задание, принятое в социалистическом соревновании.

Задача не из легких. Китобоев в океане подстерегают штормы и ураганы. В бушующем океане порой может отказать и самая совершенная техника. Дальнее промысловое плавание требует мужества, силы воли, выносливости, самоотверженности и товарищеской взаимопомощи, поистине солдатской крепости духа. Да и сам труд китобоев, условия, в которых они работают, чем-то напоминают фронтовые, с той лишь разницей, что здесь не ведут огня. Но морская стихия, как и огонь на войне, нередко грозит смертью, тяжелыми травмами.

Китовый промысел имеет большую историю — свыше тысячелетия. Что же касается России, то здесь он был организован еще Петром I. В Советском Союзе китобойный промысел начался в 1933 году. В декабре 1946 года в Вашингтоне состоялась конференция с участием 20 государств (в том числе и СССР). Было подписано новое соглашение по китобойному промыслу, которое сохраняет свою юридическую силу до наших дней.

Каждая китобойная флотилия располагает плавучей базой-заводом по переработке китовой продукции на воде. Китобаза — это большой современный корабль водоизмещением в несколько десятков тысяч тонн.

Завод расположен под верхней палубой. В носовой части корабля — огромные резервуары-танки для хранения жира, кормовой муки, витаминов и склады для замороженной продукции.

Добычу китов ведут специальные суда-охотники. Они очень подвижны, маневренны и развивают скорость до 40 узлов в час. Каждое такое судно вооружено гарпунной пушкой, установленной в носовой части, и специальным амортизационным устройством, которое смягчает колоссальной силы рывки раненого кита. Туша загарпуненного животного накачивается сжатым воздухом и находится на плаву до транспортировки на китобазу. Эту работу выполняет корабль-буксировщик.

Обычно на промысел отправляются до 15 кораблей-охотников. На поиски китов высылают специальные суда-разведчики, а если позволяет погода, то разведку ведут и с вертолета.

Нынче техника и тактика добычи китов во многом усложнились. И не потому, что, как шутят китобои, киты «заметно поумнели». Главная причина в другом — китовое поголовье поубавилось.

...И вот мы на палубе знаменитой китобойной флотилии «Юрий Долгорукий». Первое знакомство с людьми, которые готовятся к очередному дальнему рейсу. Почти все они калининградцы (и это понятно: место приписки базы — Калининград). И более половины среди них — коммунисты и комсомольцы.

Главная, можно сказать, генеральная профессия на флотилии — китобоец-гарпунер. Профессия сложная. Не каждому по плечу. Как, скажем, в армии стрелок-снайпер. Но китобойный промысел—производство коллективное. Без взаимодействия профессий не обойдешься. Это в полной мере относится ко всем судам флотилии.

А. Горпенко. КАПИТАН-ДИРЕКТОР КАЛИНИНГРАДСКОЙ КИТОБОЙНОЙ ФЛОТИЛИИ «ЮРИЙ ДОЛГОРУКИЙ» В. В. НЕБОЛЮБОВ.

Я беседовал и с ветеранами и с новичками, с людьми разных квалификаций. Если проследить их «морские биографии», то в большинстве своем путевку в море они получили и прописались на долгие годы на базе после службы в Военно-Морском Флоте. Иван Михайлович Гагаринов — машинист ремонтной группы, Леонид Герасимович Ильинков — машинист морозильной установки, Николай Нилович Карасев — бригадир смены цеха разделки, Анатолий Иванович Шерстюк — машинист на турбинах... Они — ветераны флотилии, ударники коммунистического труда, люди, горячо полюбившие суровый китобойный промысел. Породнившись с океаном, они обрели новые специальности. Юрий Иванович Назаров ушел в первый рейс машинистом. Это было в 1960 году. А сейчас он главный технолог китобазы, высококвалифицированный специалист.

У капитан-директора китобазы есть капитан-дублер, несколько заместителей, старших помощников. И каждый с богатой морской биографией. Об одном из них, Леониде Владимировиче Дмитриеве, хотелось бы сказать несколько слов. Мне не раз приходилось бывать в капитанской рубке, и всегда я любовался этим человеком, пришедшим в семью китобоев из Военно-Морского Флота. Был сильный шторм, 9 баллов. Но здесь, в капитанской рубке, тихий, деловой, ровный «штиль». Капитан-директор В. В. Неболюбов не без гордости за своего подчиненного говорил о нем:

— Крепкая флотская закалка в моряке всегда видна и неопытному глазу. Проявляется она прежде всего в ответственности за свое дело. А дел у него на базе великое множество.

Неболюбов стал мне их перечислять, и признаться, не поверилось, что один человек в силах «объять необъятное». Чего бы ни коснулся на китобазе, а старшего помощника не обойдешь. «И представьте, он всюду успевает!» — заметил капитан-директор.

Нельзя не рассказать о капитан-директоре китобойной флотилии Вячеславе Викторовиче Неболюбове. Ему 55-й год, но он по-юношески строен, энергичен, полон сил. За плечами — 35 лет нелегкой морской службы. Он тоже из военных моряков. Комсомольцем по призыву ВЛКСМ в 1937 году пошел учиться в Военно-морское училище имени М. В. Фрунзе и окончил его с отличием. Затем служил на Дальнем Востоке командиром корабля. Участвовал в боевых операциях против империалистической Японии. Тяжелая болезнь на несколько лет разлучила его с морем. Но он преодолел недуг, вернулся к любимой профессии и стал третьим помощником капитан-директора на китобазе «Слава». Новое дело пришлось ему по душе. С 1965 года Вячеслав Викторович — капитан-директор китобойной флотилии «Юрий Долгорукий». Он умелый организатор. Зная цену требовательности и дисциплине, Вячеслав Викторович заботится о подчиненных, доверяет им, советуется с ними. И это повышает индивидуальную ответственность за успех рейса, за выполнение плана.

Прощаясь с нами, Вячеслав Викторович сказал:

— Если нас киты не обхитрят, выполним план.

Счастливого вам плавания, китобои, счастливого возвращения к родным берегам!

Золотой медальон

Х. Л. ЛОУРЕНС

ПОВЕСТЬ

Рисунки Е. ШУКАЕВА.

14

Рид протиснулся в машину и оказался рядом с Кортом. Тут же примостился и Хосе. Стоявший около Гидо бандит отошел от него и уселся в кабину водителя. Рид смутно различал в темноте фигуру ювелира, видел, как он нерешительно направился к «бьюику», но вдруг споткнулся и упал.

— Что там делает этот болван?— раздраженно спросил Корт у своего подручного.— Надо было сначала пропустить в машину его, а уж потом садиться самому.

— Ничего, все в порядке, сеньор, вот он,— ответил бандит, когда Гидо открыл другую дверцу и опустился на сиденье водителя.

— Что там стряслось с вами?— с ноткой подозрения в голосе спросил Корт у ювелира.

— Да он упал, сеньор,— поспешил объяснить Хосе.— Здесь на дороге сплошные ямы.

Корт что-то проворчал, но Гидо уже запустил мотор, и машина тронулась с места.

— По-моему,— снова заговорил Корт,— тебя очень расстроило предательство твоего друга Альвара, а?

Хосе промолчал.

— Мы хорошо ему заплатили, а он так любит деньги.

— Я вам не верю, сеньор,— отозвался Хосе.

— Возможно, возможно. Но ты не расстраивайся. Как только мы закончим дела с тобой и с нашим общим другом мистером Ридом, Альвар получит то, что в конце концов получают все предатели. Ты убедился, что он предатель. Он же мог предупредить тебя и спасти тебе жизнь. Разумеется, мы бы застрелили его, но зато он мог спасти тебя. Однако твой друг трус и...

— Никому не хочется умирать, сеньор.

— Верно.

— И поэтому я не обижаюсь на Гидо.

— На Гидо? Кто такой Гидо?

— Я сказал Гидо? Я ошибся, я хотел сказать — Альвар.

Рид ждал, какие последствия будет иметь оговорка Хосе; в темноте он не мог разглядеть лица Корта, но почувствовал, как тот весь напрягся.

— Гидо — имя парня, который обычно управляет этой машиной,— как можно спокойнее добавил Хосе.

Его объяснение как будто удовлетворило Корта.

— Вон оно что!— хмыкнул он.— Между прочим, мы его... убрали. Он привел нам эту машину, а сейчас валяется в придорожной канаве.

— Он был такой хороший парень!— воскликнул Хосе и перекрестился.— Нет, сеньор Корт, вас самих следовало бы убить. Вы даже не знали его!

— Он видел нас.

— Надеюсь, придет час, когда и я смогу поступить с вами так же.

— Поздно, мой друг, поздно!— засмеялся Корт.— И я и мой человек рядом с водителем вооружены. Следом за нами идет машина с двумя весьма решительными людьми, которым я к тому же хорошо заплатил. Мы бы давно уже могли отправить вас вслед за... как его?.. Гидо, но всему свое время. Так что и не пытайтесь... Я вижу, вы захватили портфель,— обратился он к Риду.— А магнитофон?

— Вот лента с записью,— ответил Рид и передал ему сверток.

— Мы все это проверим.

— А что будет с нами?

— Скоро узнаете. Я никогда не говорю больше того, что нужно знать моему собеседнику.

Свет фар шедшей за ними машины стал ярче, и Рид понял, что она догоняет их. Неожиданно «бьюик» на полном ходу свернул с шоссе на проселочную дорогу.

— Куда смотрит этот идиот?— зло крикнул Корт.

Сидевший рядом с Гидо бандит ткнул его кулаком в бок и с угрозой приказал вернуться на шоссе. Гидо повиновался, но, разворачиваясь, угодил задними колесами в придорожную канаву. Скрипнув тормозами, в нескольких метрах от «бьюика» остановилась другая машина. Из нее выскочили двое, и Корт приказал им помочь вытолкнуть «бьюик» на дорогу. По его распоряжению Гидо и карауливший каждое его движение бандит вылезли из машины.

— Не вздумайте, Рид, выкинуть какой-нибудь трюк,— предупредил Корт и показал пистолет.— Это относится и к тебе, Хосе.

— Что вы, сеньор! Ни я, ни мой друг не хотим умирать.

Внезапно послышались какой-то странный шум и сдавленные восклицания.

— Что там происходит?— крикнул Корт.

Ему никто не ответил.

— Сеньор,— тихо заговорил Хосе, наклоняясь к Корту.— По-моему, ваши сообщники уже ничем помочь вам не могут. А вот у окна стоит мой человек, и он пристрелит вас, если не отдадите пистолет.

— Не валяй дурака, Хосе,— криво улыбнулся Корт.— Ты хочешь отвлечь мое внимание и...

Он почувствовал прикосновение холодного металла к своему виску и замолчал. Чья-то рука спокойно взяла у него оружие.

— Как видите, сеньор, я вас не обманывал.

Понимая, что произошло нечто непредвиденное и непоправимое, Корт ошеломленно молчал.

— Вам, наверно, любопытно узнать, сеньор Корт,— с явной издевкой заговорил Хосе,— как все случилось. Могу рассказать. Дело в том, что нам стали известны ваши планы. Вы, кажется, заметили, как Гидо, направляясь к машине, упал. А встал уже не Гидо, а другой наш человек. Ночью люди с темным цветом лица похожи друг на друга. Ну вот. Наш человек сворачивает с шоссе на проселок, потом въезжает в канаву, потом ваши люди начинают возиться около машины, а в это время тихонько появляются мои друзья и расправляются с ними. И теперь вы в наших руках, сеньор. Сейчас мы отправимся дальше. Навестим одного моего приятеля, он живет тут поблизости в маленьком домике.

Двойник Гидо снова занял место водителя, а люди Хосе — их было человек десять — быстро вытащили машину из канавы. Водитель подождал, пока рядом с ним не уселся один из вооруженных помощников Хосе, и только после этого тронулся с места.

— А ведь тебя повесят за все это, Хосе,— прервал молчание Корт, когда машина уже бежала по дороге.

— Возможно.

Наступила пауза.

— Что ты намерен делать со мной?

— Убить.

— Ты не посмеешь!— почти выкрикнул Корт.

— Сначала мы, конечно, поговорим.

— О чем?— переходя от отчаяния к надежде, спросил Корт.

— О моем друге.

— О каком друге?

— О сеньоре Ратмане.

— Почему именно о нем?

— Потому, что вы убили его.

— Неправда!

— Святая правда.

Машина тем временем остановилась около какого-то полуразрушенного дома, все вышли и заставили Корта подняться по прогибающимся от ветхости ступеням лестницы на второй этаж, в комнату, где стояли лишь колченогий стол, четыре стула и кровать. Кто-то зажег свечку.

— Усаживайтесь поудобнее, сеньор Рид,— пригласил Хосе.

— Ты идиот, Хосе,— прошипел Корт.— Если ты только посмеешь убить меня...

— Вы хотите сказать, за вас тогда отомстят, да?— усмехнулся Хосе.— Возможно, сеньор. А возможно, и нет... Сеньор Рид, расскажите ему о ящике.

— О ящике? Ты имеешь в виду магнитофон? Что ж, пожалуй.

Рид подробно пересказал содержание записи. Казалось, Корт оставался равнодушным, однако дрожащие руки выдавали его беспокойство.

— Вы убили одного моего друга и собирались убить другого,— сказал Хосе, когда Рид замолчал.— Вы все время кого-нибудь убиваете. Я не понимаю, почему. Мой друг сеньор Рид понимает, он говорит, что вы делаете это потому, что вы новый нацист. Я слыхал про нацистов. Они хотели превратить в рабов таких, как я, потому что я не... не...

— Не ариец,— подсказал Рид.

— Вот, вот. Таким, как вы, нельзя ходить по земле.

— Но я не простой человек, и я могу хорошо заплатить тебе, очень хорошо.

— Никакими деньгами вам не откупиться за смерть моего друга. Нет, сеньор!

— Хосе!— заговорил Рид.— Нельзя же просто так убивать кого бы то ни было.

— Убивать, сеньор? Что вы! Казнить!

— Для этого есть законы и суд.

— Законы? Но по этим законам виновным окажетесь вы.— Хосе с укоризной посмотрел на Рида.— Вы меня удивляете, сеньор, но если вы настаиваете, я не стану убивать Корта. Пусть он остается в наших руках до тех пор,

Продолжение. См. «Огонек» №№ 5—12.

пока вы не окажетесь в безопасности и пока все, кто послушает голос Ратмана из ящика, не узнают правду.

— Извини, пожалуйста, Хосе,— пробормотал смущенный Рид.— Но я не могу...

— Понимаю,— передернул плечами Хосе.— У вас сердце женщины, но вы друг сеньора Ратмана, а он велел мне заботиться о вас. Вот я и забочусь. А сеньора Корта мы бросим в подвал и будем держать там по тех пор, пока его не потребует суд. Только, скажу прямо, не верю я в суд янки, как не верю и самим янки. Возьмите нас. Мы же прекрасно обходились без них. У нас были красивые города, у нас была любовь наших женщин, наши горы и джунгли. Но вот пришли янки с их долларами. Им нужны наши женщины, чтобы позабавиться. Они считают наши города своими, выживают нас с насиженных мест, губят природу, потому что им нужна наша нефть... Нет, сеньор, уж лучше вы уезжайте и забирайте с собой всех янки. Можете поверить, никто из нас не заплачет.

Рид молчал. Неожиданно Хосе открылся перед ним с какой-то новой стороны, о которой он, к стыду своему, и не подозревал. Он видел и слышал человека, глубоко возмущенного и глубоко встревоженного за судьбу своего народа, и не мог не признать, что человек этот прав. Алчные и жестокие пришельцы погубили великую цивилизацию, грабили и разоряли эти земли — сначала в поисках золота, потом в погоне за каучуком и вот теперь ради нефти. Миллионы людей погибли, защищая свои жилища от чужеземных поработителей или сопротивляясь гнету плантаторов и нефтепромышленников...

Рид вздохнул. Что проку заниматься сейчас подобными размышлениями? Надо, во-первых, подумать, как уцелеть, во-вторых, сделать все возможное, чтобы разоблачить гнусный заговор, зреющий под прикрытием имени Спарты, а в-третьих... Что в-третьих? Вернуться к нормальной жизни?

На память ему снова пришла Розелла. Как бы он хотел увидеть ее! Нормальная жизнь? Да, именно это ему и нужно. Он вернется сюда и найдет Розеллу, даже если потребуются годы. Возможно, «Консолидэйтед минералс» предоставит ему постоянную работу в Латинской Америке. Вот тогда они с Розеллой... «Но прежде надо найти ее! —остановил себя Рид.— Найти и надеяться, что она согласится стать моей женой».

Кто-то прикоснулся к его плечу. Это был Хосе.

— Извините, амиго. Я немножко погорячился, а вы мой гость...

— Что ты! Это я виноват, и тебе не за что извиняться.

— Надо как можно быстрее уезжать. Вы должны отправиться с нами, вам нельзя тут задерживаться, полиция, наверно, уже поставлена на ноги. Отсюда-то мы сумеем выбраться, а вот как вы уедете из страны — ума не приложу. Необходимо разрешение самого министра.

— Понимаю... Скажи, Хосе: Корт — гринго?

— Гринго,— удивленно подтвердил Хосе.

— Он примерно такого же роста и сложения, как я?

— Да.

— У него такие же серые глаза?

— Верно.

— А сейчас он наш пленник.

— Правильно.

— Что, если я надену его костюм и попытаюсь пройти в его номер в гостинице?

— Попытаться можно, только зачем?

— Если при нем нет паспорта, значит, он в номере. Ну, а с его паспортом... У тебя всюду друзья и приятели. Фотограф среди них есть?

— Найдется,— улыбнулся Хосе, начиная понимать, к чему клонит Рид.

— Прекрасно. Я покину страну по документам Корта, доберусь до Лондона, отправлюсь в свою фирму, и там немедленно подтвердят, что я и в самом деле Рид. Я передам властям имеющиеся у меня материалы и доказательства и пришлю тебе телеграмму, после чего ты выпустишь Корта.

Никаких документов при Корте не оказалось. По приказанию Хосе он нехотя снял с себя костюм и швырнул Риду. Рид потребовал также его наручные часы, два кольца и толстый бумажник, набитый солями.

— А теперь нам пора, амиго,— сказал Хосе, когда переодевание было закончено.— Мария, наверно, уже приготовила вкусный завтрак.

— Но сначала я должен заглянуть в гостиницу «Фон Гумбольдт», где остановился Корт...

На этот раз, как показалось Риду, «бьюик» доставил их в город очень быстро. Водитель остановил машину недалеко от гостиницы.

— Корт занимал шестнадцатый номер,— пояснил Хосе.— Дежурный администратор — старик и вряд ли помнит Корта в лицо. К тому же и видит он плохо.

— Надеюсь, я долго не задержусь,— ответил Рид, выходя из машины, и добавил:— Конечно, если ничего не произойдет.

— Буду терпеливо ждать,— проговорил Хосе, усаживаясь на заднее сиденье и сдвигая шляпу на лоб.

15

Было два часа ночи. Полусонный швейцар не обратил никакого внимания на Рида, и тот решительно подошел к дремавшему за конторкой старичку и попросил ключ от шестнадцатого номера. Администратор молча выполнил его просьбу.

Шестнадцатый номер оказался на первом этаже, третьим направо по коридору. Рид повернул ключ, вошел в комнату и, уловив какой-то подозрительный шорох, инстинктивно упал на пол. Прогремел выстрел, кто-то перешагнул через Рида и попытался проскользнуть в дверь, но Рид схватил его за ноги и свалил. Потом он рывком поднялся с пола, нащупал выключатель и зажег свет. Первое, что заметил Рид, был пистолет, выпавший из руки неизвестного. Рид быстро нагнулся и подобрал оружие. Только теперь он перевел взгляд на распростертого у его ног и, видимо, несколько оглушенного падением человека и не поверил своим глазам.

— Джилингхем?! — воскликнул он.

В свою очередь, Джилингхем с изумлением уставился на Рида.

— Рид! Но вы же...

— Одну минуту.

Рид быстро подошел к двери и услышал в коридоре возбужденные голоса. Выглянув из номера, он почти столкнулся с одним из служащих гостиницы.

— Что за шум?— с деланным беспокойством спросил у него Рид.

— Ничего особенного,— ответил служащий, обращаясь одновременно к нескольким другим жильцам, чьи испуганные лица белели в дверях соседних комнат.— Просто-напросто мимо проезжала машина с неисправным мотором, только и всего. Приносим наши извинения.

Рид вернулся в номер и закрыл дверь на задвижку. Через несколько минут в гостинице вновь наступила тишина.

— Ваш пистолет у меня,— обратился он к Джилингхему, с удовлетворением отметив про себя, что впервые за несколько последних недель перестал играть роль пешки и может диктовать свою волю.— Я, не задумываясь, пристрелю вас в случае необходимости. Садитесь.

Джилингхем покорно перебрался на ближайший стул. Рид остался стоять.

— Ну что ж, Джилингхем. Как британский дипломат, вы с таким рвением выполняли свои обязанности, что меня украли на ваших глазах, бросили в подвал и ждали только подходящего момента, чтобы, как выражаются наши американские друзья, ликвидировать.

Джилингхем провел рукой по лицу.

— Я принял вас за Корта,— угрюмо сказал он.
— Я так и понял.
— Я пришел сюда, чтобы убить Корта.
— И это не вызывает сомнений. Но вы работали по-любительски, и вам не удалось бы скрыться.
— Знаю. Но я не собирался бежать.
— То есть?
— Застрелив Корта, я хотел покончить с собой.
— Превосходно. Но почему вы хотели убить своего хозяина?
— Это длинная история.
— Рассказывайте. У меня есть время.
— Но сюда в любую минуту может явиться Корт... Отдайте пистолет и уходите, мистер Рид. Забудьте, что видели меня. Я убью Корта и...
— Вы не умеете стрелять и снова промахнетесь. Кроме того, можете не беспокоиться, Корт сюда не вернется.
— Не вернется?!
— Да.
— Откуда вам известно?
— Не ваше дело.
— Постойте, но на вас же его костюм!
— Удивляюсь, что вы не заметили этого раньше.
— Но как же...
— Довольно! Почему вы хотели убить Корта?
— Он убил человека и вынудил меня стать соучастником убийства.
— Кого именно?
— Моего повара Альберто. Он посадил его в подвал, и Альберто умер от голода и жажды.
— Почему же вы не выпустили его, когда Корт уехал от вас?
— Не мог... Боялся Корта... По правде говоря, мистер Рид, не в моем поваре тут дело... Всю свою сознательную жизнь я был рабом... пленником в собственном доме...
— Вы закончили колледж «Спарта»?
— Вы знаете это?— удивился Джилингхем.
— Да. И многое другое.
— В колледже у меня был друг, тоже студент. Однажды во время каникул я написал ему письмо — обычное товарищеское письмо. После каникул меня вызвал к себе герр Нейман — немец, ректор нашего колледжа, показал мне конверт, а из него достал письмо. Конверт был мой, а в письме, хотя и было оно написано моим почерком, говорилось о таком, что здоровому человеку и в голову не придет. Потом ректор показал мне несколько гнусных, фальшивых фотографий, где я и мой друг были засняты в...
— Можете не вдаваться в детали. Я знаю сколько угодно таких примеров.
Во время разговора Рид держал пистолет направленным на Джилингхема. Тот наконец не выдержал.
— Да уберите вы эту проклятую штуку!— воскликнул он.
— Распоряжаться здесь буду я,— оборвал его Рид.
— Разрешите напомнить,— высокомерно вздернул голову Джилингхем,— что я ответственный британский дипломат.
— Разрешите напомнить, что вы соучастник убийства. Вряд ли даже вашему министерству иностранных дел захочется иметь среди своих сотрудников человека с такой репутацией.
— Кончим этот бесполезный разговор. Если у вас есть претензии ко мне...
— ...можете вручить их соответствующим властям. Так, что ли? Старая песня, Джилингхем! Я позабочусь, чтобы подробно проинформировать эти «соответствующие власти» обо всем, что тут происходит. Можете уже сейчас подыскивать себе работу, более подходящую для ваших талантов, она пригодится вам, когда вас выпустят из тюрьмы.
— Какая наглость!— с наигранным негодованием скривился Джилингхем.— Однако мне надо уйти. Вы не возражаете?
— Уж чему-чему,— засмеялся Рид,— а тому, как делать хорошую мину при плохой игре, вас, как видно, в колледжах «Спарты» обучают... Вот что, Джилингхем. Садитесь и пишите подробное признание — о характере вашей связи с Кортом, о том, почему вы хотели убить меня и что побудило вас попытаться убрать Корта. Подробное признание за вашей, разумеется, подписью.
— Никогда!
— Как хотите. В таком случае мне придется позвонить в полицию, а вам — объяснить полицейским, как умер повар Альберто в подвале вашего особняка и почему в стене номера Корта застряла ваша пуля. Я же с удовольствием сообщу полицейским все известные мне подробности.
С минуту молчали оба. Больше всего Рид боялся, что Джилингхем попытается силой вырваться из номера. Стрелять в него у Рида не хватило бы решимости, а выпустить — значило подвергнуть себя новым опасностям: англичанин обладал здесь большим влиянием и связями.
— Не посмеете,— покачал головой Джилингхем.
— Иного ответа я и не ожидал. Вы, к сожалению, правы, не посмею. Ведь вы без труда добьетесь, что меня обвинят в каком угодно преступлении. Трудное у меня положение, ничего не скажешь.
— Наконец-то вы поняли, Рид! А теперь, если позволите, я уйду.
— Не торопитесь. Вы же слыхали, что я сказал? Я попал в весьма трудное положение и только благодаря вам.
— Вполне согласен, мистер Рид,— с удовлетворенным видом кивнул Джилингхем.
— В весьма трудное положение.
— Это я уже слышал. Что вы твердите одно и то же?
— Да, но это означает, что мне придется убить вас.— От Рида не укрылось, что в глазах Джилингхема мелькнул страх.— Знаете, Джилингхем, я еще никогда никого не убивал, но надеюсь, что справлюсь с этим отвратительным делом. Попытаюсь избавиться от вас с первого же выстрела.
— Нет, нет!— крикнул Джилингхем.
— Пишите!
— Но вам все равно не удастся скрыться!
— Не забудьте, что я сейчас Корт. Вы с ним постарались повсюду раструбить, что я погиб во время авиационной катастрофы и что спасся только Каппелман. Так вот, я разделаюсь с вами и уйду отсюда. Дежурный администратор — полуслепой старик. Весь обслуживающий персонал гостиницы спит. Когда люди проснутся от выстрела, я буду уже далеко, но предварительно покажусь старику внизу. Мой костюм-то он, во всяком случае, запомнит. Номер записан на Корта. Таким образом, я убью сразу двух зайцев: рассчитаюсь с вами и скомпрометирую Корта. В общем...— Рид внезапно повысил голос:— Садись и пиши, мерзавец!
Джилингхем, видимо, понял, что упорствовать опасно. Он подошел к письменному столу, сел и склонился над листом бумаги.
Тем временем Рид тщательно осмотрел комнату, нашел паспорт Корта и обратный билет до Лондона. Засовывая свою находку в карман, он нащупал в нем что-то металлическое. Это оказался медальон — точная копия того, что носил Каппелман. Теперь у Рида было два медальона. «Я стал, видимо, большим начальством в этой проклятой организации!»— с иронией подумал он.
Джилингхем наконец кончил писать. Рида даже несколько удивила откровенность, с которой дипломат написал свое признание.
— Подпишите,— приказал он.
Джилингхем повиновался.
— Теперь вы удовлетворены, Рид?— спросил он.— Мне бы хотелось извиниться перед вами за все неприятности, которые я вам причинил. В сущности, не такой уж я дурной человек, как вы, конечно, считаете. Так уж получилось... Не удивляйтесь, если я скажу, что искренне желаю вам успеха в ваших попытках вывести эту организацию на чистую воду. Но учтите, дело это куда сложнее, чем вы думаете.
Рид направился к двери.
— Я ухожу, а вы?
— У меня к вам большая просьба.
— Что еще за просьба?
— Верните мне пистолет.
Рид хотел было спросить «Зачем?», но раздумал, вынул из обоймы патроны и бросил пистолет на кровать.
— Не хочу, чтоб это произошло здесь, в номере,— проговорил он.
— Да, да, я подожду, пока не окажусь в посольстве, на британской территории,— ответил Джилингхем.— Там все будет проще.
Рид молча вышел в коридор и закрыл за собой дверь.

Окончание следует.

Перевел с английского Ан. Горский.

ПОД ЗНАМЕНЕМ ОТЦОВ

Михаил Шолохов в своем предисловии к новой книге Владимира Фирсова написал: «Не так-то много у нас хороших поэтов, но и среди них найдется всего лишь несколько человек, говорящих о России таким приглушенно интимным и любящим голосом, который волнует и запоминается надолго. Владимир Фирсов принадлежит к этим немногим избранным».

На первых порах у Владимира Фирсова можно было различить два потока поэтических произведений: лирические стихи о русской природе, о судьбе родной деревни и стихи и поэмы историко-публицистического характера. Художественно сильнее были лирические стихи. Во втором потоке часто проявлялась риторичность.

В последние годы оба эти потока удачно сливаются воедино, своеобразно синтезируются. В лучших произведениях поэта читатель находит и большую лирическую взволнованность и напряженный пафос гражданственности. Публицистичность и историчность мышления поэта в сочетании с непосредственным живым восприятием природы и человеческих характеров становятся главными его творческими принципами.

Владимиру Фирсову свойственно чувство Родины, возникающее в связи с тонким ощущением родной природы. Свойственно ему и чувство историзма, преемственности поколений. В стихотворении «Сыновняя верность» поэт, вспоминая о гибели на фронте отца, отдавшего жизнь за Родину, говорит о военных угрозах нашего сегодняшнего врага:

Уже с откровеньем недетским
Меня он берет на прицел
За то,
Что я русский,
Советский,
За то,
Что, как видите, цел.

За то,
Что я жизнь понимаю,
За то,
Что я предан Стране,
И знамя отца поднимаю,
И знаю,
Что́ я — на войне.

Вспоминая о временах недавних, поэт обращается и к временам отдаленным. Героические подвиги предков, отстаивавших честь и независимость Родины, их самоотверженный труд, судьбы старинного народного искусства неоднократно запечатлевались в стихах поэта (например, «8 сентября на Куликовом поле», «Глинка в дороге», «Смоленск» и другие).

Выпущенную Воениздатом книгу стихов и поэм Владимира Фирсова читатель воспринимает как однотомник избранных произведений поэта. Кроме лирических стихотворений, в сборнике напечатаны известные поэмы «Память», «Глазами столетий», «Республика бессмертия», «Восставший над громом», «На моей памяти».

Есть тут поэмы лирико-эпические и поэмы публицистически заостренные. Вместе взятые, они дают широкую историческую перспективу народной жизни, рассказывают и в лирическом плане и в исторически последовательном повествовании о судьбах народных, о судьбе Родины. Именно в этих поэмах публицистическая направленность закономерно рождается из живой связи наглядных образов.

За многие годы своей работы в поэзии Владимир Фирсов ни разу не отступал от первоначальной, правильно намеченной дороги, от своих творчески плодотворных принципов. Он боролся за поэзию реалистическую, актуальную, по-настоящему современную. Он горячо переживал и радости и боли Родины — России и в поэзии чувствовал себя борцом, патриотом, звеном в цепи поколений, в «связи времен».

Сейчас, накопив уже немалый жизненный и творческий опыт, Владимир Фирсов находится в поре расцвета своего дарования и далеко еще не воплотил все свои замыслы. Он занимает свое, особое, заметное место в ряду активных и плодотворно действующих современных советских поэтов.

В. ДРУЗИН

Владимир Фирсов. Чувство Родины. Стихи и поэмы. Предисловие М. Шолохова. Воениздат. 1971.

ШАХМАТЫ ПОД РЕДАКЦИЕЙ МЕЖДУНАРОДНОГО ГРОССМЕЙСТЕРА С. ФЛОРА

АДРЕСА ИЗВЕСТНЫ

Макс ЭЙВЕ, экс-чемпион мира, президент ФИДЕ

Первенство мира по шахматам разыгрывается уже более 100 лет, и понятно, что за это время организация матчей претерпела всевозможные изменения, касающиеся самого вызова, условий поединка и финансовых проблем.

Во времена первого чемпиона мира Стейница все обстояло крайне просто. Он сам объявил себя чемпионом мира и предоставил каждому, кто сомневался в его титуле, возможность сыграть с ним матч. Необходимые для этого денежные средства были не слишком велики, но все же претендент должен был ими располагать.

Таким образом Стейниц выиграл ряд матчей, пока в 1894 году его не одолел восходящий к вершинам шахматного Олимпа Ласкер. Вслед за матчем 1894 года Ласкер выиграл матч-реванш в 1896 году и начал новую эру, которая существенно отличалась от эры Стейница. Теперь переговоры об организации матча на первенство мира протекали уже намного труднее: чемпион мира ставил более высокие требования, как финансовые, так и относящиеся к другим условиям поединка, и это привело к тому, что такие шахматисты экстра-класса, как Пильсбери, Мароци и прежде всего Рубинштейн, не дождались своей очереди. Нельзя, однако, утверждать, что в этом повинен исключительно Ласкер. Мешало отсутствие денежных средств, а затем грянула мировая война 1914—1918 годов.

Тарраш и Маршалл принадлежали к тем немногим, кто был допущен к барьеру. Маршалл был слишком слаб, а Тарраш получил эту возможность, когда он давно уже миновал свой зенит. Зато Шлехтеру предоставился шанс в его лучшие годы. Шлехтер, хотя и принадлежал к сонму великих, все же не являлся сильнейшим из претендентов. Тем не менее ему удалось в борьбе с Ласкером достигнуть ничейного результата — 5 : 5. Условия поединка были довольно бестолковыми: игралось всего 10 партий, а ведь Шлехтер слыл королем ничьих.

Этот матч ясно показал, что столь ограниченное количество партий не может выявить истинного соотношения сил, особенно если учесть, что силы шахматистов, претендующих на титул чемпиона мира, обычно почти равны. Но в двух матчах, проведенных на тех же условиях с Яновским, Ласкер победил с большим разрывом, потому что его соперник не принадлежал к ведущим шахматистам, его просто поддерживал один французский меценат, безгранично веривший в силы Яновского.

Долголетнее господство Ласкера подошло к концу, когда после серии блестящих турнирных успехов на передний план выдвинулся молодой Капабланка. Матч состоялся на родине Капабланки — на Кубе, и Ласкер сдал матч при счете 0 : 4 и десяти ничьих. Сложилось впечатление, что главным виновником поражения Ласкера был тропический климат Кубы, и это впечатление еще более укрепилось, когда несколько лет спустя в турнире с участием всех сильнейших шахматистов Ласкер занял первое место, опередив на пол-очка Капабланку. Третьим в том турнире был Алехин.

Матч-реванш Ласкер — Капабланка не состоялся, Ласкер сам не очень добивался его: солидный стиль Капабланки был ему неудобен, а кроме того, экс-чемпиону исполнилось уже 55 лет.

Капабланка был первым чемпионом мира, предпринявшим попытку регламентировать проведение матчей за мировую корону. Во время лондонского турнира в 1922 году он вместе с Алехиным и другими составил протокол, где, между прочим, указывалось, что матч играется до шести побед, а призовой фонд должен составлять 10 тысяч долларов. Место матча вообще не оговаривалось.

В 1927 году наконец состоялся первый матч в соответствии с лондонскими условиями. Алехину удалось найти в Буэнос-Айресе заинтересованных людей, которые хотя и были уверены в превосходстве кубинца, но справедливо полагали, что шахматный мир проявит особый интерес к этой встрече. Это был тяжелый для обоих партнеров поединок с многочисленными ничьими, вызывавшими сомнения в том, удастся ли вообще кому-нибудь из них добиться шести побед. Все же после 34-й партии борьба закончилась. Алехин победил, выиграв 6 : 3 при двадцати пяти ничьих.

Провести матч-реванш оказалось делом очень сложным. Хотя условия были известны и оба шахматиста неоднократно заявляли о своей готовности следовать им при любых обстоятельствах, существовал один вопрос, неизменно вызывавший споры,— вопрос о 10 тысячах долларов. Дело в том, что доллар к тому времени подвергся девальвации и составлял всего лишь две трети своей прежней стоимости. Алехин требовал полного взноса — 10 тысяч золотых долларов, а Капабланка упрямо придерживался буквального толкования текста.

Тем временем Алехин подыскал себе нескольких противников, которых он надеялся легко побить и получить гонорар. Таким образом, он дважды победил Боголюбова (1929 и 1934 годы), а в 1935 году в «меню» Алехина появился и я.

Если в матче с Боголюбовым действовали лондонские условия, то в поединке со мной правила пришлось несколько изменить: я считался любителем, и поэтому только Алехин получал денежный приз. Но вопреки всем ожиданиям, в том числе и моим, матч выиграл я и на правах нового чемпиона мира посчитал своей первой задачей подвести дальнейшие соревнования на первенство мира под крылышко ФИДЕ, но при этом возникло одно препятствие: по контракту я был связан обязательством предоставить Алехину реванш на условиях первого матча, и победа Алехина снова опрокинула бы все, ибо Алехин не хотел иметь с ФИДЕ никаких дел. Так оно в действительности и случилось. История 1935 года повторилась: в фаворитах ходил я, но вопреки многим ожиданиям, и моим в том числе, в матче-реванше победил Алехин.

Когда Керес и Файн в 1938 году победили в АВРО-турнире, где участвовали сильнейшие мастера того времени, включая Алехина, стали предприниматься серьезные попытки к организации матча Алехин — Керес, но свои коррективы внесла мировая война, а вскоре после ее окончания Алехин умер. Только тогда ФИДЕ смогла регламентировать борьбу за титул. Впервые первенство мира разыгрывалось по новому регламенту в турнире 1948 года, и на шахматном небосклоне засияла новая звезда — Ботвинник.

С восхождением на пьедестал нового чемпиона мира были определены условия, обязательные для будущих матчей на первенство мира, принятые конгрессом ФИДЕ (Париж, 1949) и впоследствии несколько раз уточнявшиеся.

До 1969 года в финальных матчах на первенство мира участвовали только советские гроссмейстеры, и определять место поединка не представляло трудностей. Когда же спустя 25 лет на горизонте появился претендент, не принадлежащий к плеяде советских гроссмейстеров, тут же выяснилось, что действующие правила далеки от совершенства. Изменить же в них что-либо можно будет лишь в будущем, так что мы должны довольствоваться тем, что имели до сих пор.

Сенсационные успехи Фишера возбудили во всем мире огромный интерес не только лично к Фишеру, но и к шахматам вообще, и это в конце концов сказалось на размерах призового фонда. ФИДЕ теперь серьезно взвешивает не только минимальный размер призового фонда, но и его максимум.

Затем возникли территориальные сложности. Предложения, поступившие в ФИДЕ, превзошли все ожидания: 14 заявок с большими призовыми фондами и прекрасными условиями проведения матча.

Чемпион мира Спасский и претендент Фишер должны были до 1 февраля сделать выбор. И тут-то начались первые трудности.

Я рассчитывал, что для решения вопроса о месте проведения матча шахматисты встретятся лично, а при необходимости их будут сопровождать официальные лица из своих шахматных федераций. Вскоре выяснилось, что советская федерация предпочла бы предварительно обсудить предложения обоих партнеров в Москве, прежде чем состоится их личная встреча. Когда я в конце января сообщил об этом предложении по телефону представителю шахматной федерации США Эдмондсону, он проявил понимание и сказал мне, что намерен 27 января прибыть в Амстердам (возможно, с Фишером), чтобы вручить мне свои предложения. Из этого прекрасного плана ничего не вышло. 27 января я получил московский список, но от Эдмондсона не было ни слуху ни духу.

То обстоятельство, что советский список пришел раньше, позволяло нам надеяться, что, получив американский список, мы сможем сразу же приступить к завершающей стадии переговоров. Но, увы, эти надежды не осуществились: американцы только в самый последний день известили ФИДЕ о своем решении.

10 февраля, когда истек установленный мною срок окончательного выбора, мы все еще не знали, где будет проходить матч: в Белграде или Рейкьявике.

Невольно возникла мысль разделить матч между двумя городами, и так как мне не хотелось предпочесть какую-либо из двух сторон, то эта идея мне в принципе понравилась. Но вначале мне нужно было узнать, согласны ли Белград и Рейкьявик с таким делением. Проект был воспринят с воодушевлением, так как обе стороны, очевидно, опасались остаться ни с чем. 14 февраля я принял решение: первая половина — в Белграде, вторая половина — в Рейкьявике. При этом я знал, что это решение никоим образом не является идеальным и поставит участников перед новыми проблемами.

Я сознаю, что заинтересованные стороны разошлись со смешанными чувствами. Двенадцать федераций, проделавшие большую работу, не получили права на проведение матча, оба шахматиста должны будут играть в разных местах. Не доволен и я сам, но счастлив, что советская шахматная федерация в конце концов нашла формулировку, чтобы сделать приемлемым наше решение. Итак, адреса известны, 22 июня в Белграде начнется матч, и мы станем свидетелями грандиозной битвы между двумя шахматистами, добившимися наибольших успехов в мире.

Перевод с немецкого

Есть необходимость предпослать этому интервью небольшую справку.

Джеймс Владимирович Ахмеди последние 25 лет работает старшим преподавателем физкультуры в средней школе № 57 Ленинского района Москвы. До этого он был начальником «Юного динамовца». Уже не первый год воспитывает он молодежь с помощью спорта. Его суждения кажутся нам тем более интересными, что 57-я школа давно славится своими спортивными традициями. Более 50 воспитанников Ахмеди, окончив институт физкультуры, стали преподавателями и тренерами. В то же время условия работы Ахмеди типичны для многих других преподавателей.

Пятьдесят седьмая расположена в самом центре Москвы. Рядом нет стадионов, спортивных баз, где можно было бы побегать, поиграть в футбол. Это обычные условия большого города, где человек испытывает постоянный недостаток в физических нагрузках, движении. Вот наша беседа с Д. В. Ахмеди.

ЗАБОТЫ ШКОЛЬНОГО СПОРТА

ЖУРНАЛИСТ. В настоящее время с введением нового комплекса ГТО особое значение приобретают проблемы школьного спорта. В этой связи возникает естественный вопрос: почему мы вспоминаем о необходимости физических нагрузок в зрелом возрасте, когда организм уже сформировался и приспособился к условиям жизни, и очень консервативно относимся к ним, если речь заходит о подрастающем поколении, в частности о школьниках? Как ни странно, а школьные программы, увеличившие свой объем по многим предметам, только в отношении уроков физкультуры почти не претерпели никаких изменений. Почему?

АХМЕДИ. Причина тут одна: предмет физического воспитания по-прежнему у нас считается второстепенным. К счастью, введение нового комплекса «Готов к труду и обороне СССР» заставит многих пересмотреть свои взгляды на школьный спорт. Наша школа имеет физико-математический уклон. В девятых — десятых классах эти предметы преподаются по более широкой, чем обычно, программе. Поэтому к нам переводятся из других школ те старшеклассники, которые решили поступать в технические вузы. И вот чаще всего новички оказываются физически значительно слабее наших воспитанников. Они сутулы, с плохо развитыми мышцами, с замедленной координацией движений, не обладают выносливостью. К чести новичков, они с такой яростью начинают заниматься спортом, что очень скоро не только сравниваются со «старожилами», но иной раз даже превосходят их.

Я привел этот пример отнюдь не для того, чтобы сказать: вот, мол, как хорошо обстоят дела с физкультурой и спортом в пятьдесят седьмой школе и как плохо — в других. Совсем не потому. Просто я хочу подчеркнуть, что каждый год мне приходится убеждаться, насколько школьные программы по физкультуре отстают от требований дня и многие победы моих воспитанников на районных и городских соревнованиях объясняются не столько их превосходством в том или ином виде спорта, сколько слабостью соперников...

ЖУРНАЛИСТ. Как же тогда получилось, что ваши ребята физически развиты лучше других — ведь школьные программы всюду одни и те же?

АХМЕДИ. Программы действительно одинаковые, но условия для занятий разные. В свое время было решено профилировать некоторые школы Москвы по конкретным видам спорта. Соответствующим приказом было постановлено, что пятьдесят седьмая будет иметь баскетбольный уклон. Таким образом, к тем двум часам физкультуры, которые ребята имели в неделю по программе, добавлялись четыре часа занятий в секциях. Мы постарались, чтоб посещение секций стало обязательным для всех учеников с первого по шестой классы.

Я сторонник ранней спортивной специализации. Но тем не менее считаю, что нельзя слишком жестко подходить к определению будущего спортивного уклона учащихся. Тут можно ошибиться. В этом смысле неоценимую возможность нам предоставляет новый комплекс ГТО: ведь это прекрасная основа общефизической подготовки.

ЖУРНАЛИСТ. Скажите, Джеймс Владимирович, схема, которая отработана в вашей школе — два часа физкультуры в неделю плюс четыре часа занятий в спортивной секции, — вас устраивает?

АХМЕДИ. Я слышал, что в Прибалтике школьная программа предусматривает шесть часов физкультуры в неделю, так что по времени мы равны. Я не знаю, к сожалению, всех тонкостей организации занятий у моих прибалтийских коллег, но мне кажется, что сочетание физкультуры и спорта — обязательное условие при любой постановке дела. Но и о различии между физкультурой и спортом забывать нельзя.

ЖУРНАЛИСТ. Могли бы вы рассказать об этом конкретнее?

АХМЕДИ. Сегодня, когда у школьников осталось так мало свободного времени и возможностей для подвижных игр, прогулок, уроки физкультуры должны как можно полнее восполнить недостаток в физических нагрузках. Преподаватель физкультуры, как скульптор, может лепить, формировать тело школьника, специальными упражнениями развивает мышцы ног, рук, спины, улучшает его осанку. А для этого необходимо, чтобы на уроке школьник выполнял как можно больше силовых упражнений. Если раньше я должен был научить его делать какой-то гимнастический элемент (например, подъем разгибом на перекладине) и тратил время на то, чтобы добиться чистоты исполнения этого элемента, то теперь мне важно, чтоб на уроке, условно говоря, он большее число раз подтянулся на канате, пусть даже не с оттянутыми носками, пусть коряво, но, главное, много. Тонкостям и четкости он научится в гимнастической секции. Учитель физкультуры должен его сделать просто сильным.

Поэтому школьные спортзалы должны быть оборудованы снарядами с большой пропускной способностью, чтобы урок физкультуры для каждого ребенка был заполнен работой, а не ожиданием своей очереди. К сожалению, такого оборудования наши школы не имеют и пока что коренных изменений в этом плане не предвидится.

ЖУРНАЛИСТ. Хотелось бы подробнее узнать о работе секций в вашей школе.

АХМЕДИ. Кроме двух учителей физкультуры, у нас работают пять тренеров, которые ведут занятия в секциях баскетбола, легкой атлетики и настольного тенниса. Это квалифицированные специалисты, знающие не только тонкости своего вида спорта, но и умеющие работать с детьми. Например, три группы девочек тренирует прославленная баскетболистка, заслуженный мастер спорта Ярошевская. Тренеры охотно идут работать к нам. В школе давно сложились спортивные традиции, есть два довольно хорошо оборудованных зала, в достатке спортивный инвентарь — все это облегчает работу.

Мы учитываем специфику детской психологии, поэтому отдаем много времени соревнованиям, чтобы долгая, монотонная отработка техники не отбила охоту тренироваться. В соревнованиях на первенство школы участвуют 43 баскетбольные команды.

Д. Ахмеди и его ученики.

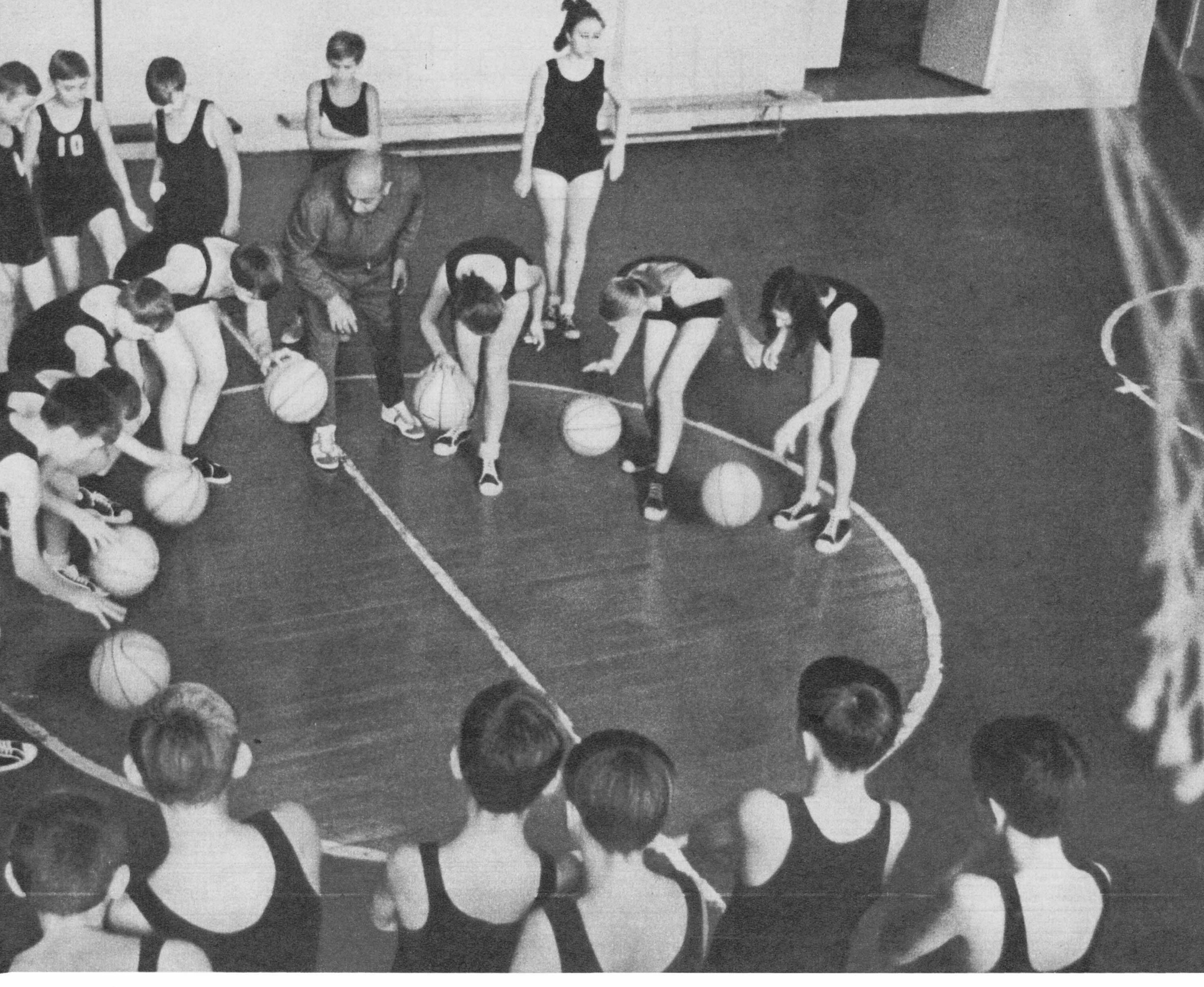

Фото А. Бочинина.

ЖУРНАЛИСТ. Другими словами, если есть желание, то можно физкультуру и спорт неплохо организовать в каждой школе?

АХМЕДИ. Это не совсем так. Я не открою Америки, если скажу, что у нас есть еще директора, преподаватели в школах, работники органов народного образования, которые считают, что время, проведенное учеником в спортзале, бесцельно потеряно. К сожалению, часто такой точки зрения придерживаются и родители. Их позиция предельно проста: учебные программы усложнились, значит, больше времени надо готовить уроки, значит, нужно экономить драгоценные свободные часы и минуты. И первое, за счет чего хотят экономить,— физкультура и спорт. Думается, что новый комплекс ГТО, который мы приняли на вооружение, кладет конец таким взглядам. Люди, которые считают, что школьники, увлекающиеся спортом, хуже учатся, должны будут пересмотреть свои позиции.

Я знаю немало двоечников и лентяев, которые никогда не занимались спортом. С другой стороны, среди моих лучших спортсменов немало отличников. Например, выпускница этого года Таня Огурцова играет за команду мастеров, член сборной Москвы и в то же время постоянная победительница олимпиад по физике и химии, отлично училась в средней школе и окончила одновременно еще и музыкальную. Миша Волошин, один из лучших спортсменов школы, был победителем международных соревнований школьников по физике. Сейчас он студент МФТИ.

Но, увы, с этими фактами не всегда считаются. Школьник, который не успевает по другим предметам, в спортивную секцию не принимается. Почему? Дорожа занятиями спортом, ученик подтянется и по другим дисциплинам.

Мне кажется, что физическое воспитание молодежи нам затрудняют люди, считающие, что физкультура и спорт — развлечение, а не жизненно необходимое занятие. Какой-нибудь директор школы, не задумываясь, купит дорогой магнитофон, чтобы проводить в школе вечера отдыха, и пожалеет истратить те же деньги на спортивное оборудование.

В последнее время физика и химия добились невиданных успехов. Чтобы втиснуть новые сведения об этих науках в школьные программы и в то же время не увеличивать числа уроков, разрабатываются специальные методические руководства для учителей. И только преподаватели физкультуры не получают подобной помощи, а ведь время идет, условия нашей работы меняются, и заботиться нам приходится о самом дорогом — здоровье молодого поколения. Теперь нам в этом поможет новый комплекс ГТО.

ЖУРНАЛИСТ. Ну, а если отвлечься от забот сегодняшних и заглянуть в завтрашний день, то каким вы представляете свой предмет в будущем? Какими, по вашему мнению, должны быть физкультура и спорт в школе?

АХМЕДИ. Мне кажется, главное, что необходимо сделать,— это немедленно уравнять по значимости уроки физкультуры с остальными предметами и значительно увеличить число часов, отводимых ей. Мы много уделяем внимания интеллектуальному, духовному обогащению подрастающего поколения. И это разумно. Человек будущего должен быть духовно красив. Но мы обязаны вырастить его и еще физически здоровым и красивым. По-моему, десять лет, которые отданы обучению в школе, вполне достаточный срок, чтобы не только сформировать такого человека, но и привить ему любовь к спорту, физическому самосовершенствованию. К этому и устремлен новый комплекс «Готов к труду и обороне СССР».

Растить поколения советских людей высококультурными не только духовно, но и физически — в этом задача преподавателей физического воспитания.

МАСТЕРА ХОРОШЕГО НАСТРОЕНИЯ

Что такое выступление массовика?.. Иногда говорят, что это театр одного актера. Пожалуй, верно: массовик выступает один. Но, с другой стороны, его «партнерами» являются десятки, а иногда и сотни участников...

Массовик не только актер, но и режиссер своей программы. Я уж не говорю о том, что он должен быть хормейстером, балетмейстером и чтецом одновременно... Короче: он должен уметь все, чтобы заинтересовать, объединить зал общим настроением. Для этого культорганизатору, или, как еще его называют, мастеру хорошего настроения, необходимо проявлять такие качества, как находчивость, живость, непринужденность и задушевность. А это не очень-то легко: кроме таланта, нужен большой труд, иначе все положительные качества культорганизатора превратятся в свою противоположность: навязчивость, крикливость, манерность... Признаемся сразу, что таких вот «массовиков» у нас тоже, к сожалению, немало, и оттого многие отдыхающие до сих пор с сомнением и иронией относятся к человеку, пытающемуся их «развлечь» где-нибудь в доме отдыха или парке культуры...

Сейчас в стране проводятся республиканские и зональные смотры массовиков-культорганизаторов; в конце года победители этих смотров предстанут на всесоюзном конкурсе.

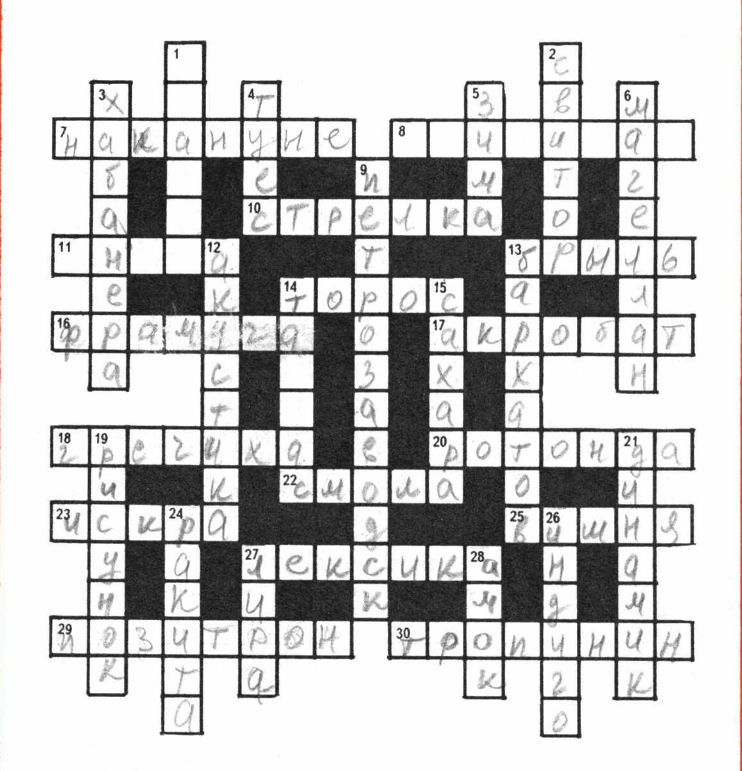
Как же выглядят подобные конкурсы?.. Несколько слов о первом зональном смотре в Череповце.

...Очередной участник выходит в зал, начинает программу. Публика сидит самая наитребовательнейшая: это те же участники смотра и их коллеги, приглашенные в качестве гостей из самых разных городов. Во все программы, как правило, включены игры, песни, массовые танцы... И каждый из выступающих так или иначе прославляет свой край, свою область, свой город, рассказывая о традициях, обычаях своего народа... Так, Лариса Зарембо в программе «Синий лен» рассказала о труде псковитян, своих земляков; Валентина Комарова из Коми АССР показывала народные игры и танцы...

Из тридцати четырех работ, представленных на смотр, двадцать три отобраны на всесоюзный конкурс. Лучшими были признаны работы делегаций Ленинграда, Пскова, Коми АССР, Вологды, Череповца...

Мне сейчас остается как члену жюри предстоящего Всесоюзного смотра массовиков-культорганизаторов пожелать дальнейших успехов победителям зональных и республиканских конкурсов.

Ю. ГРАЧЕВСКИЙ

КРОССВОРД

По горизонтали: 7. Роман И. С. Тургенева. 8. Литовский духовой инструмент. 10. Деталь часов. 11. Малая планета. 13. Белорусский писатель. 14. Ледяная глыба. 16. Верхняя створка окна. 17. Цирковой артист. 18. Зерновая культура, медонос. 20. Круглое сооружение с куполом. 22. Сок хвойных растений. 23. Действующее лицо оперы П. И. Чайковского «Мазепа». 25. Плодовое дерево или кустарник. 27. Словарный состав языка или диалекта. 29. Частица, имеющая массу электрона и положительный заряд. 30. Русский живописец-портретист.

По вертикали: 1. Созвездие Северного полушария неба. 2. Вязаная фуфайка. 3. Испанский народный танец-песня. 4. Берестяной короб для ягод и грибов. 5. Время года. 6. Великий мореплаватель. 9. Столица Карельской АССР. 12. Наука о звуке. 13. Персонаж комедии А. Н. Островского «Волки и овцы». 14. Река в Новосибирской области. 15. Пустыня в Африке. 19. Основной вид графики. 21. Громкоговоритель. 24. Стихотворение М. Ю. Лермонтова. 26. Органический синий краситель. 27. Щипковый инструмент. 28. Новелла С. Цвейга.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 12

По горизонтали: 5. Сортавала. 8. «Черкесы». 9. Теорема. 10. Весна. 14. Альт. 16. Саванна. 18. Кафе. 19. Тургенев. 20. Солонгой. 21. Корт. 23. Аметист. 24. Сито. 28. Артек. 30. Собинин. 31. Камелия. 32. Ризосфера.

По вертикали: 1. Осокорь. 2. Брюсов. 3. Ракета. 4. Матрица. 6. Педаль. 7. Амфора. 11. Сталактит. 12. Мазурка. 13. «Ледоход». 15. Трент. 16. «Смена». 17. Апорт. 18. Кросс. 22. «Разлом». 25. Италия. 26. Колибри. 27. Энцелад. 28. Ариозо. 29. Кратер.

На первой странице обложки: За несколько секунд этот робот своими челюстями, развивающими усилия в 100 тысяч килограммов, превращает обычный графит в алмаз (см. в номере репортаж «Алмаз, который крепче алмаза»).

Фото Н. Козловского.

На последней странице обложки: «Мастера хорошего настроения» Валентина Комарова из Коми АССР и Лариса Зарембо из Псковской области — участницы смотра массовиков Северо-Запада России.

Фото Л. Бородулина.

Адрес редакции: 101456, Москва, А-15, ГСП, Бумажный проезд, 14.

Рукописи не возвращаются.

Оформление А. А. КОВАЛЕВА.

Телефоны отделов редакции: Секретариата — 253-38-61; Отделы: Репортажа и новостей — 253-37-61; Международный — 253-38-63; Искусств — 250-46-98; Литературы — 250-56-88; Очерка — 250-15-33; Критики и библиографии — 253-38-26; Науки и техники — 253-37-52; Юмора — 253-39-05; Спорта — 253-32-67; Фото — 253-39-04; Оформления — 253-38-36; Писем — 253-36-28; Литературных приложений — 253-38-52, 253-32-45.

Сдано в набор 6/III-72 г. А 00647. Подп. к печ. 21/III-72 г. Формат бумаги 70 × 108 1/8. Усл. печ. л. 7,0. Уч.-изд. л. 11,55. Изд. № 669. Тираж 2 100 000 экз. Заказ № 2646.

Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина. 125865, Москва, А-47, ГСП, ул. «Правды», 24.

ПРИЗВАНИЕ

Художник-анималист — это одновременно и исследователь. Без глубоких знаний в области зоологии, биологии, ботаники и географии эта профессия просто невозможна, не говоря уж о любви к природе и миру животных. Художников-анималистов не так уж много. Но с их трудом мы встречаемся начиная со школьных учебников...

Почти сорок лет посвятил любимому делу Вадим Трофимов.

Судьбу В. Трофимова решило знакомство с Василием Алексеевичем Ватагиным, который заметил пытливый интерес молодого художника к природе и животным. Вскоре Трофимов начал помогать В. А. Ватагину в его работе в Дарвиновском музее и Московском зоопарке.

Довоенные годы — годы напряженного учения у природы и искусства. Художник выполнил более ста скульптур в Дарвиновском музее, многочисленные рисунки и иллюстрации к книге Н. А. Бобринского «Зоогеография»...

В дни войны работа в Изогизе и в «Окнах ТАСС». В содружестве с поэтами художник создает агитационные произведения: «Котенок, как ни жрал, а стать, как лев, не мог», «Расчет вороний был довольно прост», «Скаля зубы под Москвой, злые волки выли...». И, конечно, в качестве персонажей в этих плакатах В. Трофимова фигурируют звери и птицы.

В. Трофимов побывал на Цейлоне по приглашению Национального фронта искусств Цейлона для преподавания графики цейлонским художникам. Результатом явился графический цикл, посвященный природе и животному миру тропического острова.

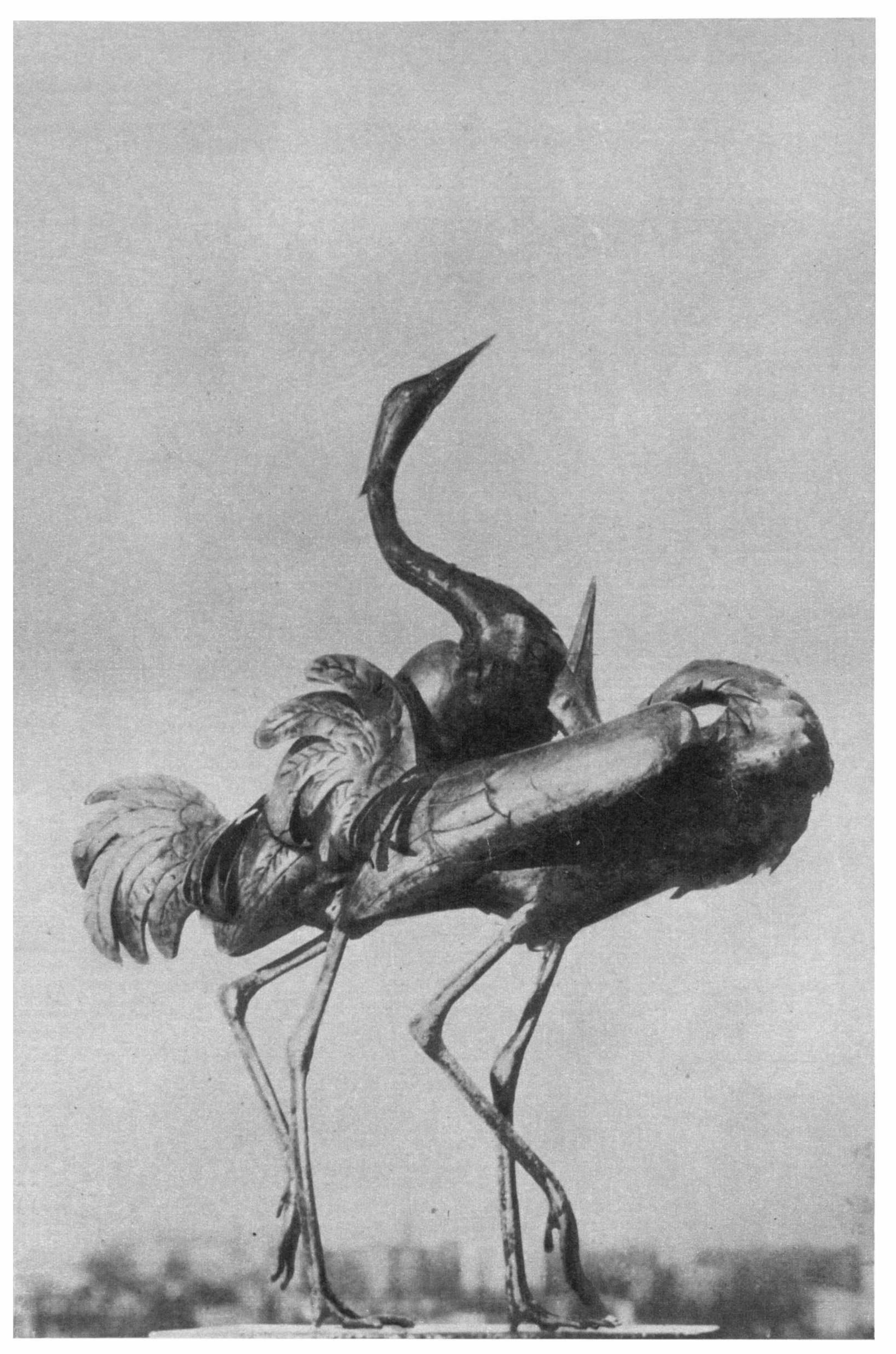
Был В. Трофимов в Индии, изучал древнюю индийскую скульптуру. Остроте наблюдения в сочетании с высоким образным обобщением учился художник у искусства Древнего Востока — Индии, Ассирии, Египта.

В мастерской Вадима Вадимовича Трофимова — иллюстрированные им книги, рисунки, литографии и линогравюры, скульптура в металле и фарфоре. В основе всего — призвание. Оно влечет художника то на север, то на юг — в земли, скованные льдами и вечной мерзлотой, или в степи и пески пустынь.

Потом в мастерской вынашиваются замыслы новых работ. Это очень часто скульптура, вернее, скульптура-выкройка из металла. Сложенный лист бумаги при помощи ножниц был превращен в первую такую выкройку. Теперь на этом принципе В. Трофимовым выполнены скульптуры, украсившие сады и парки. Например, «Журавли» — в детском лагере в Купавне, «Олень» — перед зданием гостиницы «Заря» в Москве.

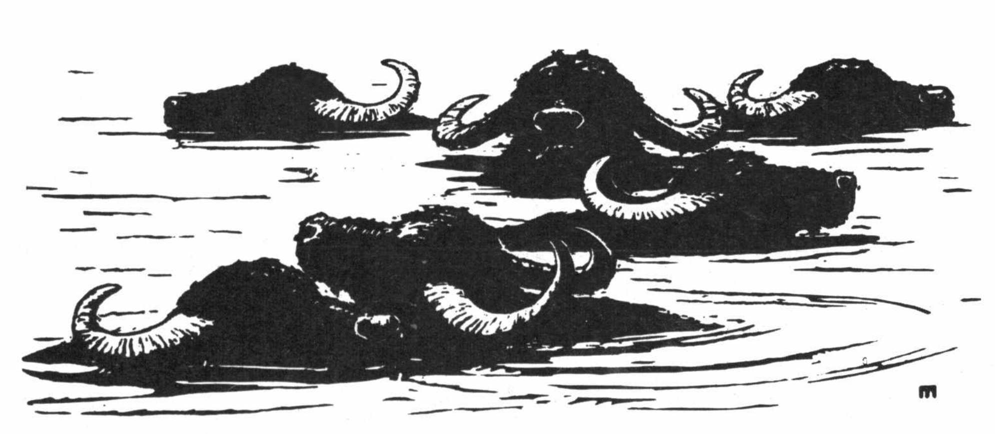
В произведениях В. Трофимова мы всегда ощущаем неравнодушие, желание донести до зрителя любовь ко всему живому, приучить каждого человека с детства быть активным защитником природы и животных.

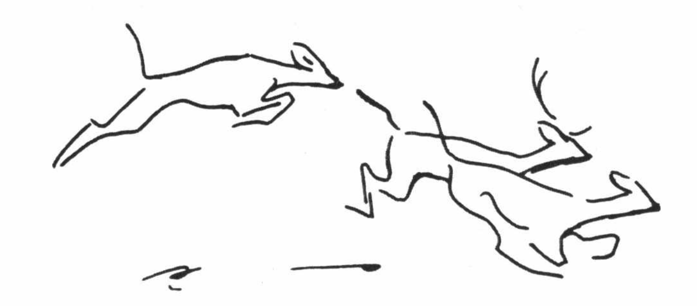
Л. КЕЙДАН

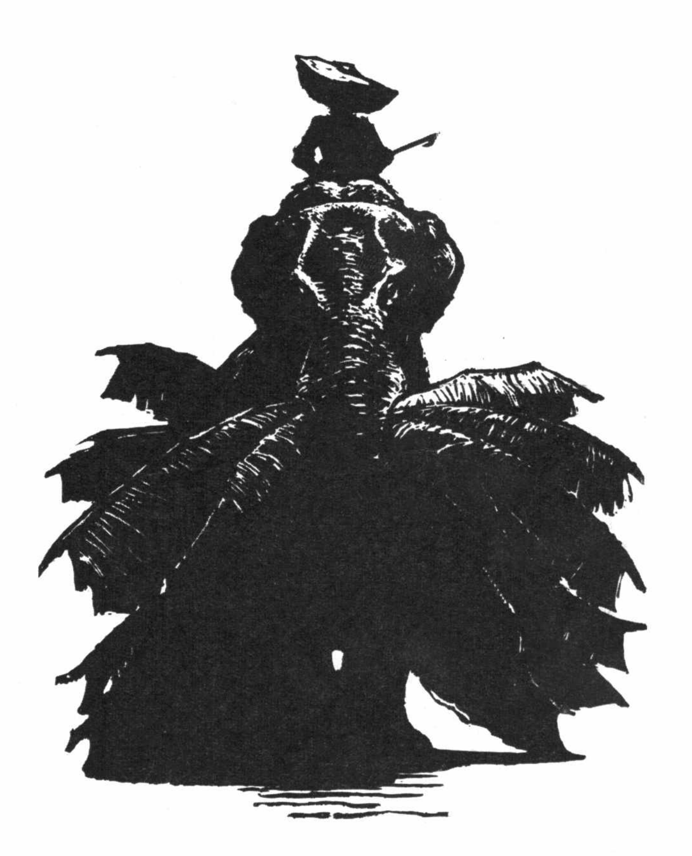
Журавли. Медь.

Буйволы. Цейлон. Линогравюра.

Олени. Набросок с натуры.

Рабочий слон. Цейлон. Линогравюра.

Павлин. Антилопа. Наброски с натуры.

Индекс 70663.
Цена номера 30 коп.